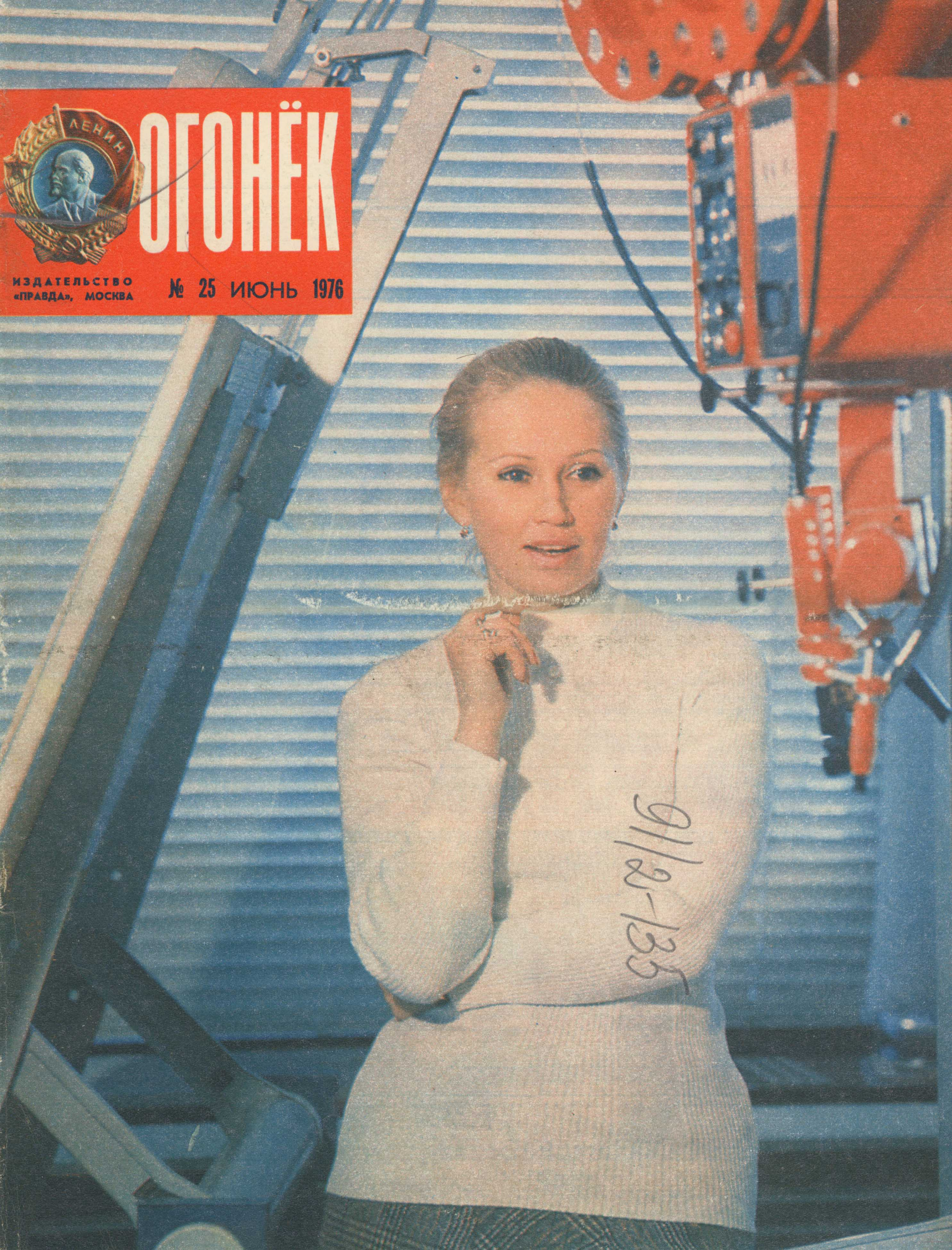
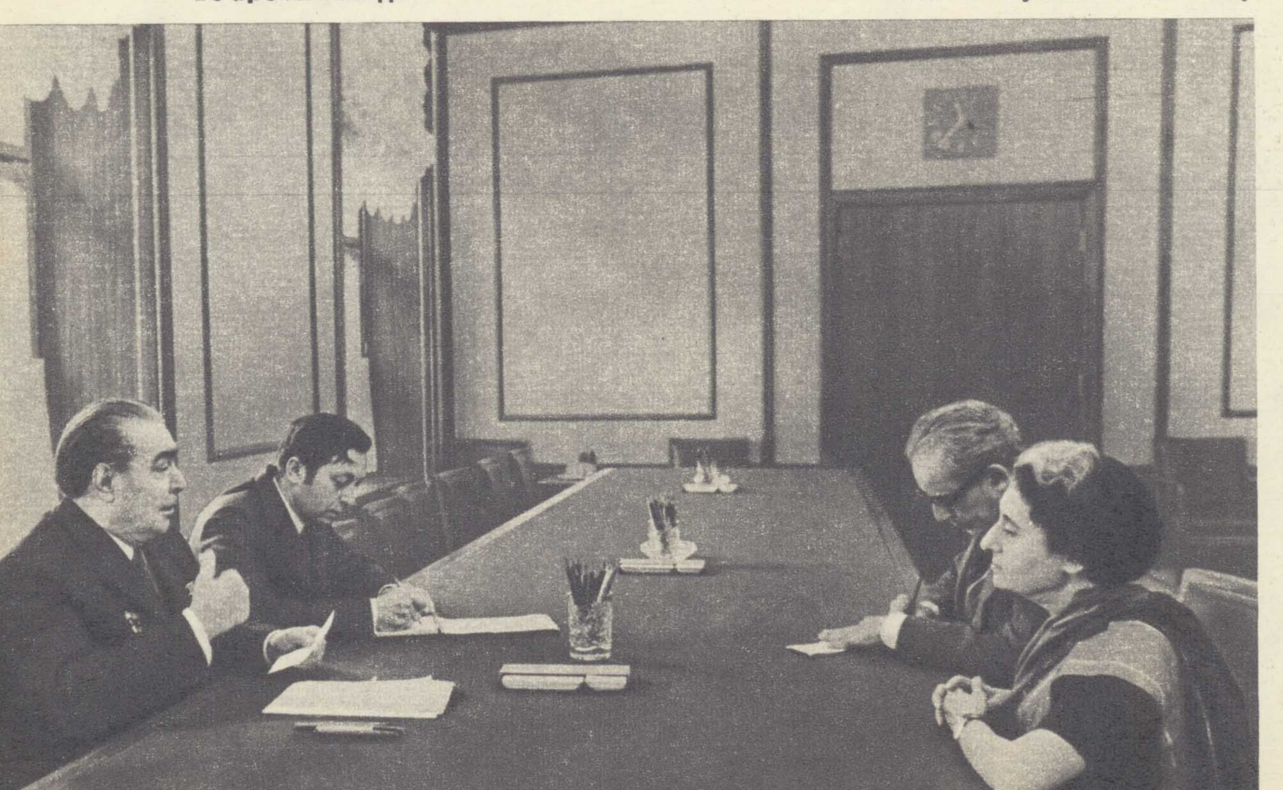

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1976

Подписание Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Индией.

ДРУЖБА И ВЗА

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2554)

19 ИЮНЯ 1976

Фото А. Гостева.

ИМОПОНИМАНИЕ

11 июня. Москва. Проводы Премьер-Министра Республики Индии Индиры Ганди.

С 8 по 13 июня 1976 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди.

Премьер-Министр Индира Ганди имела беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, прошедшую в теплой и дружественной обстановке.

В ходе визита между Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным, А. Н. Косыгиным, А. А. Громыко и Премьер-Министром Индии Индирой Ганди состоялись переговоры.

Л. И. Брежнев и Индира Ганди подписали Декларацию о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Индией.

ГОРИЗОНТЫ СОЗИД

КАК САМЫХ ДОРОГИХ ГОСТЕЙ

Москвичи тепло встретили посланцев культуры и искусства Латвии, приехавших для проведения Дней культуры Латвийской ССР.

Творческий отчет мастеров искусств братской республики начался торжественным концертом в Кремлевском Дворце съездов. На концерте присутствовали товарищи А. П. Кириленко, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин. Здесь находились также первый секретарь ЦК Компартии Латвии А. Э. Восс, Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР П. Я. Страутманис, Председатель Совета Министров республики Ю. Я. Рубэн; в зале были члены делегации во главе с секретарем ЦК Компартии

АНИЯ

14 июня в Улан-Баторе, в Зале заседаний Великого Народного хурала, открылся XVII съезд Монгольской народно-революционной партии.

Стоя, горячей овацией встретили делегаты появление в президиуме съезда Первого секретаря ЦК МНРП тов. Ю. Цеденбала, других руководителей партии и государства. Вместе с ними места в президиуме заняли глава делегации Коммунистической партии Советского Союза член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Ф. Д. Кулаков, главы партийных делегаций братских социалистических стран, а также других зарубежных делегаций, прибывших на съезд.

В повестке дня съезда: отчет Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, отчет Центральной ревизионной комиссии МНРП, рассмотрение проекта «Основные направления развития народного хозяйства и культуры МНР на 1976—1980 годы», выборы центральных органов партии.

С отчетным докладом Центрального Комитета МНРП XVII съезду выступил Первый секретарь ЦК МНРП тов. Юмжагийн Цеденбал.

На вечернем заседании выступил тепло встреченный присутствующими глава делегации Коммунистической партии Советского Союза член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков. Его речь была выслушана с большим вниманием и неоднократно прерывалась аплодисментами. Ф. Д. Кулаков вручил президиуму приветствие Центрального Комитета КПСС XVII съезду Монгольской народно-революционной партии.

На снимке: открытие XVII съезда МНРП.

Телефото В. Мастюкова (ТАСС)

республики И. А. Андерсоном, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов, другие официальные лица.

Гостей столицы приветствовал народный артист СССР Михаил Ульянов. В ответном слове народная артистка СССР Вия Артмане поблагодарила москвичей за гостеприимство.

В концерте, который прошел с большим успехом, приняли участие ведущие творческие коллективы и исполнители — симфонический оркестр Государственного академического театра оперы и балета Латвийской ССР, солисты балета, певцы, Академический хор республики, народный хор «Дайле», хор имени Т. Калныня и рижский камерный хор «Аве сол», ансамбли «Лиесма» и «Вия»...

Программа вечера стала замечательным, ярким рассказом о жизни и труде латышского народа, о нерушимом братстве с русским народом и всеми народами нашей Родины.

Дни культуры Латвийской ССР проходят также в Саратове, Томске, Ярославле и других городах Российской Федерации.

На снимке: танец «Вей, ветерок!» в исполнении ансамбля «Дайле».

Фото В. Лисицына (ТАСС)

ЕДИНСТВО ВЕЛИКИХ СИЛ

Мэлор СТУРУА

В летопись дружественных советско-индийских отношений вписана новая важная страница. 11 июня в Кремле состоялось подписание Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Индией. Декларацию подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Премьер-Министр Республики Индии И. Ганди.

Декларация 11 июня явилась логическим продолжением и развитием советско-индийских отношений на протяжении последних десятилетий. Она как бы приняла эстафету от Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индией, подписанного в Нью-Дели 9 августа 1971 года, и совместной советско-индийской декларации от 29 ноября 1973 года. Эти три выдающихся документа имеют огромное значение для развития многогранного советско-индийского сотрудничества. Более того, они являются стабилизирующим фактором в Южной Азии, на азиатском континенте и в мире в целом.

Выступая 8 июня в Большом Кремлевском дворце на обеде в честь Индиры Ганди, товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «Постоянно крепнущую советско-индийскую дружбу мы ценим высоко, придаем ей, я бы сказал, принципиальное значение. Мы рассматриваем ее как воплощение нерушимой дружбы и единства двух великих сил современности — мира социализма и стран, освободившихся от колониального ига и вступивших на путь независимого прогрессивного развития». Воплощением дружбы и единства этих двух великих сил современности явилась и Декларация 11 июня.

Советскому Союзу и Индии, всем странам социализма и странам, сбросившим иго колониализма, мир нужен как воздух. Он непременное условие их созидательного труда, поступательного развития. Идеи укрепления мира и международной безопасности красной нитью пронизывают Декларацию 11 июня. В ней вновь провозглашается, что в основу межгосударственных отношений должны быть положены те принципы, которые в своей совокупности именуются принципами мирного сосуществования. В Декларации подчеркивается, что превращение Азии в континент прочного мира будет, безусловно, способствовать дальнейшей нормализации отношений между странами и укреплению всеобщего мира. Советский Союз и Индия единодушны в своей оценке положительного вклада движения неприсоединения в общую борьбу народов против политики агрессии и вмешательства империализма, за ликвидацию всех форм остатков колониализма. Советский Союз и Индия выступили за утверждение добрососедских отношений между государствами Индостанского субконтинента и решительно высказались против любого подстрекательства извне и против любых попыток внешних сил, направленных на осложнение обстановки в этом районе. Советский Союз и Индия поддержали стремление народов бассейна Индийского океана не допустить его превращения в арену создания иностранных баз, высказались в пользу превращения Индийского океана в зону мира.

Советский Союз и Индия продемонстрировали единство мнений относительно того, что для сохранения и упрочения мира первостепенное значение имеет дополнение политической разрядки разрядкой военной, прекращение гонки вооружений. Советский Союз и Индия едины в таком вопросе, как необходимость скорейшего созыва Всемирной конференции по разоружению. Они призвали все государства содействовать принятию мер, направленных на заключение всемирного Договора о неприменении силы в международных отношениях.

В наши дни мир неделим. Вот почему в Декларации приветствуется успешное завершение общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству. Разрядка напряженности, подчеркивается в Декларации, жизненно важна для всех стран мира, больших и малых, развитых и развивающихся. Премьер-Министр Индии дала высокую оценку тому вкладу, который внес Советский Союз в этот процесс.

Много лет назад основатель Советского государства В. И. Ленин предсказал великое будущее освобожденной Индии. Ныне это пророчество сбывается. Индия превратилась в сильное государство, играющее важную роль в мировой политике. Успешно развиваются ее экономика, наука, техника, обогащается ее великое культурное наследие. Большую роль в этих позитивных сдвигах играет советско-индийское дружеское сотрудничество.

Итоги советско-индийских переговоров в Москве убедительно подтвердили плодотворность практики политических консультаций между нашими странами. Отмечая особое значение встреч на высшем уровне как фактора, эффективно содействующего развитию и углублению советско-индийских межгосударственных отношений, стороны договорились проводить встречи между руководителями Советского Союза и Индии на периодической основе.

Визит Премьер-Министра Индии в Советский Союз и состоявшиеся переговоры явились новым крупным вкладом в дело дальнейшего развития дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и Индией. И все это, несомненно, будет способствовать упрочению мира в Азии и во всем мире.

МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК
КАТУКОВ
Михаил Ефимович

После тяжелой, продолжительной болезни скончался видный советский военачальник, активный участник гражданской войны, один из прославленных героев Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза Маршал бронетанковых войск Катуков Михаил Ефимович. Всю свою сознательную жизнь он посвятил беззаветному служению народу, социалистической Родине, делу Коммунистической партии, членом которой состоял с 1932 года.

М. Е. Катуков родился в 1900 году в с. Большое Уварово Московской области в семье крестьянина и рано начал трудовую деятельность. С девятнадцати лет он связал свою жизнь с Вооруженными Силами и прошел в них большой путь от красноармейца до Маршала бронетанковых войск. Будучи рядовым бойцом, он участвовал в борьбе с контрреволюционными войсками на Южном фронте, а затем сражался против белополяков. После гражданской войны он занимал ряд ответственных командных и штабных должностей в войсках, одновременно сочетая практическую работу с учебой.

С начала Великой Отечественной войны и до победоносного ее завершения М. Е. Катуков находился в действующей армии, командуя танковыми бригадой, корпусом и Первой гвардейской танковой армией. В горниле ожесточенных сражений ярко проявились его личное мужество, незаурядные организаторские способности, талант военачальника. Он умело руководил боевыми действиями вверенных ему войск по разгрому врага под Москвой, при освобождении Правобережной и Западной Украины, Польши и в завершающих операциях на территории Германии.

В послевоенное время М. Е. Катуков командовал танковой и механизированной армиями, занимал ответственные посты в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Он внес большой вклад в развитие и совершенствование бронетанковых и механизированных войск, отдавал свой богатый боевой опыт делу обучения и воспитания воинов-танкистов. С 1963 года — военный инспектор-советник группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

М. Е. Катуков был требовательным, внимательным и чутким начальником, пользовался заслуженным авторитетом у подчиненных. Его отличали высокая партийная принципиальность, большое трудолюбие и скромность. Он активно участвовал в общественно-политической жизни, избирался членом ЦК Компартии Белоруссии и депутатом Верховного Совета Белорусской ССР.

Заслуги М. Е. Катукова высоко отмечены Советским государством. Ему было дважды присвоено звание Героя Советского Союза, он награжден четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 степени, орденами Кутузова 1 и 2 степени, Богдана Хмельницкого 1 степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 степени, многими медалями, а также орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств.

Светлая память о Михаиле Ефимовиче Катукове — верном сыне Коммунистической партии, пламенном патриоте Советской Отчизны — навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, В. Ф. Толубко, И. Г. Павловский, П. Ф. Батицкий, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. К. Куркоткин, Н. И. Савинкин, Н. В. Огарков, Н. Н. Алексеев, А. Т. Алтунин, А. В. Гелованн, И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, П. К. Кошевой, В. И. Чуйков, И. Н. Шкадов, М. М. Козлов, Г. В. Средин, М. Г. Соболев, С. П. Васягин, В. З. Якушин, А. Х. Бабаджанян, П. А. Ротмистров, О. А. Лосик, П. И. Батов, Д. Д. Лелюшенко, С. И. Руденко, А. С. Желтов, А. Л. Гетман, И. И. Гусаковский, П. П. Полубояров, В. Н. Дутов, Д. А. Драгунский, Н. К. Попель.

Михаил КОТОВ,
член Всемирного Совета Мира

БИТВА ЗА МИР

Стокгольмское воззвание подписывает токарь Кишиневского тракторного завода А. К. Агапов.

Фото Б. Капнина (ТАСС)

Наше время знаменательно тем, что народы, как никогда, осознали свою роль в предотвращении угрозы ядерной войны. И не только осознали, но своими действиями в защиту мира ставят преграды на пути тех, кто хотел бы раздуть мировой военный пожар.

Перелистаем же несколько страниц славных деяний миллионов людей доброй воли, которые вот уже много лет изо дня в день ведут настойчивую, неустанную и благороднейшую битву за мир. Да, именно сотни миллионов людей составляют сегодня самое могучее движение современности — движение сторонников мира, недавно отмечавшее свое двадцатипятилетие.

В весенние дни 1950 года в столице Швеции Стокгольме собрался Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира. Сюда, в Стокгольм, приехали с разных концов света лучшие умы, совесть человечества. Среди них были знаменитые ученые, известные писатели, деятели культуры, представители самых разных кругов мировой общественности. И тогда родилось знаменитое Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия массового уничтожения и объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие. Воззвание огласил выдающийся ученый Франции Фредерик Жолио-Кюри. Он выдвинул предложение обратиться к народам всех стран с призывом скрепить его своими подписями, что было принято

КАНУН

Группа механизаторов колхозов и совхозов — делегатов XXV съезда КПСС, каждый из которых отдал сельскому хозяйству многие годы жизни, обратилась с письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. В письме известные мастера поделились мыслями о подготовке к уборочной страде, о том, как быстрее и лучше собрать урожай первого года десятой пятилетки, рассказали о своих обязательствах.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в своем ответе на это письмо отметил широкий, государственный подход прославленных механизаторов к решению задач, выдвинутых XXV съездом КПСС, горячую заботу о судьбе урожая.

Наш корреспондент Н. Быков связался по телефону с зерносовхозом «Московский», Целинского района, Ростовской области, и попросил звеньевого комплексного механизированного звена, Героя Социалистического Труда Николая Васильевича Бочкарева рассказать, как он и его товарищи готовятся к уборочной страде.

— Письмо Леонида Ильича в канун большой страды мобилизует на труд спорый, самоотверженный. Дать уже в первом году новой пятилетки больше сельскохозяйственной продукции и лучшего качества — значит положить доброе начало всему пятилетию.

Передовые люди села стали сегодня под знамя Всесоюзного социалистического соревнования, которое начали наши донские и алтайские земледельцы, за максимальное использование всех резервов колхозного и совхозного производства, за высокий урожай.

Донские пшеничные степи начинают созревать. Набирает силу хлебная нива. Озимые дружно выколосились. Ждем хорошего налива. Но не только от него, не только от удачного стечения погодных условий в этот решающий месяц зависит намолот. Намолот — хороший ли, плохой ли,— его надо еще и взять! Опыт работы в последние годы показал, что лучшие механизаторы страны, мастера своего дела, научились брать хлеб даже в самых трудных условиях. Помогают чувство ответственности, умение, новая техника.

Наше звено еще летом 1974 года четырьмя комбайнами «Колос» намолотило при подборе валков за двадцать три часа непрерывной работы свыше восьми тысяч центнеров зерна. Мы не только рекорд ставили, но и доказали, на что способны мы сами и наша новая техника. Показали, какие возможности дает научная организация труда, индивидуальное техническое обслуживание. А в прошлом году

с огромным энтузиазмом. Все участники той исторической встречи поставили свои подписи под родившимся воззванием.

За короткий срок Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия подписали свыше 500 миллионов человек. Это была великая демонстрация решимости народов остановить подготовку атомной войны, явилось грозным предупреждением для поджигателей войны. Один из американских историков потом расскажет, что могучий голос народов заставил распоясавшихся агрессоров отрешиться от планов применения атомного оружия во время войны в Корее.

Естественно, что советские люди были в числе первых, кто поддержал призыв из Стокгольма. Советский комитет защиты мира, созданный в августе 1949 года на Первой всесоюзной конференции сторонников мира, призвал всех советских людей поставить свои подписи под Стокгольмским воззванием. Верховный Совет СССР выступил с заявлением в поддержку этого призыва. Все взрослое население нашей страны в дни кампании по сбору подписей показало свою готовность твердо и решительно отстаивать мир. Под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира подписалось 115 миллионов 514 тысяч 703 советских гражданина.

На XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал о том, что мы четвертое десятилетие живем в условиях мира, что позиции социализма окрепли и разрядка напряженности стала ведущей тенденцией. Это наш главный итог, и таким итогом советские люди могут гордиться. Одновременно товарищ Брежнев напомнил о том, что нельзя ослаблять усилий в борьбе за мир, что надо быть бдительными к любым проискам империализма, что дело мира требует неустанных действий, ибо «человечество устало жить, сидя на горах оружия, а подхлестываемая агрессивными кругами империализма гонка вооружений нарастает».

Сторонники мира всех стран помнят о своем великом долге не ослаблять усилий в битве за мир.

В конце мая — начале июня 1975 года в Стокгольме собралась сессия президиума Всемирного Совета Мира. Ее участники отмечали 25-летие Стокгольмского воззвания. Вновь и вновь на этой встрече борцов за мир со всей полнотой подтвердилось, что голос народных масс, их твердая решимость — это огромная сила в современной мировой политике. Путь, пройденный движением за мир, казалось бы, небольшой — всего 25 лет от Стокгольма-50 до Стокгольма-75. Но как же он был наполнен событиями и славными делами защитников мира! Эта сессия проходила уже в условиях разрядки. Отмечая великие победы сил мира, ее участники в то же время были озабочены и опасностью непрекращающейся гонки вооружений. И тогда на этом форуме Всемирного Совета Мира было решено обратиться вновь к народам с призывом: **остановить гонку вооружений!**

В призыве говорится, что прекращение гонки вооружений откроет человечеству дорогу к миру без оружия, в котором будет полностью запрещено ядерное оружие, все виды оружия массового уничтожения, к миру, в котором будет осуществлено всеобщее и полное разоружение.

Вот заключительные слова обращения Всемирного Совета Мира, призывающего все правительства и парламенты, все общественные движения и организации, выступающие за мир, политические партии, профсоюзы, женские и молодежные, религиозные, социальные и культурные организации, ставящие своей целью прогресс человечества, объединить силы для нового всемирного наступления на гонку вооружений:

«Чтобы сделать разрядку необратимой — остановить гонку вооружений!

Чтобы быстрее создать новый международный экономический порядок — остановить гонку вооружений!

Чтобы защитить мир и построить новый мир — остановить гонку вооружений!

Вместе бороться за запрещение ядерного и всех других видов оружия массового уничтожения!

Вместе бороться за всеобщее и полное разоружение!

Вместе бороться за скорейший созыв всемирной конференции по разоружению!»

Новое Стокгольмское воззвание уже скрепили своими подписями люди самых разных политических взглядов и убеждений во многих странах. Среди них я назову имя и президента Финляндии Урхо Кекконена, многих видных политических деятелей этой страны. В индийском штате Андхра-Прадеш 94 члена Законодательной ассамблеи штата подписали новое Стокгольмское воззвание, а в штате Ассам — все министры правительства штата и более 90 законодателей. Число подобных отрадных сообщений из разных стран все ширится.

Советский комитет защиты мира, выражая мнение всех советских борцов за мир, заявил о солидарности общественности нашей страны с призывом Всемирного Совета Мира, о своей готовности вместе со всеми миролюбивыми силами планеты внести свой вклад в обеспечение успеха этого нового массового движения.

В конце ноября прошлого, 1975 года в Ленинграде проходила Всемирная конференция представителей национальных движений за мир. Ее участники, выражая полную поддержку и одобрение новому Стокгольмскому воззванию, заявили о своей решимости развернуть в течение 1976 года всемирную кампанию за прекращение гонки вооружений и за разоружение.

По всей нашей стране идет всенародная массовая кампания в поддержку нового Стокгольмского воззвания. Сбор подписей под этим воззванием будет проходить в основном в июне — июле. На предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и студенческих стройотрядах организуются митинги, собрания, другие массовые мероприятия. В городах, районах, областях созданы комитеты содействия, в состав их входят представители партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, активисты местных комитетов защиты мира. Отовсюду идут вести, что кампания по сбору подписей под новым Стокгольмским воззванием проходит в нашей стране с огромным энтузиазмом.

Поборников мира радует, что провозглашенная на XXV съезде КПСС Леонидом Ильичом Брежневым величественная программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов успешно воплощается в жизнь. Ярким тому свидетельством служит новое событие, которому также суждено занять свое достойное место на страницах истории. 28 мая этого года подписан Договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях.

Подписывая договор, Л. И. Брежнев отметил, что в«сотрудничестве с другими странами мы готовы энергично двигаться по широкому фронту мер, ведущих к свертыванию гонки вооружений, к разоружению». Наша страна, осуществляя новую программу мира, показывает пример того, как можно и должно обеспечить решительный переход к физическому сокращению накопленных запасов оружия, к фактическому разоружению. Сама жизнь диктует настоятельную необходимость решения этих вопросов. Миролюбивые силы во всех странах с огромным одобрением встретили этот новый шаг на пути к всеобщему разоружению.

Все это придает новый импульс сторонникам мира в их благородной деятельности. Все это свидетельствует о том, что кампания по сбору подписей под новым Стокгольмским воззванием в Советском Союзе, как и во всех странах, явится весомым вкладом в дело практического осуществления мер по прекращению гонки вооружений и достижению соглашения между странами о всеобщем и полном разоружении.

СТРАДЫ

наше звено добилось еще большего успеха — намолотило за сезон сто двадцать тысяч центнеров зерна. До сих пор не все верят, что такое возможно. Маловеры не учитывают огромных резервов, которые таятся в умелом использовании техники, в правильной системе оплаты труда, в научной организации ухода за уборочными машинами. Возможности очень большие, их надо уметь использовать. Только разгрузка бункера на ходу позволяет выиграть не менее четырех-пяти часов за две смены работы комбайна. Короче, нельзя, невыгодно работать по старинке. И еще. Надо смелее переходить к созданию уборочно-транспортных звеньев и бригад. Комбайнер, шофер, механик — вот ударная сила на уборке зерновых. Если звено сработалось — рекорд станет нормой! У нас, например, в совхозе труд комбайнеров, шоферов и механиков слит воедино. Дружно работаем! Наше звено обязуется намолачивать в страду 1976 года не менее полутора тысяч центнеров зерна каждый день на каждый «Колос»!

Командиры перед боем сверяют время на своих часах. Так и мы сейчас сверяем наши планы и обязательства, силу моторов и решимость наших сердец. Думаю, что хлеб возьмем весь — до зерна.

НА СНИМКЕ: знатные механизаторы, Герои Социалистического Труда (нижний ряд, слева направо) В. М. Воронин — комбайнер племптицесовхоза «Запорожский», Запорожской области, Н. В. Переверзева — звеньевая уборочно-транспортного звена колхоза «Путь Ленина», Ростовской области, дважды Герой Социалистического Труда А. В. Гиталов — бригадир тракторной бригады колхоза имени XX съезда КПСС, Кировоградской области, Т. Ахунова — бригадир тракторно-полеводческой бригады колхоза имени Кирова, Ташкентской области, М. И. Клепиков — бригадир колхоза «Кубань», Краснодарского края, К. Б. Доненбаева — трактористка совхоза «Харьковский», Кустанайской области; (верхний ряд, слева направо) Б. А. Пономаренко — комбайнер совхоза «Новомихайловский», Краснодарского края, Н. В. Бочкарев — звеньевой совхоза «Московский», Ростовской области, Р. Л. Ванькович — звеньевой механизированного звена по возделыванию картофеля колхоза «Красная звезда», Минской области, В. Д. Савинов — звеньевой совхоза «Шипуновский», Алтайского края, Н. Б. Пронюшкин — звеньевой механизированного звена по сахарной свекле колхоза «Родина», Орловской области, А. И. Иванец — звеньевой совхоза «Баштанский», Николаевской области.

Фото В. ГОТИЛОВА (ТАСС)

«История вашего предприятия тесно связана с героической борьбой рабочего класса за свободу, за счастье трудового народа, за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Трудящиеся завода всегда были верной опорой ленинской партии, шли в первых рядах борцов за построение социализма в нашей стране, самоотверженно защищали Родину в годы Великой Отечественной войны».

Из поздравления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА труженикам объединения «Кировский завод».

Посещение Л. И. Брежневым и первым секретарем Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романовым Кировского завода. 1971 год.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. АНАНЬЕВА

На Кировском заводе существует неписаное правило: каждый новичок, поступающий на работу, молодой специалист, пришедший из вуза, ребята, решившие учиться в ПТУ производственного объединения «Кировский завод», гости и ходоки за опытом должны побывать в заводском музее. Отсюда начинается знакомство с этим старейшим предприятием. Входим сюда и мы. Вместе с гостями из Барнаула неторопливо переходим из зала в зал, всматриваемся в документы, фотоснимки, портреты ветеранов. Это все свидетели яркой 175-летней биографии завода, славных революционных, боевых и трудовых подвигов.

За витринным стеклом — редчайшая фотография из семейного альбома рабочей семьи Т. М. Матвеева — деда первого советского космонавта Юрия Гагарина. Дед покорителя космоса работал в паровозомеханической мастерской. Трудилась на Путиловском и Анна Егоровна — бабушка Юрия Алексеевича.

Вот тоненькая книжечка, изданная несколько десятилетий назад. Найти ее сейчас можно, пожалуй, только в Публичной библиотеке, да еще вот тут. И содержание ее и заголовок необычны. На обложке читаем: «Отчет Красного Путиловца рабочему классу и трудящимся всех стран». На титуле слова: «Мы хотим рассказать, как мы боролись за пятилетку в четыре года на нашем заводе, как преодолевали трудности на нашем пути».

Книжечка эта — о пятилетке. В ней нет общих рассуждений, пустых фраз — только цифры, документы, фотографии, портреты, имена рабочих, мастеров. Кратко изложена многолетняя предыстория. 1871 год — большая стачка на заводе. В следующем году путиловцы бастуют снова. У рабочих появляются свои вожаки. Девяностые годы — первые подпольные социал-демократические кружки. Фотокопия: «Представление к приему на работу...» Михаил Иванович Калинин. Токарь. Две приписки: одна печатная — «очки получил»; другая, сделанная писарем-охранником: «На храм жертвовать не желает». Первая официальная отметка в революционном послужном списке будущего всесоюзного старосты.

По инициативе путиловского рабочего Егора Климанова и ткача Федора Афанасьева недалеко от завода проводится первая нелегальная пролетарская маевка... Одна стачка следует за другой. Непокорными путиловцами интересуется Владимир Ильич Ленин.

Центральное место в зале занимает большая картина. Май семнадцатого года. На заводском дворе В. И. Ленин выступает с речью перед путиловцами. Он говорит о самом насущном — о земле, мире, рабочем контроле, власти Советов....

Путиловцев всегда посылали на самые горячие «точки». Они надежно охраняли заседавший за Нарвской заставой VI съезд партии, провозгласивший необходимость вооруженного восстания. Вместе с солдатами Павловского полка путиловцы шли на штурм Зимнего дворца.

В первые дни после победы Октябрьской революции над Питером нависла угроза. На город надвигались контрреволюционные мятежные силы Краснова. По зову партии навстречу им выступили путиловцы. Круглые сутки не покидали свои станки те, кто остался в цехах. 28 октября Владимир Ильич пригласил к себе представителей Путиловского завода. Он сказал им, что к утру следующего дня надо подготовить и отправить на фронт несколькс батарей.

ВЕР

— Ваше задание, Владимир Ильич, мы выполним! — ответили рабочие.

И слово свое они сдержали.

В ночь с 28 на 29 октября Ленин сам приехал на завод. Он внимательно ознакомился с ходом строительства первого бронепоезда и попросил путиловцев ускорить работу. На следующее утро бронированный состав ушел на фронт... В музее хранится модель этого легендарного бронепоезда и фотография его боевого экипажа.

И в последующие годы Владимир Ильич постоянно встречался с путиловцами. Когда у молодой Советской республики возникали трудности, Ленин обращался к питерским рабочим, к путиловцам, а когда становилось тяжело рабочим, они шли к Ленину.

Каждый экспонат заводского музея по-своему бесценен. Но особое место в истории завода занимает подписанный В. И. Лениным декрет о конфискации имущества Путилова: «Ввиду того, что Алексей Иванович Путилов на вызов следственной комиссии при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в установленный срок не явился, Совет Народных Комиссаров постановляет конфисковать в пользу Российской Республики все движимое и недвижимое имущество Алексея Ивановича Путилова».

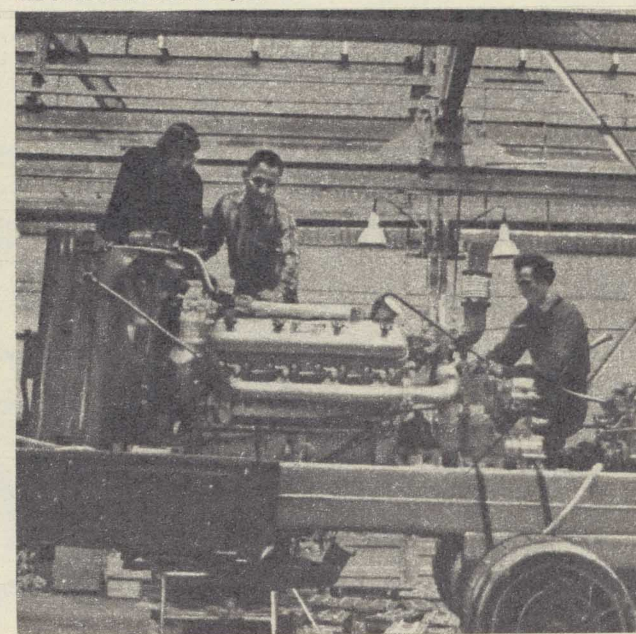
Ленинский декрет открыл новую страницу в биографии старейшего завода. Рабочие выдвинули из своей среды красного директора — Степана Ивановича Афанасьева.

Наташа Нетужилова работает на участке окраски редукторов.

На главном конвейере.

НАЯ ОПОРА

Нелегко ему было. Но новые хозяева не отступили от задуманного — делать машины своими силами, целиком из отечественных материалов. Вот справка-перечень изделий, которые осваивал завод. Первый крупный заказ — механизмы для Волховстроя. Потом паровозы, платформы, моторы для комбайнов, турбины, проходческие щиты для столичного метростроя, железнодорожные краны, легковые автомобили, а незадолго до Великой Отечественной войны из ворот Кировского завода вышли тяжелые танки «КВ»...

Но главное место в заводских планах занимают тракторы.

...В музее бережно хранится фотокопия одной записи, которой очень дорожат на заводе. Ее оставил в книге отзывов тракторосборочного цеха Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев... Это было в феврале шестьдесят восьмого года. Приехав на завод, он побывал в цехах, занятых изготовлением мощных «К-700», беседовал с рабочими, конструкторами, партийными работниками, ознакомился с конвейером, с которого сходили степные богатыри, интересовался, как идет реконструкция завода. Прощаясь, Леонид Ильич Брежнев записал в книге добрые пожелания кировцам — пожелание новых производственных успехов, выпускать побольше хороших тракторов.

Для кировцев это был почетный и ударный заказ. И они его с честью выполнили. Об этом свидетельствует поздравление Леонида Ильича Брежнева. Текст поздравления можно прочитать на видном месте в музее. Леонид Ильич поздравил рабочих, инженеров, служащих с выпуском стотысячного трактора «К-700» и переходом на серийное производство новых, еще более совершенных, трехсотсильных степных богатырей «К-701». Это памятное событие произошло в семьдесят пятом году.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев пристально следит за успехами кировцев, периодически бывает у них. Вот три фотографии, сделанные в 1965, 1968, 1971 годах: Леонид Ильич Брежнев на Кировском заводе. Когда в феврале минувшего года здесь было завершено строительство уникального прокатного комплекса, товарищ Л. И. Брежнев сердечно поздравил заводской коллектив с замечательной победой. Высоко отозвался Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС об инициативе «Пятидневное задание — за четыре дня!».

И еще одно приветственное письмо. Оно пришло недавно, в весенние дни первого года десятой пятилетки. Леонид Ильич Брежнев поздравил кировцев со 175-летием завода. Тогда же завод был награжден еще одним орденом — орденом Дружбы народов.

Путешествие по заводскому музею подходило к концу, когда в одном из залов мы встретили нашего давнего знакомого — Николая Васильевича Скворцова. Многие годы он ведал музеем и, хотя уже две недели на пенсии, приходит сюда почти каждый день. Как-то на встрече с кировцами в станице Вешенской М. А. Шолохов назвал его вторым Давыдовым.

— Ну чем не Давыдов? — сказал Михаил Александрович.— Даже биография сходится: рабочий-путиловец, в прошлом моряк Балтийского флота, в тридцатом году двадцатипятитысячник, председатель колхоза, прокладывал борозды новой, коллективной жизни, только не в казачьей станице, а в глубинном селе Тверской губернии...

Николай Васильевич показал нам кипу писем и телеграмм. Хлеборобы Саратова, Целинограда, Новгорода, Ростова-на-Дону, Краснодара душевно поздравляют кировцев с праздником, желают им новых творческих побед.

С большим вниманием читали кировцы Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». Близко к сердцу приняли они, строители тракторов, слова Постановления о том, что «в ходе развития межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, перевода сельского хозяйства на индустриальную основу будет неуклонно повышаться роль рабочего класса, социалистической промышленности».

* * *

...Мы пересекли проспект Стачек и направились к новой проходной. Старейший завод встретил свой юбилей завидной молодостью. Кто не был здесь последние пять лет, увидит много нового. Коренная реконструкция преобразила флагман советской индустрии: на месте старых цехов выросли светлые, современные корпуса, лаборатории...

ВИКТОР ИВАНОВ

Александра ПИСТУНОВА

Ивановых — множество. Быть может, сотни тысяч. «Какой это Иванов?»— спрашивали когда-то о Викторе Ивановиче посетители художественных выставок. «Плакатист? Рисовальщик? Живописец? Скульптор?» Теперь уж всем давно известно, что есть **художник** Виктор Иванов. Да, живописец и рисовальщик. Но не это главное. Художник — значит творец собственного и целостного мира, живущего по сотворенным им законам. Не просто высокий профессионал, виртуозно владеющий мастерством, но художник, у которого своя земля, свои герои с определенным для них образом мысли, трудом, любовью, человеческими контактами, даже своими предметами обихода, лапидарно выделенными строгой кистью в конкретной жизни любимого рязанского края.

...В рязанской деревне Аграмаково, что возле станции Шелухово, провел детство Виктор Иванович Иванов. Туда приезжал перед войной на каникулы учеником Московской средней художественной школы, там рисовал и жил студентом Суриковского института, и не было, вероятно, лета или зимы во взрослой его жизни, чтобы родные места не позвали к себе художника. Любит Иванов низкую рязанскую равнину, простую, нежную ее природу с медленным течением рек и тихими перелесками. Сколь важна такая связь, давно известно. Ведь, говоря о Родине, представляешь не географическую карту, а тот окоем, что открылся тебе в детские годы, когда ты словно вдохнул его в себя. «Сколько раз мне было очень хорошо где-нибудь в поле — бесконечное серое осеннее небо, горизонт без единого изгиба, как прочерченный по линейке, ниже горизонта охристая стерня — и ничего больше. И не то с неба, не то с земли что-то еле слышно звенит»,— так написал однажды Иванов о Рязанщине. В этих словах дороже всего последнее — «что-то звенит». Не просто поэтическое мироощущение, но понимание протяженности рязанской земли под небом, единая жизнь человека с природой, умение услышать ее голос. Этот нежный звон живет в полотне Иванова «На покосе. В шалаше», где двое, парень и девушка, слушают мир, наполненный благоуханием цветущих трав, трудом, молодостью и любовью. Искусство не часто столь пристально видит интимную жизнь человеческой души.

Виктор Иванович рассказывает: «Сохранились у меня рисунки 38-го года — небольшие альбомчики, в которых поместились начерченные карандашом хлебные поля, река Ока, наша изба, горница со всеми предметами в ней, деревня Аграмаково с колодцем-журавлем. Есть здесь и изображения коров, барашков, лошадей. Есть зарисовки аграмаковцев. Здесь и бабушка Наталья с простым русским лицом. Вот когда я начал жадно, с открытой душой вбирать в себя то, что мы называем Родиной... Этими рисунками хотелось яснее показать зрителю, как художник стремится зафиксировать жизнь людей и все, что их окружает, как эти зарисовки перерастают в замыслы будущих картин, как затем создается сама картина, которая является итогом бесконечных наблюдений, переживаний и размышлений».

О полотнах Иванова критики прежде спорили: что это — жанровая живопись? Или монументальная, если не по технике, то по характеру отображаемого? В самом деле, в картинах этого мастера есть та подлинная жизненность, то запечатленное мгновение действительности, что присущи жанровым полотнам. Это «стоп-кадры», точно найденные сцены жизни. Но сколь полноценно и объемно обобщение судьбы персонажа в каждом из полотен; собранные вместе, они становятся главами сложного романа. Здесь эпос, который нельзя образовать соединением эпизодов; тут бытие, а не натуралистически подробный быт.

...Родился малыш у юной крестьянки. Истово, самозабвенно держит она его у груди. Вечер, розовые летние сумерки в деревенском доме. Молодая мать кормит малыша. Рядом, спиной к зрителю, сидит пришедший с работы отец, молча ужинает. Над женщиной на бревенчатой стене висят на легком шнурке пинетки малыша, еще пока не нужные, приготовленные на будущее. Только одна деталь: детские пинетки. Обычно мать бережет их потом где-то на дне сундука, среди старых фотографий и девичьих платьев, ищет их, когда сын уходит из дому в большую жизнь, чтобы вспомнить его первые шаги. В ивановской галерее это полотно — возвращение к истоку всех его героев: «Родился человек». Как всегда, кисть художника философична и строга. Он меньше всего рассказчик, ибо воздействует на зрителя пластикой, цветом, образом и уж затем сюжетом. Его герои величественны даже в этой интимной сцене, а их активная жизнь в полотне, кажется, делает его трехмерным, объемным: еще мгновение — и мы сможем отделить изображение от фона, коснуться теплой руки героини. Сильно и мерно текут линии, точны и прекрасны силуэты. Иванов исследует общество в его ячейке, семье, ищет истину в корнях человека.

Помните картину «Семья. 1945 год»? Ужин в конце долгого, жаркого крестьянского дня. За столом все вместе — отец, мать, сын и дочки. Счастье? Да, конечно, счастливая семья. Много ли было таких трапез в русской деревне летом сорок пятого года, когда тем, кто ждал и не дождался, стало ясно, что уж не дождется никогда?! А тут все в сборе, рядом, близко — пришедший с войны отец и те, за кого проливал он кровь. Перед ними глиняная махотка с молоком, краюха хлеба, общая миска, из которой едят деревянными ложками, стараясь не уронить ни единой капли. Но тихо за этим столом — тихо за стенами дома, где палит рыжее солнце страшной послевоенной засухи. Тихо, ибо не только себя и свое счастье ощущают в мире герои Иванова — их касается общее горе, пролитая по вине фашистов кровь; вот почему так бледна только что переставшая быть солдаткой мать, вот почему задумался отец — такой хороший, обыкновенный русский пахарь и солдат — еще в гимнастерке, с планкой медалей, смешной такой, ушастый, начинающий лысеть, но у себя в дому первый человек и хозяин. Легко ли сказать, в сорок пятом году — отец, хозяин. Вот почему молчаливы дети, знающие, что же это есть — краюха хлеба и отец за столом. Так написал семейное счастье сорок пятого года художник Иванов, написал ячейку общества, одержавшего великую Победу.

Виктор Иванов любит красный цвет. Как воспоминания отца о боях, светятся на его лице багровые отсветы, темно-кумачовая ситцевая занавеска, у старшей дочери алая косынка, пламенеет листва бегонии на окошке... Есть красный и в холсте «Родился человек». Гамма полотна здесь приглушена, и красный тут другой, чем в картине о сорок пятом годе. Он нежен, розов, мягок и, сгущаясь к абрису фигур, словно становясь их силуэтом, просвечивает, как наша ладонь, если через нее глядеть на солнце. Здесь горячий, страстный цвет молодой семьи. Его ощущает не только глаз, его чувствует сердце. Да, вот тут и понимаешь смысл слова «живопись» — живое письмо, жизнь.

Иванов пишет отношения людей друг к другу — каноны нравственности, близкие народной этике, которая напоминает, что смысл слова «любить» может быть выражен иначе — «жалеть» или «уважать».

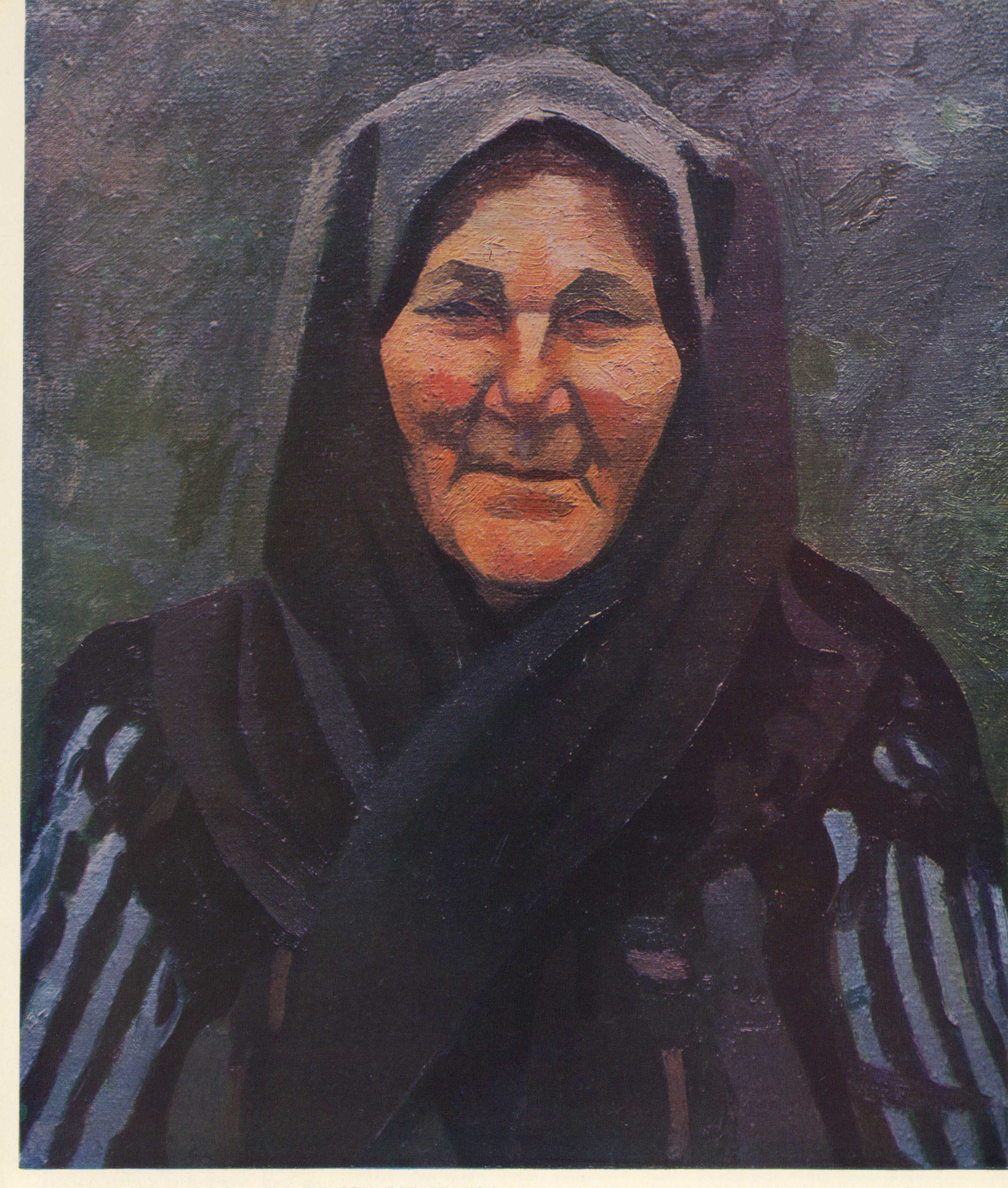
Влюбленные в картине «На покосе. В шалаше» молчат от полноты своей радости. Он лежит белокурой головой на алой в крапинку ситцевой подушке, смотрит счастливыми глазами на юный мир вокруг. Она улыбается... Молчание не разобщает, но связывает героев Иванова. Таково же оно и в полотне «Родился человек», где, кажется, речь идет о первенце тех влюбленных. Снова здесь двое, а не один плюс другой, и высокие человеческие отношения переданы пластически безупречно.

Однажды, написав своих земляков, супругов Машу и Васю Чугуновых, облик которых часто возникает в героях его картин, Виктор Иванович Иванов сказал: «Какое богатство для портретиста эти люди!» Он увидел в молодой паре удивительных своих современников, чистые, богатые души.

На вернисаж Иванова в Москву приезжали его рязанские прототипы. Он фотографировался с ними, обнимал за плечи, водил по залам. Жалко, что были только молодые. Любимых ивановских старух не было. Зрители вглядывались в гостий. Вот та, что в алой кофте стоит с граблями на переднем плане холста «Рязанские луга». Вон другая, у которой «человек родился». А это не Игошины ли? Сколько же мы знаем о вас, красавицы. И не о вас только, о ваших матерях из картины «Похороны. Вечная память на войне погибшим, без вести пропавшим, всем родным и близким». Но где же Прасковья Филипповна, героиня портретного рисунка, названного ее именем-отчеством? Жива ли она теперь? Жива. И через века жива будет...

Неповторимая и неповторяющаяся жизнь предстает нам в холстах и рисунках Виктора Иванова: но ведь влюбленная девушка из шалаша — быть может, выросшая дочь той семьи, что собиралась ужинать летним вечером сорок пятого года. А женщина на полднике во время жатвы — скорее всего солдатка, которую мы видим в картине «Семья. 1945 год». Да, здесь продолжающаяся, но единственная в каждом остановленном художником мгновении действительность. Здесь осмысление ее во всей типической полноте, в далеко друг от друга отстоящих временах и поворотах судеб одних и тех же героев. Постоянство прототипов, интерес Иванова все к тем же хорошо ему знакомым людям только подчеркивает смысл его работы в искусстве: философского постижения народного бытия во всех жанрах живописи. И в таком конкретном, как портрет, и в таком общем, как пейзаж.

Исследование жизни в ее основах Иванов ведет в русской художественной традиции, где тема крестьянского труда на земле переплетена с темой материнства, где нет прямолинейной дидактики, а нравственное чувство выражается эстетически безупречно, в строгих и красивых формах. Иванова часто именуют художником «сурового стиля», и это точно определяет не только его искусство, но и отношение самого мастера к работе в искусстве, поглощающей всего человека до конца. Вот отчего, должно быть, высказанное им столь убедительно и полноценно, вот отчего его холсты долго не уходят из памяти, тревожат, заставляют думать о смысле каждого твоего дня. О высоком и о малом в твоей одной неповторимой и неповторяющейся жизни.

В. Иванов. Род. 1924. АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВНА ПОПКОВА. 1973.

В. Иванов. МОЛОДАЯ МАТЬ. 1964.

Рязанский областной художественный музей.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

С вечера захлестал ветер, потом утих, в стекла начали стучать одинокие и тоскливые капли дождя. Анфисе захотелось отчего-то плакать, в груди было пусто, неприютно, как на ночной деревенской улице в эту вот непогодную летнюю ночь. Она лежала, скрестив на мягком животе усталые руки, закусив губы, чтобы не расплакаться. Потом дождь припустил, за окнами словно кто-то принялся мотать лейкой, обливая черные стекла. Анфиса будто только этого и ждала и под неприютный шум дождя облегченно и беззвучно заплакала.

Дождь кончил барабанить по стеклам, и она перестала плакать, вытерла горячими пальцами слезы, перевернулась на бок и стала думать о Кирьяне, о детях, о всей своей жизни — несладкой, неудавшейся и безрадостной. Кто она и зачем она на земле? Эта мысль пришла к ней неизвестно когда, поселилась в ней незаметно и стала мучить жестоко, внутри, в самом сердце шевелилось, ворочалось что-то беспокойное и безжалостное, больно обдирая самые чувствительные места. Она перебирала в памяти всю свою жизнь, пытаясь отыскать там хоть щелочку, из которой пролилось бы сейчас на нее что-нибудь теплое, обогревающее радостью, но такой щелки не было. Все позади было мутно и омерзительно, жили зачем-то в этой мутной пелене Федор Савельев, Кирьян, ее муж, Анна, жена Федора, и она сама, Анфиса. Она по первому взгляду, по первому намеку бежала, потеряв голову, к Федору, отдавалась во власть его безжалостных рук, не страшась побоев Кирьяна, пересудов людей. Федор мял и крутил ее, как тряпку, ей было хорошо и приятно, а вот теперь, задним числом, пришло вдруг омерзение ко всему этому, пришла жалость к Кирьяну, не любовь, не стыд и раскаяние за прошлое, а просто мучительная жалость, в ней все прибывало желание остатком своей жизни оплатить все страдания Кирьяна. Ей не надо его прощения, такое, наверное, простить невозможно, и пусть, это даже хорошо, что она каждую минуту будет чувствовать свою вечную вину, но тем сознательнее... и тем старательнее она ее будет оплачивать. Пусть не прощает, но пусть возьмет во внимание, что Верку и Кольку она от него родила. Господи, взывала она молчаливо, в исступленной благодарности к кому-то, как еще на это у меня ума хватило! Тогда бы и вовсе хоть в петлю... Хватило, наверное, потому, что Кирьян — Анфиса всегда это понимала — душой добрый, отзывчивый. Она у него, душа, беспомощная и сильно ранимая, и когда он остервенело хлестал ее пьяный где-нибудь в кустах или в темном сарае, Анфиса чувствовала, что ему самому больнее, чем ей, что он себя истязает каждый раз тоже до крови, только кровь у нее сочится снаружи, а у него внутри. И вот это странное чувство никогда не позволяло ей сердиться на мужа за самые зверские побои. Он бьет ее, бывало, а ей его жалко, и чем сильнее бьет — тем сильнее ее жалость к нему. Однажды, когда в Михайловке жили, Кирьян откинул прочь смокший в ее крови ремень с железной пряжкой, сел в кустах на землю, уронил голову и бессильно заплакал. Она, в кровоподтеках и вздувшихся багровых рубцах, с трудом поднялась, подошла к нему, пошатываясь, одной рукой поддерживала лохмотья кофточки на груди, а другую протянула, погладила его, как маленького, по голове, всхлипнула:

— Не надо, Кирьян...

— Что не надо?! — вскричал он яростно, снова вспыхивая небывалым еще гневом. Но тут же вскинутая голова его будто стала тяжко наливаться свинцом, худенькая шея с туго натянутыми жилами не могла удержать ее, наклонилась опять вниз. Он знал, он всегда знал, какое чувство живет в ее душе! Она тогда впервые поняла это, упала, истерзанная, перед ним на колени, склонила разлохмаченную голову.

— Бей еще! До смерти забей меня, паскудину.

Он запустил в ее космы пятерню, зажал в кулак затрещавшие волосы, выдохнул умоляюще:

— Анфиска! Сволочь... Все прощу — перестань с ним только... Отринь из души.

Он ждал, в глазах его было унижение. Даже заискивающее лилось что-то из глаз.

— Не могу,— сказала она тихо, обессиленно, будто прощаясь с жизнью.

Он застонал, отшвырнул ее в сторону. Она упала в траву, приминая мелкие кустики. И долго чувствовала, как больно ноет шея...

Теперь тоже ныла вся душа, все тело. Почему, почему она тогда не отринула Федора из сердца, как вот теперь? Любила? Может, это и любовь была, да только не человеческая. Звериное у нее было что-то к нему, скотское. А он пользовался, он не жалел ее. Ни ее, ни Анну, жену свою. Он вообще баб не жалеет, не люди они для него... Не жалеет он баб!

Эта мысль вдруг поразила чем-то Анфису, она затаила даже дыхание. «Вот ведь! — мелькнуло у нее. — Федор никогда не бил ее, пальцем не тронул. А не жалел никогда! Кирьян исхлестывал, избивал ее несчетно раз до потери сознания. А жалел, всегда жалел! В этом разница, большая разница... Так кто же человек-то, кто человечнее — Федор или Кирьян?!»

Анфиса задышала тяжело и быстро. Ей показалось, что она сделала какое-то важное открытие, без которого никогда бы не узнать и не решить — как и зачем ей жить дальше? Собственно, как и зачем жить дальше, неведомо и теперь, но все скоро, в ближайшие же дни, станет ясно, теперь уж обязательно станет, думала она. Не было раньше никакой щелочки, откуда бы пролилось на нее тепло, теперь появилась или появится... Только Кирьян перестал писать, господи, что с ним приключилось-то? Писал он нечасто, но раз в месяц-полтора приходило письмо. Сейчас нету ничего уже пятый месяц! Может, затерялось где по почтам? Обыкновенное дело, провалилось куда за стол, за ящик какой, в глухое место... Оно там и лежит, а она ждет. Похоронной же нет, значит, живой...

Стало светать, заснинело окошко, а в комнате стояла прежняя густая темнота.

Опять пошел дождь, застучал торопливо в стекла, громыхнул где-то далеко гром, а потом уже почему-то сверкнула молния, осветив голые бледно-серые стены и потолок. Анфиса тут же и поняла, что это донесся гром не от этой вот, а от другой молнии, и стала ждать, когда снова загремит. Но ничего не загремело, только хлестанул сильный ливень по тесовой, заплесневелой разноцветными лепешками грибков крыше, кто-то грузный заплясал босиком, прогибая полусгнившие доски.

Анфиса лежала и думала теперь, что ветер, наверное, за целый день не разнесет сегодня тучи, они наглухо закупорят над Шантарой все небо, нигде не прольется на землю ни один солнечный лучик, солнце до самой следующей ночи будет ходить бесполезно где-то там, высоко над тучами, весь большой июльский день будет сумеречным, чем-то похожим на ее жизнь, которую сломал и перековеркал Федор, теперь Анфиса это понимала отчетливо. Жила она когда-то давно-давно, как колокольчик под дугой, пока на дороге не появился этот Федька проклятый с проклятыми своими усика-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—24.

ми, которые снились ей по ночам. «Прям страшилище усатое»,— сказала она ему тогда. Когда это было-то? Не то в шестнадцатом году, не то в семнадцатом... Или чуть попозже? Господи, как давно все это было, с каких пор закрылось от нее солнышко-то тучами! С того дня, когда он, проклятый, по-звериному смял ее, распластал на траве. «Не надо, Федор... Пожалей! Ну, пожалей, рано мне еще...» — пропищала она бессильно и беспомощно. Не пожалел...

Тихие, обидчивые слезы заструились по щекам, прожигая их глубоко, будто насквозь. «Убило бы его, паразита, там, на войне, пулей! Чтоб знал! — подумала она безжалостно, замотала в темноте головой по подушке, беззвучно и яростно крича:— Чтоб знал, чтоб знал!»

Опомнилась она оттого, что бешено и больно заколотилось под грудью сердце: «Что говорю-то, чего это я желаю ему!!!»

Из комнаты, где жила эвакуированная учительница с дочерьми, донесся опять кашель, скрип сундука и шлепанье босых ног. Потом из дверных щелок брызнули струйки света, дверь распахнулась, на пороге стояла Берта Яковлевна, растрепанная, с папиросой.

— Что с вами, Анфиса? — спросила она.— Вы мучительно стонали.

Анфиса с удивлением обнаружила, что не лежит, а сидит на кровати, свесив голые ноги на пол.

— Ничего. Муж мне давно не пишет. Кирьян...

— Напишет еще. А мой уже никогда не пришлет письма. Он погиб при героической защите Одессы.

Анфиса знала об этом, она не раз слышала от Берты Яковлевны о гибели ее мужа, жалела эту овдовевшую в самом начале войны женщину и ее дочерей. Берта Яковлевна преподавала в школе математику: учительницей, говорят, была неплохой, но сварливой. Колька рассказывал, что ее не любили, делали ей всякие пакости. И еще она была рассеянной, не обладала памятью на лица и события («После похоронки на папу у нее совсем память исчезла»,— говорили ее дочери), и этим широко и беззастенчиво пользовался Колька. Берта Яковлевна в десятом классе, где учился Николай, была классной руководительницей, Колька систематически выкрадывал у нее классный журнал и проставлял себе и своим товарищам отметки. Анфиса это знала, сердито ругала сына, но тот мотал только крючковатым носом и оправдывался:

— Да что я, мам, ставлю-то? Не пятерки же...

— Оболтус ты. Вместо того, чтоб учить... А как она поймает тебя на этом?

— Память у нее дырявая,— усмехался Колька.

Через полчаса Анфиса и Берта Яковлевна чистили картошку. Как-то так получилось, что с самого дня подселения эвакуированных, которых привел на квартиру сам председатель райисполкома Хохлов со словами: «Вот, приютите жильцов... Не обижайте»,— они все стали жить одной семьей.

Берта Яковлевна в общий котел отдавала свою зарплату, потом сама Анфиса устроилась на работу — уборщицей в районную библиотеку. И хотя хлебные карточки «отоваривали», как говорила Берта Яковлевна, не всегда — Колька, Лидка и Майка по целым суткам толклись в тысячных магазинных очередях, подменяя друг друга, но зачастую хлеба им так и не доставалось,— хлеб в доме все же водился и жили все хоть не очень сытно, но не впроголодь.

Нынче весной впятером — Верка лишь демонстративно не взяла в руки лопаты — дружно вскопали огород, посадили картошки, бобов, гороху, по краю плетня натыкали кукурузы. Лето было засушливое, каждый день почти они поливали из Громотушки огород. С утра до вечера над инютинской усадьбой стоял галдеж и звонкий смех Майки с Лидкой.

— Как хорошо! Скажите, пожалуйста, как это удивительно!— говорила частенько Берта Яковлевна, раскрасневшись от работы.— Я никогда не занималась огородничеством. Но это же прекрасно!

— Не знаю, прекрасно или не прекрасно,— ответила ей однажды Анфиса.— Просто без огорода нам не прожить.

— Ну да, я понимаю. Теперь это я понимаю... Урожай картофеля, кажется, будет отменный...

— Вроде бы должен. Тогда перезимуем.

— Как это удачно — речка в огороде.

— Громотушка-то? Без нее бы гибель. Кормилица.

— Хорошо, что на земле есть речки.

Анфиса сейчас вдруг вспомнила этот разговор, эту наивную, как ей тогда показалось, фразу: «Хорошо, что на земле есть речки». А ведь в самом деле хорошо. И что солнце на небе, и что дождь, и что снег, зима, а потом весна... Только бы война вот скорей кончилась, Кирьян вернулся...

Анфиса неожиданно для самой себя всхлипнула.

— Вы уж напрасно так,— сказала учительница, откладывая нож и доставая папиросу.— Письмо вам еще будет, задержалось где-то.

— Не задержалось, не будет,— Анфиса враждебно сверкнула глазами, будто недовольная за эти участливые слова.— Я вот чувствую, что-то случилось с ним. Что-то случилось!

Берта Яковлевна чиркнула спичкой, прикурила, стала смотреть в окно, за которым в синей предутренней дождливой мгле уже проступали мокрые горбатые крыши соседних домов.

— Он, ваш муж Кирьян, был хороший человек?

— Хороший,— прошептала Анфиса, опуская голову. Но тут же медленно начала ее поднимать, в глазах ее была не враждебность уже, а впрах испепеляющая ненависть. Анфиса поднимала голову угрожающе, зловеще, в руках у нее был кухонный нож потемневшего железа. Сжимая этот нож, собираясь кинуться на учительницу, она начала подниматься с табурета. Берта Яковлевна обо всем догадалась, торопливо бросила папиросу в кучку картофельных очисток.

— Анфиса, простите! Я оговорилась.

— Ты, ты! — взвизгнула Анфиса.— Что ты его хоронишь?

От ее вскрика проснулся Колька, быстро приподнялся, сел, спросонья заморгал глазами.

— Что кричишь-то? Случилось чего, мам?

Анфиса молча и тяжело дышала.

— Ничего не случилось,— сказала Берта Яковлевна.— А ты вставай, сегодня последний экзамен у тебя. И я буду спрашивать тебя строго. Бином Ньютона повторил?

— Да знаю я его,— зевнул Колька.

— Николай, я серьезно говорю! — рассердилась учительница.— Я обязательно задам тебе этот дополнительный вопрос.

— Сказал — знаю. На тройку, а знаю.

— Вот,— Берта Яковлевна повернулась к Анфисе.— На тройку...

Пока шел этот разговор, Анфиса немножко успокоилась, отошла. Она знала, почему идет у них эта перепалка о непонятном ей биноме неведомого Ньютона. Однажды Берте Яковлевне все-таки показалась подозрительной какая-то Колькина отметка в журнале, и учительница, удивленно разглядывая классный журнал, вышла из комнаты: «Николай, это когда ж я тебя по алгебре спрашивала?» «Здрасьте! — воскликнул сын нахально.— Когда я бином Ньютона-то пол-урока вам шпарил!» «Ну-ка бери ручку и бумагу». «Еще чего! На уроке — пожалуйста, переспросите. Я вам в два мига его выведу...»

И Колька быстренько, торопливее, чем положено, скрылся за дверьми.

В тот вечер он долго готовил уроки, чуть не до утра шуршал страницами учебников, и Анфиса догадалась, что этот самый бином он не знает, а сейчас вот учит. «Паразит такой, мошенник»,— думала она тогда о сыне с раздражением.

— На тройку, видите ли, он знает,— повторила учительница.— И доволен. Безобразие! А способный парень. На фронт собирается! Оценка тогда все-таки подозрительно появилась... А меня, Анфиса, простите, ради бога. Ну, оговорилась я. Я не хотела. Жив, жив ваш муж.

— Ох, не знаю,— проговорила Анфиса обессиленно, глаза ее опять были полны слез. — На сердце тяжко, так тяжко...

* * *

Кирьян Инютин был жив, только он в это раннее июльское утро лежал на узкой больничной койке новосибирского госпиталя без обеих ног, и, как много дней уже подряд, смотрел, не мигая, в белый квадратный потолок, и тупо размышлял о том, что все военные врачи — сволочи и скоты, что они не должны были дать ему после наркоза прийти в сознание, ибо отрезать человеку по самый пах обе ноги — это хуже, чем отрезать голову.

— Ну что теперь, сынок... Судьбу, ее думой не пересилить, — тихонько произнесла рядом старая нянечка Глафира Дементьевна. — Уточку вот, сыночек...

— Пошла ты, старая телега! — Кирьян схватился обеими руками за спинку кровати над головой, подтянул свое обрубленное тело повыше на подушку, лицо его покрылось от бешенства испариной. — Уметайся!

Так происходило каждое утро. Всякий раз, когда Глафира Дементьевна предлагала ему утку, Кирьян, оскорбленный чем-то, кричал на нее в бешенстве, не выбирая слов, и всякий раз старая нянечка, тяжко вздохнув, сгибалась с трудом, ставила сосуд возле койки так, чтобы он, опустив руку, мог его достать, и уходила.

Ушла она и на этот раз, шаркая тапочками. Кирьян глядел в ее сутулую, согнутую временем спину, глаза его, переполненные слезами, горели зло.

Когда она вышла из палаты, он, держась теперь за спинку койки одной рукой, поднял с пола ненавистную посудину, холодную, чисто вымытую.

Через некоторое время та же Глафира Дементьевна принесла ему поесть, поставила завтрак на тумбочку, унесла утку, потом вернулась в крохотную палатку, где лежал в одиночестве Инютин, села на выкрашенную белой краской табуретку.

— Ешь, сыночек.

— Ишь ты... нашла сына, — буркнул Кирьян.

— Так что ж... Мне седьмой десяток, тебе пятый. А первого я принесла в шестнадцать годков. Ребенком, почитай, родила. Тогда ведь рано нас, девок, под мужиков клали. Сын же мой старше тебя на четыре али пять годков был. В сорок первом он еще где-то под матушкой Москвой упал... Ешь, я не уйду, пока не поешь.

Когда Кирьяну ампутировали обе ноги, он, придя в себя, отказался принимать пищу и воду, решив в несколько дней уморить себя. В общую палату, где он лежал тогда, пришел начальник госпиталя, генерал-лейтенант медицинской службы, высокий, нестарый еще, худощавый мужчина в очках.

— Ты что это устраиваешь? — спросил он строго. — Мы тебя силой кормить будем. Через задний проход.

— Через задний?! — вскипел Кирьян.— Т-ты, глиста в очках! ...Я тебе самому загоню в этот проход... ножку вот от стула.

Начальник госпиталя побагровел. Но к нему шагнула Глафира Дементьевна, положила, как мать, обе руки на плечи, обтянутые белым халатом.

— Батюшка, Андрей Петрович... Не гневайся. Переведи-ка ты его в одиночную палатку. Тяжко ему тут. Я уж с ним договорюся...

Через час Кирьяна перевезли в одиночную палату. Следом вошла туда Глафира Дементьевна с кружкой молока и тарелочкой жидкой манной каши.

— Не стыдно, кобель такой? — сказала она ворчливо, ставя кружку и тарелку на тумбочку.

— Пошла бы ты отселя! — окрысился на нее Кирьян. Старушка поглядела на него с укором, качнула головой. И Кирьян вдруг почувствовал, как что-то у него надломилось внутри, какой-то стержень, на ко-

тором держалась невиданная злость ко всему миру, из разлома, видно, хлынули слезы, затопили глаза. И он сказал первое, что пришло в голову: — Кобелем я никогда не был... Одна баба у меня и была в жизни.

— Я говорю, лаешься, как цепной кобель. Андрей-то Петрович, золотые руки, сколько вас таких из могилы повытащил. И тебя вот. А ты...

— Этого-то я и не прощу.

— Дурак ты, прости господи. Ешь давай. Молочко вот выпей.

И Кирьян послушно взял кружку. Когда выпил молоко, почувствовал нестерпимый голод, жадно съел и кашу.

— Оно не сладко жить обрубком-то. Да все ведь не в сырой земле.

— Не в сладости дело, бабка. А в смысле. А где теперь смысл?

— Ну, это штука не простая. Иной и с руками, с ногами, со всем телесным прикладом жизнь проживет, а смысла того так и не уразумеет.

— Дала б еще, что ли, пожрать... Коли такая добрая да умная.

— Покудова хватит, сынок. А то кишки завернутся.

С тех пор прошло месяца два. Тот стержень в душе Кирьяна, на котором держалась вся злость, совсем так и не отломился, дал, кажется, еще и молодые побеги. Палата была на третьем этаже, в единственное окошко виднелись верхушки деревьев, дощатые крыши каких-то домов. Иногда Кирьян раздумывал, как бы это подползти к окошку да вывалиться наружу, чтобы кончить все раз и навсегда. И однажды в приступе дремучего отчаяния он свалился с койки, пополз к окну. Подоконник был высоким, он достал до него руками, но подтянуться не мог, сил для этого не хватало. В бессильной ярости Кирьян заколотился лбом о стену.

Там, возле подоконника, и застала его Глафира Дементьевна, всплеснула руками, обо всем сразу догадавшись. Она никого не стала звать на помощь, сама потащила его от окна, с грехом пополам заволокла на койку, села, обессиленная, на табуретку и по-старушечьи заплакала, время от времени поглаживая старой ладонью по его спутанным, мокрым волосам. Она не ругалась, ничего не говорила, только плакала.

— Ну и ладно... Ну и ладно, — выдавил он сквозь зубы тяжко и мучительно. — А теперь — уйди.

После этого Кирьян Инютин все так же зло кричал на старую женщину, но зло и ненависть были только в голосе. В душе он чувствовал к ней, единственному пока человеку на земле, признательность и благодарность. И она знала это, на его злые слова не обижалась.

...Летнее утро отгорело, незаметно перешло в долгий день, обещавший быть жарким и погожим. Поглядывая на молчаливо сидящую старуху, на плясавшие по белой стене солнечные блики, пробивавшиеся сквозь густые верхушки деревьев за окном, Кирьян съел пшенную кашу с тушенкой, стал пить крепкий чай с сахаром. Чай Глафира Дементьевна заваривала ему «свой», неизвестно где добывая в это трудное время заварку. И это всегда вызывало у Кирьяна обостренное чувство благодарности. Не ее постоянный уход и забота о нем, а именно чай, крепкий и душистый, рождал в его душе теплоту к этой старухе.

Солнечные блики на белой стене все играли, они всегда напоминали ему что-то давнее и хорошее, но что — понять он никак не мог, хотя временами думал об этом напряженно и мучительно.

Выпив чай, он со стуком поставил стакан на тумбочку, и Глафира Дементьевна очнулась от каких-то своих дум.

— Ну вот, и слава богу... Господь напитал, никто не видал. А я вот все думаю: как бы рада-радешенька была Надюшка, сына моего жена, кабы он хоть какой вернулся... Хоть без рук и ног вместе. Только бы живой, она б его, как ляльку, на руках носила. У тебя же руки целые, ты, окаянный, еще к подоконнику пополоз.— Старуха кивнула на окно. — Не совестно перед богом-то?

— В бога я не верю, Глафира Дементь-

евна, — сказал Кирьян тихо. — А моя Анфиска не такая, как жена твоего сына... Носить на руках не будет.

Старуха взмахнула высыпавшимися, редкими ресницами, пугливо почему-то глянула на Кирьяна, разгладила халат на острых коленках.

— Плохо жили, что ль?

— Хуже некуда... Я же ее любил без памяти. А она всю жизнь с другим путалась. Как увидит его... запах один его позвериному учует, так и бежит, как сучка к кобелю.

Кирьян проговорил это, побледнел, застонал сквозь плотно сжатые зубы.

— А дети у тебя есть, нет?

Инютин тяжело дышал, смотрел на стенку, по которой как резиновые, все прыгали, все подрагивали желтые солнечные зайчики, то сливаясь друг с другом, то вспыхивая лучистыми звездами, разбегаясь в сторону. И воскликнул вдруг, пугая Глафиру Дементьевну:

— Под водой! Это когда если нырнуть и поглядеть вверх!

— Ты чего? Чего?!

Кирьян ей не сразу ответил, дышал попрежнему часто и шумно.

Потом дыхание его стало успокаиваться.

— Речка у нас Громотуха недалеко от деревни. Нырнешь, а над тобой вот такие зайцы лопаются! — Он ткнул пальцем в стену. — И никогда их не поймать...

— Да что их ловить-то?

— Анфиска это любила.

— Кого, чего?

— Играться... когда мы купались с ней. Давай, говорит, зайцев из-под воды ловить. Нырнет и как рыба — вверх. Руки вытянет. Вынырнет, расхохочется, солнечный заяц на лице у нее дрожит. Упрыгнул, говорит... А я ей: не-ет, поймала! Она не может понять, об чем я... От Федьки Савельева была брюхатой... Парази-ит!

И Кирьян изо всей силы ударил затылком раз, другой о железную спинку больничной койки, будто хотел расколоть голову.

— Господь с тобой! — вскочила старуха. — Кирюшенька! Кирьян...

Она затормошила его, откинула одеяло, потащила тяжелое тело вниз, чтобы голова не доставала до коечной железной спинки.

Потом он долго лежал навзничь, запрокинув на подушке исхудалое, крючконосое лицо. Он был по-больничному коротко острижен, залысины по бокам выпуклого лба как-то мертвенно желтели, из закрытых глаз по вислым щекам, заросшим крепким волосом, сочились слезы.

— Ты не майся, сердешный, — проговорила Глафира Дементьевна. — Что ж теперь... Какой прок изводить себя?

— Пошла бы ты! — прохрипел Кирьян.— Что ты в душу ко мне лезешь?

Старуха, будто не слыша этих слов, снова села на табурет. Кирьян опять лежал с закрытыми глазами, молчал. Молчала и Глафира Дементьевна.

— Анфиска-то тогда мертвым ребенком разродилась, который от Федьки был... Но я б все равно ее не бросил, коли б и живой родился, — проговорил вдруг Кирьян тихо и просто. Он открыл глаза, чуть повернул голову вбок, стал глядеть на пляшущие солнечные пятна.

— А может... Слышь, сынок? Старая я, всякого навидалась за долгую-то жизнь. Ну и что ж, кумекаю дряхлым своим умом, каково тебе было с такой женой, — старуха произнесла это как-то неуверенно, она говорила и будто одновременно раздумывала, стоит ли говорить дальше. — А вот почто-то мне чудится — не умом покуда она жила... Не умом.

Кирьян оторвал глаза от стены, медленно повернул голову к старухе, в измученных глазах его стоял вопрос.

— Я к тому, сынок... Мы в ранешное время не в городу жили, в Нижней Ельцовке, деревня такая под городом и ныне есть. Колодезь у нас был... Черпали да черпали из него, ко вкусу воды привыкли и не замечали его... А потом иссяк отчего-то колодезь. Стали мы воду в речушке брать. И вот тогда-то и поняли, господи боже ж ты мой, какая сладкая вода в колодце-то была! К тому я говорю, сынок, написал бы ты Анфисе своей.

Кирьян изменился в лице, внутри у него будто застонало что, какую-то жилу будто стали вытягивать из него. Он поднял руки, опять схватился за спинку койки над головой, подтащил повыше на измятую подушку свое тело. Но ничего не сказал, так и замер, сжимая ладонями железную спинку.

— А что ж ты думаешь? А что ж ты думаешь?! — вгорячах воскликнула старуха, будто ей кто-то возражал посторонний, а не Кирьян. — Душа в тебе славная, Кирюшенька, чистая... Оно, бывает, до поры до времени человек и не видит, какое ж небушко-то над головой раздольное да красивое... Война-то сколь горюшка людского принесла! Всему она другую цену определила... Надька вот моя тоже не мед-сахар была. Она ладная в девках ходила, а в бабенках еще глаже стала. Ну, хоть и своя, а не укрою — млела она, когда мужики глаза к ней прилепляли. Да и кому это в сердце-то не кольнет, бабе мы, ох, бабье... Ну и крутила Надька, бывало, хвостом. Бывa-ало! А сейчас локти грызет, дура-то я, говорит, была несусветная какая.

— Сказал уж я тебе... не такая Анфиска.

— Да я те на то и отвечаю — и Надька была не такая! — упрямо возразила старуха.— Ну че ты дальше-то будешь? Ну, в инвалидный дом тебя определят. Андрей Петрович, слышала я, говорил... Коли, грит, семья от него откажется, не бросим на произвол судьбы. Так что в дом-то инвалидов всегда ведь не поздно. Но спробуй, напиши, вызови... Тогда уж видно все будет. Дети ж у тебя, кроме ее.

Кирьян громко глотнул слюну, пальцы, сжимавшие железные прутья койки, побелели на сгибах.

— Дети... Верка, дочь — та сволочью выросла. Побрезгает и притронуться ко мне. Колька вроде бы с душой... ничего. Да тоже скоро на войну уйдет, скоро его год забреют. И Анфиска забрезгает... Не ответить даже может. Тогда я не переживу... Я ее, стерву, все ж таки люблю. Не-ет...

Голос Кирьяна хрипел, прерывался, слова он выталкивал тяжело, худая грудь тряслась, будто внутри у него под ребрами ворочалось живое что-то.

— Не-ет! — выкрикнул он, мотая головой. — Не могу я... Н-не могу! Ей ведь не мужик, ей жеребец надобен. А с меня какое теперь... дело?

Кирьян заплакал навзрыд, как-то по-детски горько и обиженно. Добрая Глафира Дементьевна сидела на табуретке, глядела на него скорбно, жалеюще и тоже вдруг всхлипнула, потянула к глазам полу больничного халата.

Потом оба они затихли, замерли. Кирьян, лежа на спине, глядел и глядел в потолок, не мигая, Глафира Дементьевна сидела торчком, какая-то теперь строгая, холодная.

На госпитальном дворе загудела машина, проехала под самым окном, потом проехала еще одна и еще... Раздались голоса, и слышно было, как по дорожке, усыпанной не то дресвой, не то шлаком, торопливо пробежала толпа людей.

Глафира Дементьевна подошла к окошку, глянула вниз.

— Раненых привезли. Говорили, седни целый поезд должен с ними прийти. Идти мне надо.

— Сядь, обойдутся,— сказал Кирьян спокойно теперь, негромко. — Не могу я, Глафира Дементьевна, Анфисе написать... Я от нее на фронт когда побежал, то заявил: ежели, мол, не убьют меня, домой я к тебе все одно не вернусь. С тем и сбежал...

— Как так — сбежал? — спросила старушка озадаченно.

— А так. Смех и грех, как ребятенок малый... Я на броне был, меня не брали. Так я самовольно... Ночью вышел из дому, спустился к Громотухе, отвязал какую-то лодку да поплыл вниз. На рассвете завел ее в камыши, день пролежал там... как беглый какой с тюрьмы, что ли... Ночью опять поплыл. Громотуха-то в Иртыш впадает, а там, я знал, до Семпалатного недалече... В общем, добрался я до города Семипалатинска, на вокзале очутился. А тама как раз новобранцев провожают. Перрон там небольшой, все кипит, плач, вой... пьяные песни. Под суматоху я залез с другими вместе в теплушку да и поехал... В Алма-Ате только обнаружили, что я какой-то чужой... «Да что же ты за чудо-юдо такое? — спросил меня в военной комендатуре белобрысый полковник с костылем.— Хохотать над тобой вроде бы неудобно. А что делать — не знаю». Впервые, грит, такой случай, что взрослый самовольно на фронт побег. Дети — это бывает... «Посадить тебя я вынужден до выяснения. Может, ты бандит какой, преступник, от правосудия скрываешься...» Я говорю, что ж садить-то, позвоните в село Шантару, в МТС, или телеграмму отбейте. Они вам сообщат, что я никакой не преступник... Ну, в общем, что говорить... Покрутили они меня, повертели... Сбежал я осенью сорок первого, а под новый год меня уже ранило. Город Ливны мы тогда брали. И взяли, на окраине этого худенького городишка меня и задело в мякоть ноги...

— Господи! — Глафира Дементьевна перекрестилась.

— Рана была пустяковая, в медсанбате малость подержали да опять в бой... Ну, а потом больше года судьба миловала. Две медали получил. А нынче в апреле, под Новороссийском... не то числа седьмого, не то восьмого... Только и помню, ка-ак жахнет рядом. Мы в наступление шли, мало-мало снаряд не в меня прямо угодил... Очнулся я аж в городе Куйбышеве. Молоденькая такая врачиха возле меня сидит в белой шапочке, а из-под шапочки волосы стекают струями. Откуда ж ты, думаю, светлая да чистая такая, явилась? Из какого мира? А она: «Ну вот, поморгай, поморгай... Жить теперь будем, Кирьян Демьяныч...»

Инютин умолк, захлопал короткими белесыми ресницами, потом быстро и часто задышал, повернул голову вбок... И лишь через минуту, по-прежнему глядя куда-то в стену, захрипел:

— Жить... Добрая была она, врачиха, все улыбалась. Только ноги мои когда начнет оглядывать, закусит губы, глаза потускнеют... Сперва я думал — брезгает или стесняется... Да и самому мне стыдно было — во всем виде я перед ней. А она это, выходит, раньше меня понимала, что отходили мои ноги. Выше колен кости все были раздроблённые...

Инютин, утомившись, видно, рассказом, опять замолчал, выпуклый лоб его покрылся испариной. Он пошевелил головой, обтер лоб бледной, узкой ладонью, глянул на Глафиру Дементьевну.

— Вот, значит, как... Што-то они там врачи колдовали над моими ногами, то в гипс их замазывали, то... Потом вдруг в поезд погрузили, да сюда вот...

— Ну да, ну да,— закивала старуха.— У нас тут, грят, лучше всех кости сращивают. Андрей Петрович-то умелец...

— Так что же мне не срастили? — застонал Инютин, рывком приподнимаясь. Глаза его сверкнули яростно, озлобленно, и одновременно была в них беспомощная жалоба.— Что ж он, умелец?!

— Да ведь и он не господь бог. Кабы он мог — он бы тебе свои переставил! Такая душа у него...

Кирьян опал на подушку, закрыл глаза ладонью, чтобы отгородиться от всего — от солнечного света, от белого потолка, от этой старухи. Долго лежал так, потом заговорил, не снимая ладони с лица:

— Это надо же... Отец-то у меня тоже был увечный, одноногий, на деревяшке прыгал. На японской войне ему ногу повредило. И надо же, говорю, судьба, что ли, над нами, Инютиными?! Отцу тут, тоже в новониколаевском лазарете, ногу тогда отпилили. Только ему одну, а мне обои... Ну, ты — уйди... Уйди.

Последние слова он прошептал еле слышно, обессиленный.

Продолжение следует.

ИСКУССТВО ПЕРВООТКРЫТИЙ

А. Овчаренко

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Человек плох, говорят нам. Человек плох настолько, вещают поборники и охранители буржуазного индивидуализма, что любые попытки изменить окружающую жизнь в лучшую сторону обречены на провал, — человек и новые обстоятельства обратит во вред другим и себе самому.

«Гуманистическая готовность всех — утопия, — пишет один из сторонников этой незавидной позиции. — Она смогла бы сделать возможным достойное человека земное существование. Но ее нельзя претворить в действительность. Ибо она предполагает понимание, сознание, готовность всех привязанных к собственной жизни людей, а это превосходит человеческие силы»... «Гуманистический социализм, — утверждает другой, — если он действительно хочет стать истинным гуманизмом, как имел в виду Маркс, должен отказаться от рокового заблуждения всего марксизма, будто возможно совершенство человека, в пользу истины, что реальный человек несовершенен».

«Человеку нет конца пути!» — провозгласил Максим Горький, которому довелось узнать все падение и все величие человеческого духа. «Мне,— говорил Горький,— всегда хотелось видеть человека именно таким, каков он есть, но для того, чтоб показать его лучшим, чем он есть. Это значит — приукрасить его? Нет, это значит, что я считаю себя вправе переделывать человека». В 1928 году, знакомясь с новой жизнью своей страны, Горький писал: «Я — поклонник человека волевого, целеустремленного, может быть, мною выдуманного. Но теперь мои мечты осуществляются. Мы видим в живой действительности смелого, сильного, дерзкого человека. Люди, о которых я мог раньше только мечтать, теперь живут, работают, творят великое дело...»

Так,—не уходя от самых острых вопросов, которые предлагают нам наши идеологические противники, а опровергая отстаиваемые ими постулаты художественной практикой советских писателей, яркими примерами общепризнанных достижений прогрессивной литературы мира, ведет А. Овчаренко свой разговор о современном литературном процессе, о мировоззрении и творчестве художника социалистического реализма. «Марксистская эстетика, как мы уверены,— говорит исследователь,— располагает идеями лучшими, чем идеи наших противников. Все дело в том, сумеем ли мы излагать эти идеи страстно, выразительно, увлекательно. И сумеем ли мы постоянно работать над их творческим развитием».

«Социалистическая литература и современный литературный процесс» — эта книга А. Овчаренко вышла третьим уже изданием, но интерес к ней не ослабевает. Главная тому причина — диалектичность, с которой критик рассматривает историю социалистической литературы и историю социалистического реализма. В книге творческий метод советской литературы предстает качественно новаторским эстетическим явлением, которое все более и более становится единым методом искусства нового мира, главной линией мирового художественного процесса.

Привлекает смелая и убежденная полемичность автора, который не ограничивается спором лишь с теми из своих оппонентов, кто исповедует неприемлемое для нас мироощущение. А. Овчаренко рассматривает высказывания многих зарубежных и наших исследователей, способствующие более четкому пониманию затронутых в книге проблем, но критик не проходит мимо огрублений и упрощений взглядов на развитие и задачи социалистического реализма. Он последовательно отвергает прямолинейность и односложность как в познании жизненных явлений самой литературой, так и в интерпретации индивидуального творчества и отдельных произведений. Многие вопросы из этого ряда критик ставит весьма остро и разносторонне, идет к их решению без оглядки на заранее уготованную схему. Вся работа А. Овчаренко пронизана пафосом повышения критериев идейности и мастерства, которые должны иметь перед собой художники социалистического реализма.

Социалистическое искусство, снова и снова повторяет Овчаренко, обладает неодолимой притягательной силой, так как «стремится честно ответить миллионам тружеников: как жить? что делать? как устроить мир, чтобы, говоря словами А. Сент-Экзюпери, ни в одном человеке не погиб Моцарт?».

Создавать произведения, глубоко волнующие и указывающие подлинное будущее, художникам социалистического реализма позволяют и помогают основополагающие принципы метода: партийность, народность, классовость, идейность, историзм. Ядро этих принципов остается неизменным, но содержание на разных исторических этапах нового общества диалектически развивается и обогащается.

«Что видишь, как видишь, с каких позиций изображаешь, для чего изображаешь, во имя чего изображаешь, как относишься к изображаемому, как соотносится твое изображение с нашим коммунистическим идеалом в его эстетическом преломлении и как ты понимаешь этот идеал, наконец, становится ли все это только твоим личным достоянием или и достоянием твоего народа, помогает ли его борьбе — таково существо проблемы народности». А свое концентрированное выражение эта суть находит в партийности, «определенности взгляда на мир, на человека, на жизнь, ясной социальной ориентированности». Наша партийность — это социалистическая, коммунистическая идея, изнутри пронизывающая видение мира и дающая художнику самую высокую «точку наблюдения» действительности. Вот потому, делает критик важный вывод, «наша партийность п р е д п о л а г а е т и п р е д о п р е д е л я е т наибольшую объективность, подлинное бесстрашие перед жизнью, самое трезвое отношение к миру. Вернее, она из них исходит и, если хотите, в нашей области требует, да, требует изображения мира во всей его сложности, запутанности, противоречиях, в борьбе и разрешении этих противоречий».

О тех книгах, авторы которых заведомо не стремятся, чтобы высокая общественная идея прошла через их ум и сердце, которые не ощущают всей душой того, что как эстетическое явление партийность не существует вне художественной правды, А. Овчаренко откровенно, с возмущением и болью пишет, что у нас «появляются произведения фальшивые, полуправдивые, даже угоднические, произведения, простите за специфическое слово, ублюдочные. Но их именно так и нужно рассматривать».

Подобные «создания», естественно, не могут скомпрометировать социалистический реализм как самый передовой творческий метод современности. Но путь к вершинам социалистической литературы далеко не прост, и А. Овчаренко обоснованно проводит мысль, которую, как он пишет, «стремился развивать во всех своих теоретических работах»: социалистическим реалистом не рождаются, до социалистического реализма можно подняться лишь в результате настойчивого, неустанного труда по овладению идейным и художественным мастерством, и в наше время движение писателя на эстетические позиции творческого метода советской литературы связано с преодолением ряда объективных и субъективных обстоятельств.

«Только верхоглядам действительность социалистического мира представляется простой, — указывает критик. — На самом деле жизнь и у нас очень сложна, и, кажется, усложнению ее не будет конца. Больше того, она столь же бесконечно разнообразна и многогранна, сколь и противоречива. Наш путь вперед характеризуется не одними обретениями, в результате которых мы становимся богаче. Немало приходится переживать и утрат... Тем не менее весь ход нашей жизни с неоспоримостью свидетельствует о том, что хорошего у нас становится больше, плохое же, хотя и не так быстро, как хотелось бы, но уменьшается».

Писатель социалистического реализма должен подходить к этим проблемам и искать ответа на эти вопросы на путях, намечаемых главной направляющей и преобразующей силой современности, — партией коммунистов. Но—«плох художник, который своими произведениями иллюстрирует уже выработанные положения нашей программы. Художник ценен именно тем, что он поднимает новину, что он со своей интуицией проникает в область, в которую обычно трудно проникнуть статистике и логике». За этим положением марксистско-ленинской эстетики, выдвинутым А. В. Луначарским еще в 1928 году, стоит глубокая и целеустремленная забота о партийной литературе как подлинно высоком искусстве — искусстве первооткрытий.

Вот почему одним из основных достоинств работы Овчаренко надо считать стремление автора обобщать тенденции, которые характерны для современного этапа нашего движения к высокой цели — созданию справедливого общества, в котором должны гармонически сочетаться интересы и запросы всех и каждого.

«...В основе мировоззрения нового человека, формирующегося в процессе строительства коммунизма, лежит г у м а н и с т и ч е с к и й к о л л е к т и в и з м»,— читаем мы в книге. — «Новые поколения строителей социализма, не отказываясь от идейной убежденности, целеустремленности, революционной непримиримости, свойственных отцам, по праву наследуют и их духовные ресурсы, не использованные в полную силу из-за исторических условий... Наш современник в окончательно складывающихся в пользу коммунизма исторических условиях получает возможность дать полную свободу чувству доверия к человеку, по-настоящему проявить такие качества, как великодушие, доброта, нежность, совестливость, сострадание. И чем полнее проявляются эти качества в нашем человеке, тем сильнее чувствует он свою ответственность за все, что происходит в мире, перед прошлым и будущим».

...«Свой добрый век мы прожили как люди — и для людей» — эти слова, сказанные почти безвестным поэтом-фронтовиком в кромешном аду жесточайшей битвы, за несколько дней до своей гибели, собрали, как в фокусе, глубинный свет нравственного жизнеощущения человека нового мира. Этот свет несут человечеству и будут нести всегда прогрессивная литература и ее передовой отряд — литература социалистического реализма.

Д. ИВАНОВ

А. О в ч а р е н к о. Социалистическая литература и современный литературный процесс. М., «Современник», 1975, 624 стр.

гастроли

—СПАСИБО!— ГОВОРИЛИ ЗРИТЕЛИ

Яркие солнечные краски, пестрота экзотических одежд, неповторимое очарование восточных лиц с особой чистотой и четкостью их линий — все это сразу уводит зрителя в какую-то сказочную страну, главный герой которой — веселый жизнелюб, защитник бедноты, неуловимый Сэнгэ, или, как его еще называют за остроумные проделки над богачами, Далан Худалч (семьдесят лжецов).

С блеском исполняет в комедии Ч. Ойдоба, лауреата Государственной премии Монгольской Народной Республики, «Неуловимый Сэнгэ» заглавную роль М. Елбонов, заслуженный артист Бурятской АССР. В Москву на гастроли этот спектакль привозил Государственный бурятский театр драмы имени Хоцы Намсараева.

Гастроли проходили в связи с днями культуры МНР в Советском Союзе. Примечательно, что в репертуаре бурятского театра пьесы монгольских авторов; в спектаклях «Неуловимый Сэнгэ» и «На перепутье» Д. Намдага, лауреата Государственной премии МНР, приняли участие заслуженный артист МНР Ц. Гантумэр и народный артист МНР Г. Гомбосурэн.

Новой для московского зрителя была драма «Кнут тайши» основоположника бурятской советской литературы Хоцы Намсараева, чье имя носит театр. В основе пьесы подлинные события 1848—1849 годов, происшедшие в Хоринском ведомстве, Иркутской губернии; пьеса эта с ее жизненной правдой очень характерна для репертуара и всего облика театра.

— Есть у нас желание ставить вещи серьезные, глубоко социальные, которые близко касались бы народных судеб, — сказал в беседе с нами главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств РСФСР и Бурятской АССР Ф. Сахиров. — Может быть, именно за это и любят в республике наш театр. Мы много работаем над современным репертуаром, привлекаем наших бурятских писателей; нет сезона, чтобы не состоялся дебют нового автора. Охотно работаем мы над пьесами драматургов из братских республик и всегда даем режиссеру возможность глубоко, серьезно изучить материал, чтобы верно передать атмосферу, выразить характерные черты облика народа.

Да это так и есть. Подтверждением тому являются спектакли, тепло принятые столицей. Победным гимном героям войны стала «Барабанщица» А. Салынского. Яркий образ Нилы Снижко создала заслуженная артистка Бурятской АССР Л. Егорова. Интересно выполнены декорации спектакля художником В. Тевелевым; он же оформил «Ленушку» Л. Леонова, «Старшего сына» А. Вампилова. Интересны были для московского зрителя и работы лауреата премии Бурятской АССР художника В. Бройко: он оформил «Неуловимого Сэнгэ», «Кнут тайши». Здесь видишь настоящее пиршество красок при исторической достоверности, точности и лаконичности сценографии.

В гастрольные дни можно было видеть, как преображаются актеры, с грациозной легкостью переходя из одной эпохи в другую: сегодня заслуженный артист Бурятской АССР Г. Бутуханов — деловой, распорядительный председатель сельсовета Похлебкин в «Ленушке», а завтра — глава рода, надменный Батнайн в спектакле «Кнут тайши»... Нежная, застенчивая Алимаа, хрупкая восточная девушка, в исполнении заслуженной артистки Бурятской АССР Л. Дугаровой («Неуловимый Сэнгэ») непохожа на умную, волевую Нину, нашу современницу, из пьесы А. Вампилова «Старший сын».

Когда бурятский театр показывал пьесы, хорошо знакомые московскому зрителю — «Барабанщицу», «Ленушку», «Старшего сына» и другие, — особенно острое восприятие этих спектаклей возникало не только потому, что знакомых героев мы видели как бы в необычном, восточном варианте. Создателям этих спектаклей удалось раскрыть какие-то совсем новые грани характеров, увидеть и подчеркнуть в героях многое из того, что казалось раньше второстепенным...

— Спасибо, спасибо, — раздавалось не раз после спектакля в зрительном зале.

В. МОРОЗОВА

Фото В. Манзырева

«На перепутье».

«Старший сын».

СЛЕД

Степан ЩИПАЧЕВ

И военною славой
заплакал рожок...

А. Блок.

1

Я книгу читаю.
На толстые корки
осели века.
Обуглены буквы пожарами,
слезами размыты.
Страницу иную
переворачиваю едва:
как тяжела она,
истоптанная войнами.
Я не заметил,
с которой страницы,
но со страницы, конечно,
он появился.
— Я с Куликова поля,—
глухо сказал он,—
шесть столетий
лежат за плечами моими.
Видишь, кольчужка покрыта
пылью.
...Все стрелы, а было их тучи,
летели в меня,
сабли кривые рубили,
копья кололи.
Мамай торопил,
чтоб скорее убили меня.
Передний полк
был вырублен весь,
а я знаменосцем был в том
полку.
Поле кровью намокло,
в криках и стонах,
в топоте конском было,
но жив я остался.
Время велело, чтоб я
сошел со страниц этой книги
и все рассказал.

2

Не поле орать,
не ребяток растить
мне пришлось и потом.
Неораным поле осталось мое.
Не соха-кормилица —
секиры да бердыши
натруживали руки опять.
Рвами с водой,
земляными валами
города себя окружали,
Москва Кремлем
огораживалась каменным,
Царь-пушку, Царь-колокол
отливала.
Я у тех святынь ходил,
заскучав, слова твердил
так негромко про себя,
ус колючий теребя.
У кольчужки рукава
локти прятали едва.
Был шелом, но что шелом!
До волос на нем пролом.
Шла Ливонская война.
Но балтийская волна
не тогда ладонь мою
остудила. Признаю.
Было: взглядом до кишок
царь Иван меня прожег.
Я же множил, как всегда,
славу ратного труда.
Кто-то стал землей, травой.
Я иду, свищу — живой.
Брав, хотя и рябоват,
в рукопашном черту сват.
Сколько дырок залатал
на мундире — не считал.
Но запомнила рука
те, что были от штыка.
Пешим был и на коне.
Амуниция при мне.
Пушкарем, горнистом был.
Бой полтавский не забыл.

3

Передний редут.
Пахло бруствером свежим,
июньскими травами пахло.
В обнимку с ружьем
задремал я.
Ночною прохладой
тянуло от Ворсклы,
украинской речки.
Нас тысячи было,
московских, рязанских,
смоленских,
калужских, орловских.
Да всех перечислишь ли?
В синих мундирах
мы схожие были друг с другом,
солдаты России.
Где я, где не я,
было трудно порой
разобраться.
Ружье обнимая,
душой я во всех растворился.
...Шатер полотняный
в ночи был невиден,
но был он.
Нерусское знамя
мял ветер.
Я знал:
Карл XII
тыкал упрямо на карте
в редут,
где в обнимку с ружьем
прикорнул я немного.
Когда началось,
загремело окрест,
я не дрогнул.
Все пули
от шведов
летели в меня,
все ядра катились к ногам,
нависали штыки.
Я не дрогнул.
Не я — Карл XII сгинул.
Так время велело.

ОМ ЗА ЛЕГЕНДОЙ

4

А время катилось,
как с гор снеговые обвалы.
Сменялись цари и царицы,
министры сменялись.
Я не сменялся.
Суворова помню,
небесные Альпы,
снега Сен-Готарда.
Те кручи — и глянуть-то
страшно —
сердец не страшили.
И, пушек не бросив,
мы лезли, чтоб где-то
спуститься поближе к России.
Меж скалами пропасть
дымилась,
куда я сорвался.
Лежал бы там долго
заваленный снегом,
когда б не услышал трубу
с Бородинского поля.

5

Чугунные ядра.
Опять чугунные ядра.
Багратионовы флеши
окутались дымом.
Атака французов отбита.
Вторая отбита,
шестая, седьмая...
До вечера бились.
Зарю не припомню.
Наверное, красная —
с дымом багровым,
с солдатскою кровью
смешалась.
Да, стоя под ядрами,
мог ли ее и увидеть.
Кутузова помню.
Старик после битвы
нахохленней стал и сутулей.
Легко ли оставить Москву
на плен, на пожары?
Но в думах своих
он, наверно, уж видел
и Березину,
и костры на снегу, на которых
французы сжигали знамена.
Лицо мое
вряд ли он помнил.
Нет, помнил отлично!
Но не на парадах,
когда он скакал на коне
перед строем:
его он запомнил,
когда выходили солдаты
из рукопашного боя,
когда оно было
от пороха черным,
со струйками крови.
Знал он и думы мои.
Склоняясь над картой,
приказ отдавая,
учитывал их.
Но все ли он знал обо мне,
хоть и мудр был и ласков
с солдатом?
Я ж, елова голова,
про себя твердил слова.
Крепостной Руси солдат.
Не скажу, что без наград.
Ведь стране известно всей,
сколько брал я крепостей,
сколько брал я городов.
Вновь на подвиги готов.
Если правая она —
с супостатами война.
Но, ухмылкою дразня,
скажут: «Розги? Так, мазня».
И не кто-то — я, герой,
прогнан был не раз сквозь
строй.
Как шпицрутенами бьют,
знаю: падать не дают.
Позади и впереди
ружья. Под ноги гляди.
Был едва ли ровным шаг.
Барабана бой в ушах.
Службу нес. В рубцах спина
под мундиром не видна.
Что могла Россия-мать?
Только слезы утирать.
Та Россия, что со мной
связана избой курной.
Тут всего не рассказать.
Я — под ядрами опять.

6

Одиннадцать месяцев
не ухожу с бастиона.
Чугунные ядра
всю землю изрыли.
От пыли,
от дыма горячего
душно и смрадно.
Кричу: «Бережись!» — ежли
бонбу
услышу я в воздухе близко.
Смерть рыщет везде.
Ни один уголок защитить
не может.
Но в свисте и грохоте этом
я все же угадываю нередко:
постукивают колеса
мирно,
как в поле деревенские телеги,
а это проезжают
«покойницкие фуры».
Колокол в Севастополе
тенькает тоненько.
Значит, хоронят, хоронят,
хоронят.
В боях огрубел я душою,
но, слушая колокол,
слезы со щек утираю.
В каждом убитом,
в каждом, кого оплакивать
будут родные,
себя угадать — мне не трудно.

7

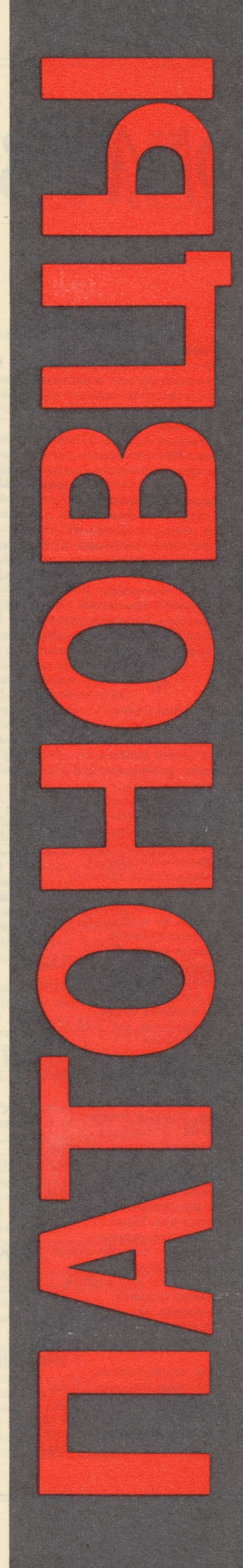
Слезы застили туманом.
Боль кричала, души жгла.
По турецким ятаганам
кровь болгарская текла.
Жизнь моя проходит в войнах.
Что ж, не хвор и не горбат.
«А на Шипке все спокойно», —
кто-то скажет невпопад.
Ветры как бы тут ни дули,
все равно слышней всего
тонкий свист турецкой пули
возле уха моего.
Мне время внушило,
что убит я не буду.
Но могут ли ранить?
Об этом я как-то не думал.
А пуля задела.
Лежу на соломе гнилой
в каком-то сарае, который
сестра милосердия госпиталем
называет.
Голова забинтована.
Знал тогда и ныне знаю,
что от раны не умру.
Потому и вспоминаю
милосердную сестру.
Вместе с нею, чернобровой, —
и Болгарию в слезах:
моря цвет и гор суровость
в гордо поднятых глазах.
Ноют ноги к непогоде.
Но еще тверда рука.
О четырнадцатом годе
память — кровью со штыка.

8

Изъеденный вшами,
три года сидел я в окопах.
Война грохотала,
устала, но все грохотала.
Воронки (а сколько их было!)
чернели, как пятна от оспы.
Снега походили
на марлю на ранах кровавых.
Запомнил и это,
да мог ли и не запомнить?
Ни немцы, ни мы
в этот день не стреляли.
Ни облачка в небе.
Тянул ветерок
от немецких окопов.
Туман? Но откуда туману? —
Подумалось вдруг.
А оттуда
пошло и пошло в нашу сторону.
«Газы! — услышал я.— Газы!»
И понеслось, понеслось
по окопам
страшное это слово.
Закашлял, бегу, как другие.
Упал бы и я,
захлебнулся той смертью, как
многие в роте,
сожженные легкие
с кровью выхаркивал, корчась,
но времени я,
видно, был еще нужен.
— Так много и трудно
еще никогда я не думал.
Весна. Восемнадцатый год.
На заборах
декреты за подписью Ленина.
Вспомнил:
«Не вспахано сколько!
За сотни-то лет поотвык
от землицы,
а был землепашцем когда-то».
По улице —
рота за ротой.
Печатают шаг не особенно —
это я сразу заметил.
Да и равнения нет настоящего,
выправки нет.
Но от знамени
лица красноармейцев светлеют.
Впервые стою
не в строю, а на тротуаре
с зеваками прочими вместе.
Потопано было и мною.
Всего и не вспомнишь:
походы, парады,
и лихость была на лице,
но слепая была эта лихость.
А эти идут,
и светлеют их лица
осмысленностью суровой.

9

...Писарю нужен
год моего рожденья,
чтобы в роту меня зачислить.
Топчусь у стола.
«В куликовскую сечу
мне двадцать исполнилось.
Вот и считай», — говорю ему.
Писарь заерзал на стуле.
«Побаски-то брось.
Ни к чему они».
Я продолжаю спокойно:
«С Андреем Рублевым
(слыхал о таком?)
одногодки мы.
На Куликовом-то поле он
не был,
соборы расписывал...»
Писарь метнулся со стула,
попятился к двери.
Вошел комиссар.
Не по кожаной куртке,
не по звездочке на фуражке —
по доброму, умному взгляду
я в нем угадал комиссара.
Тянусь по привычке.
Но и ему повторяю то же.
«Хорошо, — говорит
комиссар, —
так и запишем.
Годков лишковато тебе,
но неважно,
мы, говорит, их на всех
в батальоне поделим».
И рассмеялся,
молодой, белозубый.
«А землю пахать, — он добавил,
уже посерьезнев, —
ты все-таки будешь.
Повоевать нам придется еще,
и немало,
но войны исчезнут,
а землю пахать
люди вечно будут.
Не знаю,
отлита она иль еще не отлита,
последняя пуля
для войны последней,
но пусть и она, продолжал он,
тебя не заденет,
чтоб ты еще долго
рассказывал жизнь свою
людям,
чтоб мир на земле
прославлять они не разучились.
Да вот и поэт,
пусть он в книгу уткнулся,
спроси: то же самое скажет».
Я вздрогнул, глаза подымаю.
Но книгу не отодвинул.
На толстые корки
осели века.
Обуглены буквы пожарами,
слезами размыты.
Страницу иную
переворачиваю едва:
так тяжела она,
истоптанная войнами...

«ПОВЫСИТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА. ПРЕДУСМОТРЕТЬ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УСКОРЕННОЕ И ШИРОКОЕ ВНЕДРЕНИЕ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ В НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. УСИЛИТЬ СВЯЗЬ НАУКИ С ПРОИЗВОДСТВОМ».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Станислав **КАЛИНИЧЕВ**
Фото
Николая **КОЗЛОВСКОГО**

Ученые института — лауреаты Ленинских премий. Справа налево в первом ряду: Б. Е. Патон, Б. И. Медовар, В. Я. Дубовицкий. Второй ряд: Ю. В. Латаш, В. А. Сахарнов, В. К. Лебедев, С. И. Кучук-Яценко.

Зимней морозной ночью в Днепропетровске по мосту шел дежурный милиционер. Вдруг он услышал все нарастающий мощный гул. Подбежал к перилам, взглянул на реку и глазам своим не поверил. Лед пучился, поднимался высокой волной, с грохотом дыбились льдины... И поперек Днепра всплыло огромное черное тело.

Милиционер прибежал в отделение и сообщил, что посреди Днепра, у самого моста всплыла подводная лодка.

На следующий день выяснилось: лопнул трубопровод большого диаметра, протянутый по дну Днепра. Он был уложен с выгибом в средней части, там скопилась воздушная подушка. Она и вырвала трубопровод из грунта. Он всплыл. В месте наибольшего выгиба металл не выдержал. А когда воздух вырвался в образовавшийся разлом, трубопровод снова опустился на дно.

Авария была очень серьезная. И неизвестно, сколько месяцев могло уйти на ее устранение, каких средств это стоило бы, но на помощь пришли сотрудники Института электросварки имени Е. О. Патона АН УССР. Приехали несколько человек, привезли с собой аппаратуру, водолазные костюмы, поколдовали с неделю и уехали.

Можно было подумать, что они приезжали «на разведку», а теперь сидят и составляют смету на необходимые аварийные работы. Но на самом деле патоновцы успели починить трубопровод. На развороченный участок наложили металлический «пластырь» и там же, на речном дне, надежно приварили его.

ОГОНЬ, ВОДА И ТРУБЫ

— Как же вы под водой сваривали: расплавленный металл и вода — вещи несовместимые? — спросил я у Игоря Маврикиевича Савича, который руководит лабораторией подводной сварки.

— В том месте, где горит дуга и плавится металл,— ответил он,— даже на большой глубине возникает паро-газовый пузырь. В нем и формируется шов. Впервые сварочную дугу под воду опустил академик Хренов. Еще в предвоенные годы...

Савич умолк, как бы говоря всем своим видом: «Вот и весь секрет». Однако для меня многое оставалось неясным. Собеседник понял это и добавил:

— Правда, от первых лабораторных опытов до внедрения в широкую практику современных аппаратов для сварки и резки металла под водой, а тем более на больших глубинах — путь не близкий...

И так, слово за словом он стал рассказывать о некоторых работах. Оказывается, еще не так давно под водой могли вести сварку лишь очень опытные водолазы. Даже замена электрода под водой вырастала в проблему. А ведь время пребывания водолаза на глубине исчисляется минутами.

Тогда в лаборатории создали полуавтомат. От водолаза уже не требуется виртуозного умения, шов стал прочным, производительность труда возросла раз в десять... Конечно, этому предшествовали годы поисков. Небольшому коллективу лаборатории понадобились исследования в области химии, металлургии, электротехники, водолазного дела.

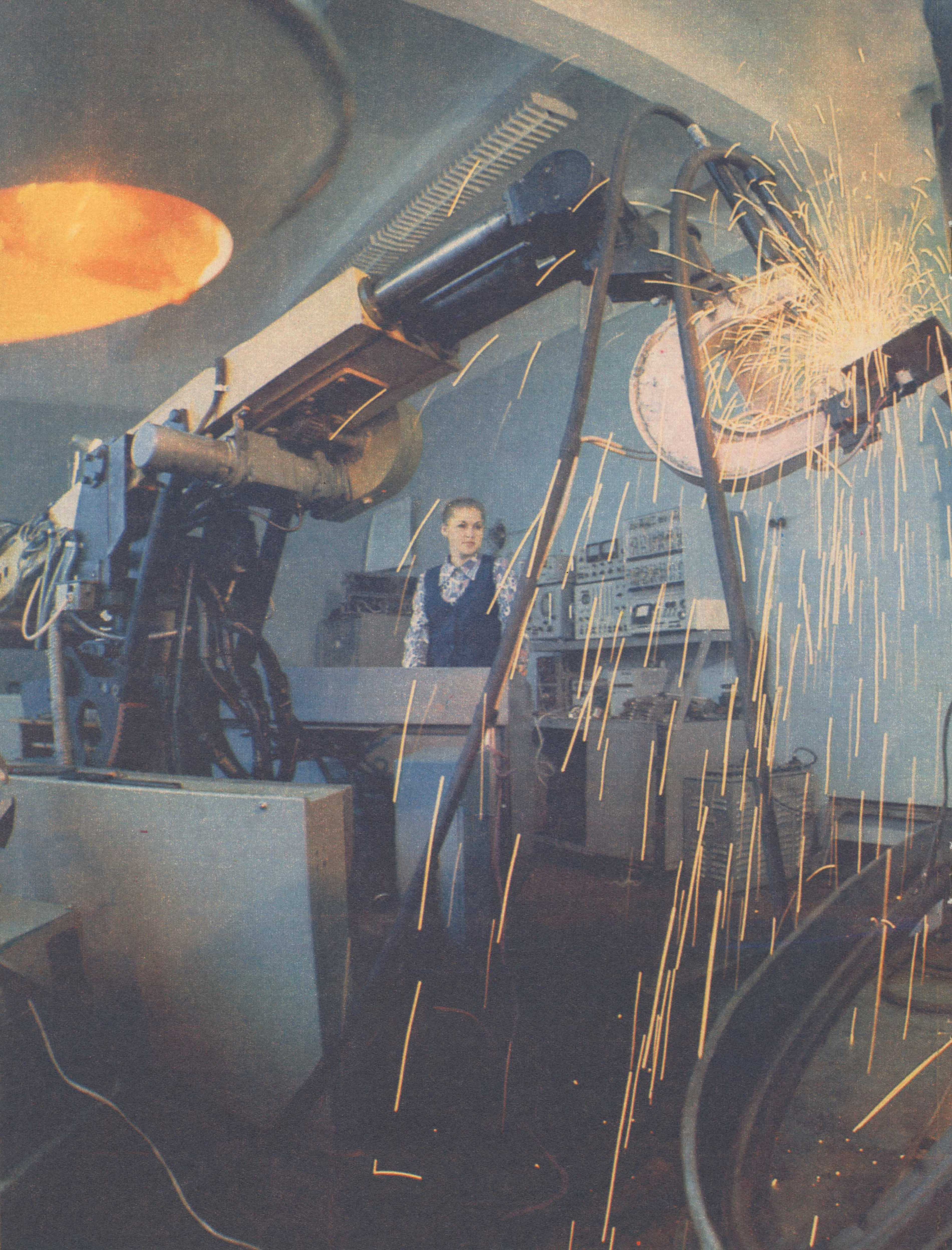
— Впрочем,— сказал Игорь Маврикиевич,— лабораторные исследования, все эти опыты вряд ли покажутся вам интересными, хотя именно они открывают нам глаза на многие явления.

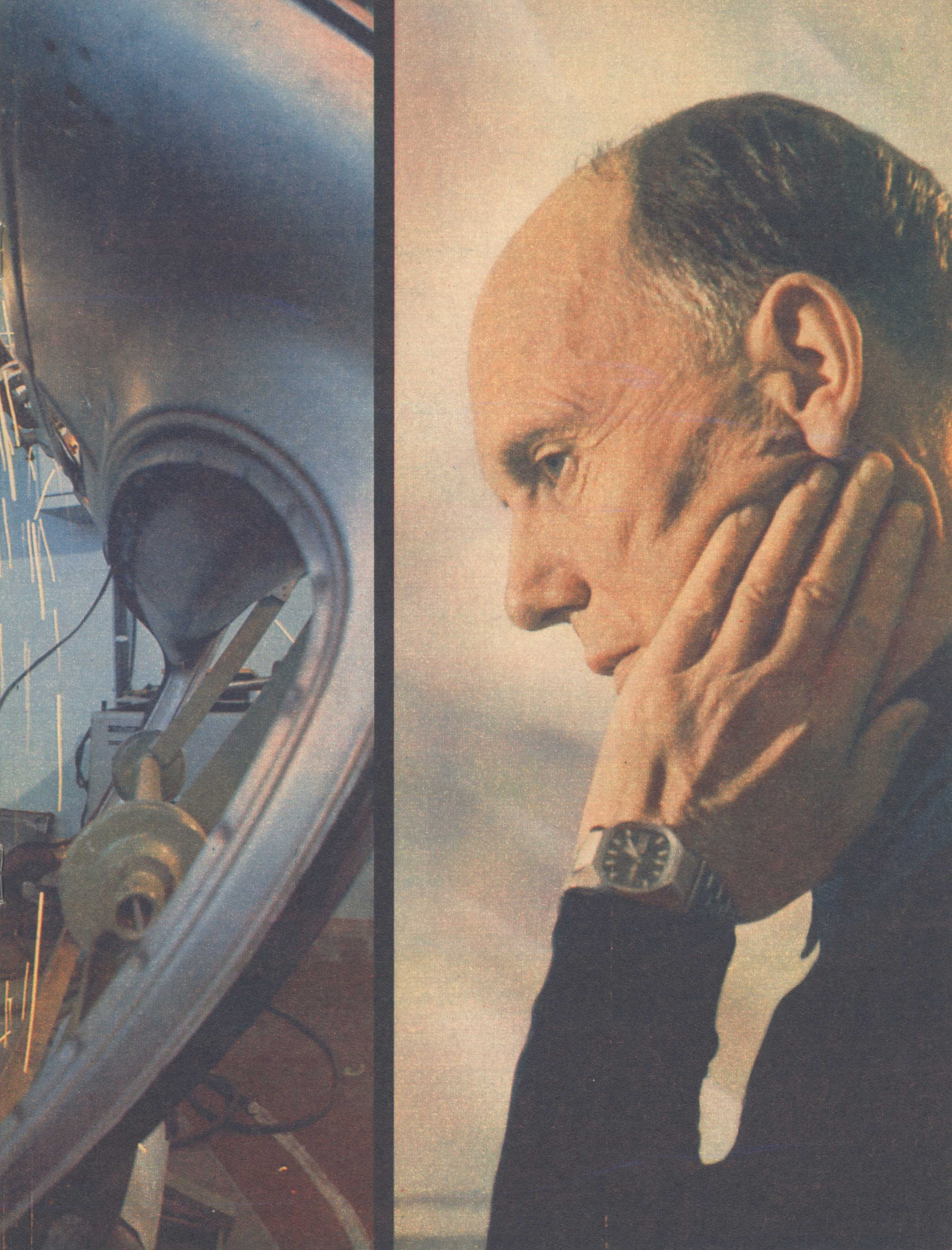
Я прошу рассказать, как живая

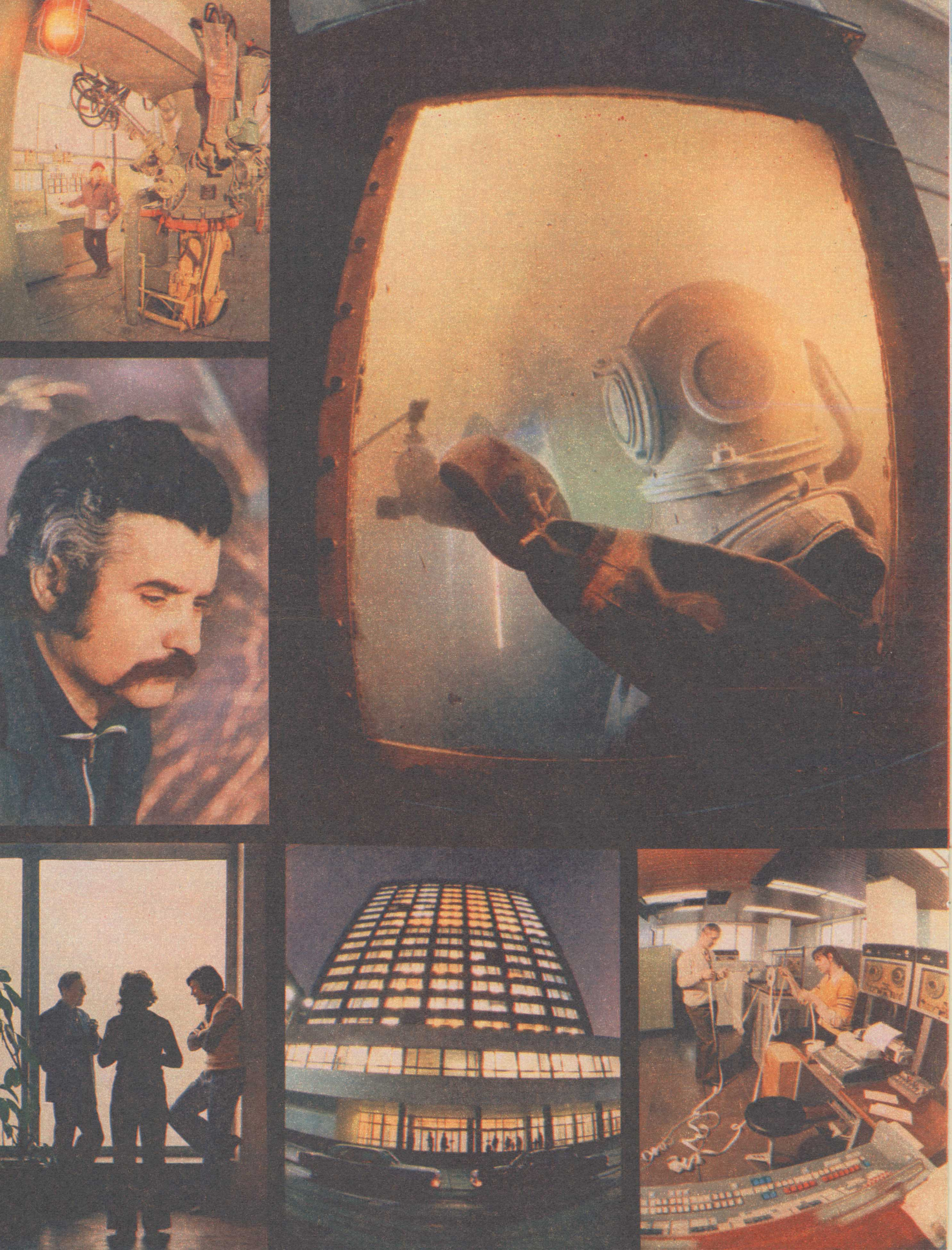
На 380 метров взметнулась над Киевом цельносварная телебашня, созданная с участием патоновцев.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Техник Лидия Зарудная наблюдает за действиями робота, который ведет электродуговую точечную сварку. * Академик Б. Е. Патон.

практика вторгается в их работу.

— Вторгается...— говорит он неопределенно.— Первые образцы аппаратуры были величиной с сейф. А таскать такой аппарат по палубе, да не только по палубе, нам самим приходится. Сделали поменьше — как небольшой холодильник. Все равно тяжело. И вот теперь наш полуавтомат величиной с портфель. За нами ведь, когда срочно нужны, и самолет присылают, и вертолет дают. А когда работа выполнена — обратно в Киев добираемся самостоятельно. Чаще всего.

Он рассказывает вполне серьезно, лишь глаза лукаво блестят.

— Взгляните на карту — звездочками помечено, где мы побывали.

На стене висит карта Советского Союза. И на ней — десятки звездочек: от Калининграда до Камчатки.

Конечно, не надо думать, будто ученые тем и заняты, что разъезжают в качестве волшебников-ремонтников. Только в исключительных случаях формируется группа, в которую включаются необходимые специалисты. Они в полной мере используют такой выезд для проверки своей аппаратуры в новых условиях, пропагандируют новейшую технику и методы работы, обучают людей на месте.

Один из таких выездов помечен звездочкой в районе Волгограда.

Здесь вышли из строя две нитки трубопровода большого диаметра. Специальная комиссия признала, что трубопровод ремонту не подлежит. Как ни печально, но все уже согласились с тем, что объект стоимостью полтора миллиона рублей надо просто списать и строить новый. И только один человек, который и в состав комиссии не входил, не был согласен с таким решением,— водолаз Эдуард Билых. Он случайно узнал, как патоновцы спасли трубопровод в Днепропетровске, и хотел посоветоваться с ними. После настойчивых просьб ему выписали командировку в Киев.

И вот Билых в Институте электросварки. Его облачили в водолазный костюм, опустили в опытный бассейн и дали в руки держатель сварочного полуавтомата... В лаборатории до сих пор не могут без улыбки вспомнить этот эпизод. Эдуарда Николаевича невозможно было вытянуть из бассейна. Он, как ребенок, радовался послушному полуавтомату, вычерчивал огненной дугой на металле замысловатые швы.

Вскоре несколько сотрудников лаборатории, прихватив свое оборудование, вылетели в Волгоград. Вместе с патоновцами под водой и над водой, у пульта управления, от зари до зари работал и Эдуард Билых. Через несколько недель трубопровод был спасен.

ПАТОНОВСКИЙ СТИЛЬ

Работу института невозможно представить без многостороннего и постоянного выхода в практику. Путь от фундаментальных исследований до их непосредственного применения в производстве здесь сократили до минимума.

Для этого созданы все условия. Кроме собственно института, есть хозрасчетные его звенья: опытно-конструкторское бюро, где более тысячи сотрудников, крупное экспериментальное производство и опытный завод — солидное электромашиностроительное предприятие, где занято около двух тысяч человек. А всего в составе научно-технического комплекса, каковым фактически является институт Патона, трудится около шести тысяч человек. Среди них 36 докторов и 257 кандидатов наук.

Дважды орденоносный институт стал, образно говоря, меккой электросварочной науки и производства. Он координирует работу около 400 близких к его тематике научных, проектно-конструкторских организаций. Ныне это фирма, которая с завидной щепетильностью оберегает свой высокий авторитет как в крупной, так и в любой самой малой работе. Здесь не принято говорить о мировом стандарте как о высшей оценке качества. Разработки института сами часто служат тем уровнем, на который равняются мировые стандарты.

Здесь свято чтут традиции, заложенные Е. О. Патоном, чье присутствие незримо ощущаешь на каждом шагу. И оно не только в том, что дело отца продолжают сыновья: Борис Евгеньевич — директор института, президент Академии наук Украины, и Владимир Евгеньевич — один из руководителей ОКБ, автор многих оригинальных разработок сварочной аппаратуры. Оно — в самом стиле и методах работы каждой лаборатории и производственного участка.

Патоновский стиль — это обостренное ощущение пульса социалистической экономики, умение распознать идею, которая принесет весомые научные плоды.

...Однажды в конце пятидесятых годов я был в Краматорске. Новокраматорцы создавали два крупнейших в мире пресса давлением по 70 тысяч тонн. Их циклопические конструкции невозможно было отлить целиком. Единственная возможность: отлить по частям и сварить. Но как сварить, если толщина каждой части больше метра? Патоновцы предложили свой метод электрошлаковой сварки, к тому времени уже отмеченный Ленинской премией. (Кстати, во всем мире его стали называть «русским методом» сварки.) Его особенность заключается в том, что сам стык крупногабаритных деталей превращается в небольшую сталеплавильную ванну.

Таким способом можно сваривать детали практически любого сечения, а металл шва оказывается даже более качественным, чем металл основной конструкции... Именно это и привлекло внимание ученых. Они задумались: а нельзя ли подобным способом выплавлять металл не ради шва, а ради самого металла? Одна идея породила другую, не менее перспективную.

Так появились электрошлаковые печи, в которых получают самые высококачественные металлы и сплавы. Родилось новое направление в металлургическом производстве. Промышленно развитые страны мира покупают у нас такие печи и лицензии на их производство. И эта работа патоновцев была отмечена Ленинской премией.

ТРИДЦАТЬ СЕКУНД НЕВЕСОМОСТИ

Сама жизнь потребовала выполнения сварочных работ в космосе. И первый в мире эксперимент по сварке и резке металлов в космосе был осуществлен с помощью созданной в институте установки «Вулкан» в 1969 году на борту космического корабля «Союз-6» Этим было положено начало космической технологии.

— Для работы в космосе даже самый простой из «земных» инструментов малопригоден. Затягивая шуруп обычной отверткой, космонавт начнет вращаться вокруг него, а молоток при отскоке может наделать бед,— пояснял мне руководитель лаборатории космической сварки Всеволод Лапчинский. Он показал прибор, похожий на миниатюрный фен. — Это паяльник, который мы сделали для космоса. Он паяет сфокусированным пучком света.

Всеволод Феодосьевич показывает десятки пластин, сваренных различными способами в условиях невесомости.

— Эксперименты мы проводим совместно с учеными Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. На борту самолета устанавливаем камеру с глубоким вакуумом. Самолет набирает высоту и... падает, теряет ее. Потом снова набирает высоту. На каждой такой «горке» у нас имеется двадцать — тридцать секунд невесомости.

— Что же можно успеть сделать за полминуты?

— Многое. Особенно если эксперимент хорошо подготовлен и выверен. Мы ведь до выхода в летающую лабораторию каждый эксперимент, весь ход его много раз прорабатываем вместе с отделом математических исследований, «прокручиваем» всю программу на ЭВМ, выявляем возможные ошибки, вносим поправки. Так что на космических кораблях, если говорить точно, мы уже не экспериментируем, а закрепляем результаты исследований.

Сотрудники лаборатории одновременно ведут работу над многими темами. Выход человека в космос породил взрыв новых научных идей. Например, в условиях невесомости, где «удельный вес» воздуха и стали одинаково равен нулю, можно получить пенометалл. Там пузырьки воздуха не всплывают, остаются в жидком металле замкнутыми пустотами. Это дает возможность создавать материалы легче воды и по прочности не уступающие стали. В космосе можно выращивать идеально чистые кристаллы, получать сплавы из не соединяющихся в земных условиях материалов, можно вести плавку во взвешенном состоянии.

Естественно, небольшой коллектив лаборатории не смог бы вести всесторонние исследования по столь широкому кругу тем. Но ее научный багаж все время пополняют своими работами ведущие ученые института.

ТЯЖЕЛУЮ РАБОТУ — МАШИНАМ

...На Коломенском тепловозостроительном заводе был цех сварки картеров. Я говорю «был», потому что с недавних пор его не стало. Завод выпускает дизельные двигатели, мощность которых исчисляется тысячами лошадиных сил. Такой двигатель является сердцем электростанции, тепловоза, корабля. А картер — основная его несущая конструкция, база, на которой монтируется все остальное.

Целиком его отлить невозможно, поэтому отливают по секциям, потом сваривают вручную. В общем, все это длилось иногда и до месяца.

Но вот в цехе появилась группа молодых людей. Вместе с заводскими рабочими они выгородили небольшой участок и стали устанавливать на нем оборудование. Заводская многотиражка сообщила, что ученые института имени Е. О. Патона приступили к созданию нового способа и уникальной машины для автоматического сваривания стальных картеров одновременно в пяти стыках. В это трудно было поверить: не прутки, не трубы, а объемные многостыковые конструкции, под тяжестью которых поскрипывают заводские краны.

Однако время шло, и наступил момент пуска новой установки. Через восемь минут две секции слились в одну. Еще восемь минут — и к ним присоединилась третья.

— А кто тут старший из ученых? — спросил один из сварщиков.

— Да тот, который у пульта,— Черненко.

— Расскажи кому-нибудь другому. Я этого чернявого лучше тебя знаю. Он тут уже восемь месяцев работает.

И все же это был сотрудник института электросварки, кандидат технических наук И. А. Черненко. Он не только монтировал свое детище, работая по две смены в течение восьми месяцев, но и сам сварил первые сорок картеров.

Как подсчитали заводские экономисты, с введением в строй этой установки себестоимость картера снизилась в 18 раз, а производительность труда на его изготовлении возросла в 79 раз! При выполнении программы, определенной заводу на десятую пятилетку, новая установка заменяет труд почти трехсот электросварщиков, слесарей-сборщиков, контролеров, а обслуживают ее два оператора и начальник.

Для электросварочного производства это одна из крупнейших работ в мировой практике. Она защищена патентами во всех промышленно развитых странах, сейчас ведутся переговоры с зарубежными фирмами о продаже лицензий.

— Тут главное не в деньгах,— говорит И. А. Черненко, — не в миллионах, которые можно сэкономить. Важно, что на заводе, где хронически не хватало рабочих, с мая прошлого года закрыли цех. Сотни людей избавлены от тяжелого и малопроизводительного труда, они переведены в другие цехи, где в них остро нуждаются.

Лабораторией контактно-стыковой сварки, в которой работает Черненко, руководит доктор технических наук С. И. Кучук-Яценко. Это одна из больших лабораторий, и исследования тут ведутся одновременно по многим темам.

Все знают, что нефте- и газопроводы пересекли нашу страну во многих направлениях. Проходят они все больше по тундре да тайге, через пески и болота. Сварщикам приходится работать под дождем и в снегу. Но неизменным остается одно требование — шов должен быть безукоризненным. Малейшая, микроскопическая трещина или раковина может привести к катастрофе.

Потому и работают сварщики не быстро. Но, как ни старайся, у разных людей шов получается неодинаковый. Перед учеными была поставлена задача создать машину, которая сваривала бы стыки трубопроводов быстро, а качество шва практически не зависело от квалификации людей.

Такой машиной оказалась «Север-1», созданная совместно с научными, проектно-конструкторскими и строительными организациями Миннефтегазстроя.

— Во-первых, — рассказывает Сергей Иванович Кучук-Яценко,— мы отказались от шва как такового. Торцы труб диаметром 1420 миллиметров разогреваются до расплавления. Потом они с большой силой сдавливаются, оплавленный металл выжимается из стыка, две трубы прочно срастаются в одну.

Новой машине не нужна прочная дорога — она движется внутри трубы.

С применением новой машины производительность труда на сварке магистральных трубопроводов возрастает в 6—8 раз.

В лабораторном бассейне отрабатывается техника подводной сварки. * Плавильщик А. Р. Слободян у печи для плазменно-дугового переплава специальных сталей. * Инженер А. А. Толдин ведет эксперимент по контактной сварке. * В свободную минуту. * Вечером у главного корпуса института. * Старший техник Елена Плахотник и начальник машины Борис Каленик в вычислительном центре отдела математических исследований.

Нельзя не сказать о широких международных связях института. В нем ежегодно проводится семинар-практикум ООН для специалистов развивающихся стран; выпускаемый здесь журнал «Автоматическая сварка» переиздается в Великобритании на английском языке. За последние годы разработки института получили около 300 медалей и 87 дипломов на международных выставках и ярмарках.

ГЕНЕРАТОРЫ ИДЕЙ

У истоков каждой теории, каждой, пусть ныне уже азбучной, истины стоял определенный человек, который первым выпытал ее у природы. Эти первородные кирпичики знаний составляют фундамент науки, дают начало коренным изменениям в технологии различных производств. И хоть в наше время такие знания добываются чаще всего коллективными усилиями многих людей, но и среди них должен быть тот, кто первым увидит новое, определит цель поиска, из тысячи возможных путей исследования сумеет выбрать наиболее рациональный.

Именно такие люди — когорта талантливых ученых, способных четко поставить задачу, подать смелую и оригинальную идею, проследить в лавине результатов логическую закономерность — составляют основное богатство института. Их называют «генераторами идей».

Первый среди них, бесспорно, директор института Борис Евгеньевич Патон. Трудно даже представить, какой огромный объем работы ему приходится выполнять как директору, президенту АН УССР, общественному и государственному деятелю. Но прежде всего это крупнейший ученый, который руководит исследованиями по важнейшим темам.

...С тех пор, как Борис Евгеньевич стал директором, институт вырос раз в десять. Неизмеримо расширился круг тем, которые исследуют в его лабораториях и отделах: это сварка, резка, пайка, наплавка металлов, электрометаллургия и литье, создание принципиально новых технологий металлообработки. Под непосредственным руководством Б. Е. Патона разрабатывается производство многослойных труб, контактная сварка трубопроводов большого диаметра, электрошлаковая технология. Он руководит созданием сварочного робота, который будет владеть несколькими специальностями.

Одна из его замечательных особенностей — не только определить и четко поставить научную проблему, но и найти нужных людей для ее выполнения, заметить талант и помочь ему раскрыться. Многие из таких людей со временем вырастают в крупных ученых, сами становятся «генераторами идей». Вот лишь один пример.

В 1958 году директор предложил молодому ученому И. К. Походне возглавить работы по исследованию процессов... ручной сварки. Это было неожиданно во всех отношениях. И. К. Походня к тому времени, несмотря на свою молодость, уже определился как ученый совсем иного профиля.

Предложение казалось неожиданным и по другой причине: зачем прославленному институту, создавшему блистательное семейство сварочных автоматов, совершенствовать отмирающие, как многим казалось, методы сварки?

Молодой ученый со свойственной ему обстоятельностью для начала решил познакомиться с темой. И выяснил, к своему удивлению, что ручная сварка отнюдь не отживает свой век, что число людей, занятых ею, из года в год растет. В то время десятки ведомств изготовляли электроды в полукустарных условиях.

— Тут был непочатый край работы,— вспоминает И. К. Походня.

Возглавив отдел, Игорь Константинович занялся изучением физико-химических процессов, происходящих в сварочной дуге, в этой крохотной печи, где сфокусированы все премудрости металлургии, химии, электротехники. После долгих поисков были подысканы компоненты для обмазки (а их около пятнадцати), которые безопасны для человека. По рекомендациям отдела построены новые предприятия по производству сырьевых материалов, созданы предприятия для выпуска разработанного здесь оборудования и электродов. (Уже действуют цехи производительностью до 1000 штук электродов в минуту!)

Сегодня в отделе, который возглавляет И. К. Походня, около семидесяти сотрудников. Среди физиков, химиков, механиков есть и группа врачей-гигиенистов. Их исследования помогают уже в процессе создания нового оборудования и материалов строго учитывать требования безопасности.

И. К. Походня стал одним из ведущих ученых института. Его судьба характерна для многих его коллег.

— Когда я пришел сюда,— вспоминает он,— в лаборатории нас было семь человек: пять инженеров, кандидат наук и лаборант. А сейчас шестеро из этих семи возглавляют крупные лаборатории или отделы.

В нынешнем году Игорь Константинович Походня избран действительным членом Академии наук Украины.

...Мы беседовали с Б. Е. Патоном в Президиуме Академии наук УССР. В наш разговор вмешался телефонный звонок. Борис Евгеньевич извинился и взял телефонную трубку. По его отрывочным ответам можно было понять, что разговор идет о создании нового института в одном из индустриальных центров Украины. Борис Евгеньевич спросил у своего невидимого собеседника:

— Но вы представляете себе, что именно надо иметь для создания научно-исследовательского центра?

Выслушав ответ, возразил:

— Все это вещи нужные, но не первостепенные. Главное — надо иметь контингент ученых нужного профиля и еще более важно, чтобы у этих ученых был необходимый багаж плодотворных научных идей...

Этот случайно услышанный разговор помог мне понять главное, что отличает работу коллектива дважды орденоносного института, работу патоновцев,— огромный багаж плодотворных научных идей, целенаправленная, обусловленная тесными связями с производством их разработка — до активного внедрения готовых машин, приборов и принципиально новых технологий в народное хозяйство.

интервью «огонька»

Заслуженный тренер СССР Рудольф ПЛЮКФЕЛЬДЕР отвечает на вопросы корреспондента «Огонька»

ТОЧКИ НАД ГРИФОМ

С Рудольфом Владимировичем Плюкфельдером я встретился в день его возвращения из Берлина, где разыгрывалось первенство Европы по тяжелой атлетике. Пять золотых медалей советских спортсменов и притом две из них, завоеванные воспитанниками Плюкфельдера — Николаем Колесниковым и Давидом Ригертом,— а также командная победа нашей сборной с отрывом в 18 очков в комментариях не нуждались. Да и в преддверии XXI Олимпийских игр хотелось побеседовать не о сражениях законченных, а о предстоящих. Но спортивная пресса окрестила прошедший чемпионат Европы генеральным смотром сил перед Олимпийскими играми, и поэтому я и решил нашу беседу все же начать с берлинской победы, чтобы поставить все точки над «i», а точнее, над грифом штанги.

— Могут ли результаты, показанные советской сборной в Берлине, в какой-то степени наметить контуры ее будущего выступления в Монреале? Заслуживают ли внимания утверждения некоторых специалистов, что спортивная форма наших тяжелоатлетов в Берлине достигла своего пика и к Монреалю может начаться спад?

— Нет, это неверно. Пика на чемпионате Европы наши спортсмены не достигли. Журналистов ввели в заблуждение высокие результаты, показанные советскими спортсменами, но главный тренер сборной команды Игорь Саввич Кудяков поставил перед штангистами одну задачу: считать выступление в Берлине только подготовкой к Монреалю. Я думаю, что к началу Олимпиады советские штангисты сумеют показать еще более высокие результаты.

— Нынешняя Олимпиада будет седьмой для советских тяжелоатлетов. Напомните, пожалуйста, каких результатов они добивались на предыдущих Играх?

— Мы начали свой олимпийский счет в 1952 году в Хельсинки, завоевав там три золотые медали, и хоть американцы победили в четырех весовых категориях, наше выступле-

ние ознаменовало конец долгой гегемонии американских атлетов на мировом помосте. Через четыре года в Мельбурне советские спортсмены вновь получили три золотые медали, а американцы четыре, но уже тогда в нашей копилке оказались еще четыре серебряные медали, в то время как американцы получили лишь две, и это позволило советской команде уйти вперед. А в Риме в 1960 году штангисты СССР добились полного триумфа.

— Вы ведь сами тогда еще выступали, Рудольф Владимирович?

— Да, в то время я выступал в среднем весе, но в Риме из-за травмы не смог подняться на помост. И все же без меня шестеро моих товарищей сумели завоевать пять золотых и одну серебряную медаль.

— А на токийской Олимпиаде вы выступали уже со своим учеником Алексеем Вахониным?

— Совершенно верно, и мы оба вернулись домой с золотыми медалями. Тогда советские спортсмены завоевали еще две золотые и три серебряные медали. И в Мехико штангисты СССР добыли три золотых и три серебряных медали и на Олимпиаде в Мюнхене опять же первенствовали в трех весовых категориях.

— Но, кроме успехов, в Мюнхене нас ждали и неудачи!

— Увы, это так. И забывать об этом не стоит. На мюнхенском помосте четыре наших штангиста схватили «баранки», не сумели использовать ни одной из трех предоставленных им попыток в одном из движений. Это и позволило прекрасным штангистам Болгарии одержать в Мюнхене победу в неофициальном командном зачете.

Надо сказать, что болгарские штангисты сумели добиться за последние годы выдающихся результатов. Они отодвинули на задний план некогда грозных американских штангистов, и их успех в Мюнхене совершенно закономерен. Но для нас четыре нуля — из ряда вон выходящее ЧП.

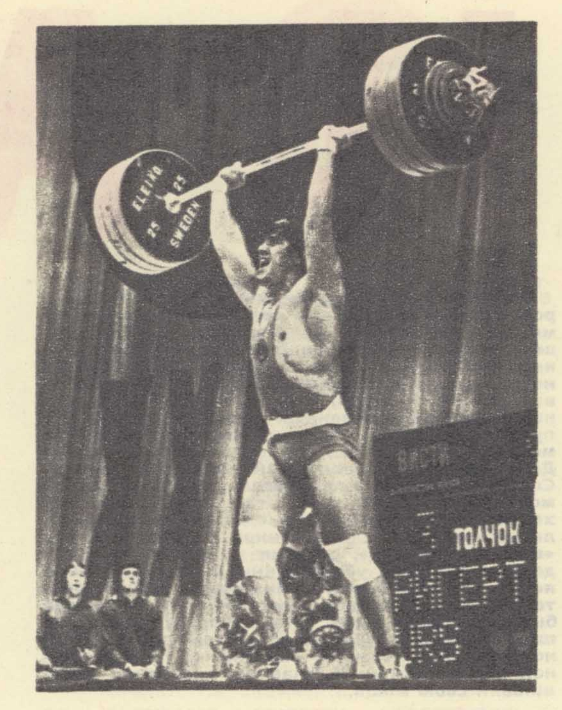
— Победа на Олимпийских играх всегда считалась более почетной, чем на чемпионате Европы или мира. Почему?

— Да потому, что олимпийский шанс может повториться только спустя четыре года, и не всякий способен удержаться на коне столь долгий срок. Вот почему каждый, кому доверено выступать на Олимпиаде, испытывает такое волнение.

— Как, по вашему мнению, сложится борьба на монреальском помосте? Не могли бы вы, хотя бы бегло, обрисовать состав нашей сборной?

— Прогнозы, как известно,— дело очень ненадежное, но все же попытаюсь. Я думаю, что в наилегчайшем весе сможет хорошо выступить Александр Воронин из Кемерова. В Берлине он завоевал первенство Европы, и ему по плечу и олимпийское золото, но соперники у него будут серьезные — польский штангист Зигмунд Смальцеж и иранец Мохаммед Нассири. Однако не исключено, что Нассири, после того как Воронин отобрал у него все мировые рекорды, уклонится от новой встречи и перейдет в легчайший вес.

У нас в этой весовой категории нет сильного спортсмена, и это тем более обидно, что в свое время именно штангист легчайшего веса Иван Удодов начал счет золотым олимпийским медалям советских штангистов. Зато в

Давид Ригерт на помосте. Фото А. Бочинина.

полулегком весе мы имеем такого могучего атлета, как Николай Колесников. В Берлине ему удалось обойти болгарских штангистов Тодора Тодорова и Георгия Тодорова.

Ну, а в легком весе я отдал бы предпочтение Петру Королю, штангисту, который хорошо владеет и рывком и толчком. Впрочем, Мухарби Киржинов ему ни в чем не уступает, и они оба могут составить великолепную пару. И тот и другой — спортсмены с большим боевым опытом. А вот в полусреднем весе может отлично выступить дебютант сборной — Вартан Милитосян. На чемпионате Европы он не только добился победы в борьбе с болгарином Йорданом Митковым и штангистом из ГДР Петером Венцелем, но и завершил свое выступление мировым рекордом в толчке.

Нелегко придется нашему средневесу Валерию Шарию. Все мы знаем великолепные возможности этого атлета, и все же в Монреале у него одинаковые шансы стать чемпионом или оказаться третьим. В этой весовой категории, видимо, будут выступать два очень сильных болгарских атлета — Трендафил Стойчев и Благой Благоев. В Берлине Шарию удалось их обойти, но что будет в Монреале?

— В полутяжелом весе вы, разумеется, рассчитываете на удачное выступление Давида Ригерта?

— Не скрою, очень рассчитываю. У Давида сейчас мало равноценных соперников, но иногда ведь надо преодолеть и самого себя. Почти каждое выступление Ригерта завершается новыми мировыми рекордами, и все же он способен на значительно более высокие результаты. Вся беда в том, что ему приходится выступать в одиночестве, когда все уже исчерпали свои подходы. А выступать одному всегда труднее.

В Берлине Давид установил новый мировой рекорд в толчке, подняв 220,5 килограмма, но я считаю, что он имеет в запасе не менее десяти килограммов. Мой ученик поднимется на олимпийский помост, чтобы победить, и он должен победить. Ведь в этой весовой категории в Мельбурне и Риме побеждал Аркадий Воробьев, в Токио — Владимир Голованов.

— Ну вот мы и подошли к тяжелым весам. Как, по-вашему, сможем ли мы рассчитывать на успех в первом тяжелом весе?

— Увы, вряд ли. Здесь фаворит — замечательный болгарский штангист Валентин Христов, а Юрий Зайцев, наш вероятный кандидат на выступление в этом весе, может рассчитывать на серебро... если его не оттеснит на третью ступеньку штангист из ГДР Юрген Цицке.

— И наконец, второй тяжелый вес...

— Со времен римской Олимпиады мы никому не уступали золото в этой категории. Юрий Власов и Леонид Жаботинский с честью представляли советский спорт в Риме, Токио и Мехико, а в Мюнхене их дело продолжил Василий Алексеев. Я уверен, что и в Монреале он скажет свое веское слово.

— А почему же Алексеев не выступал на чемпионате Европы в Берлине?

— Таково было решение тренерского совета. Все мы единогласно пришли к мнению, что ему незачем растрачивать свои силы в борьбе со штангистом из ГДР Гердом Бонком и болгарином Христо Плачковым...

— И Бонк отобрал у Алексеева рекорд в толчке и в сумме двух движений, а Плачков — еще раньше в рывке?..

— Ничего! Думаю, эти прекрасные результаты только подзадорят Василия и он еще скажет свое слово *. Главное: его молодые соперники понимают, что им до сих пор удавалось побеждать килограммы Алексеева, но не его самого. Алексеев, как никто, умеет психологически давить на соперников.

— Значит, вы убеждены в победе Алексеева в Монреале?

— Я верю в него. Хотя нужно помнить и о том, что Бонк на девять лет, а Плачков на десять лет моложе. Они оба в расцвете сил. Бонк вполне может толкнуть 257 килограммов и наверстать то, что он проиграет Алексееву в рывке. А Плачков хорош в рывке и может в этом движении создать большой запас, который трудно будет отыграть Алексееву в толчке. Все в конечном счете решит психологическая устойчивость.

— Мы пока обсуждали возможности отдельных штангистов. А у кого наивысшие шансы в командном первенстве?

— Думаю, что командный приз будут оспаривать две команды — СССР и Болгарии.

Интервью взял Л. ПЛЕШАКОВ.

* На состоявшемся в мае первенстве Советского Союза В. Алексеев подтвердил слова Р. Плюкфельдера и установил новый рекорд мира в двоеборье, но вскоре X. Плачков улучшил его мировые рекорды, как в рывке, подняв 200 килограммов, так и в двоеборье — 442,5 килограмма.

Мы хорошо представляем, что вбирает в себя одна олимпийская медаль и что стоит она «по нынешним временам». В ней труд не только спортсмена и тренера. Но и школьных педагогов, которые помогли будущему чемпиону делать первые шаги в спорте. Врачей и психологов. Инженеров и архитекторов, построивших современные стадионы.

Об этом много написано. Меньше всего — об организаторах спортивного движения в стране. А между тем огромный, неустанный труд этих людей, как составляющая, входит в победы на международной арене, в успехи массового физкультурного движения.

Книга Александра Кулешова «Все новые горизонты» рассказывает о жизненном пути прославленного партизанского вожака, командира одной из партизанских бригад, действовавших в Белоруссии, а ныне председателя Спорткомитета этой республики, Героя Советского Союза Виктора Ильича Ливенцева.

В книге много запоминающихся страниц, повествующих о том, как вместе со своими товарищами, вместе со всей бригадой мужал, многократно рисковал жизнью и обретал мудрость 23-летний комбриг, о рейдах, которые совершало партизанское соединение.

Отгремела война, наступили дни мирного труда, и вот уже много лет В. И. Ливенцев — председатель Спорткомитета Белоруссии. И те черты его характера, которые выявили и закалили бои,— смелость, ответственность, глубокая вера в человека — теперь проявляются в его работе по руководству физкультурным движением.

Говорят, у спортивной фортуны капризный нрав. Надо потратить много труда и немало пролить пота, чтобы заслужить ее милость. Но в этой формуле «фортуна — спортсмен» незримо присутствует человек, от которого зависит многое. Он поощрит самостоятельность и даст ощущение перспективы, окружит спортсмена ненавязчивой, немногословной, но такой многозначительной заботой; встанет в крутую минуту на его защиту. И не даст споткнуться в минуту соблазна.

Писатель Александр Кулешов сумел в своей книге интересно рассказать о таком человеке.

А. КИКНАДЗЕ

А. Кулешов. Все новые горизонты. М., «Физкультура и спорт», 1975, 216 стр.

Сергей Иванович Жиленко, делегат XXV съезда КПСС.

Н А Ч

В печати опубликован документ огромного теоретического, политического и социально-экономического значения: ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». Это новый этап практического осуществления идей ленинского кооперативного плана в условиях развитого социализма.

Наши корреспонденты ведут репортаж из подмосковного колхоза «Заветы Ильича», где создан большой специализированный животноводческий комплекс.

Николай БЫКОВ,
фото А. БОЧИНИНА

ЗЕЛЕНЫЙ подмосковный июнь. В этом году его каждодневно окатывают обильные дожди. Дождевой воды так много, что, кажется, вот-вот она обернется помехой — в поле уже сейчас не влезешь. Но в солнечные часы мир окрест Домодедова меняется. И тогда любо-дорого видеть свежие покосы, автопоезда с зеленкой, и полногрудую сирень, и уставшие после цветения, успокоенные сады с новыми завязями.

Совсем недавно сидели мы в таком вот старом яблоневом саду со старым агрономом-тимирязевцем Сергеем Александровичем Любимовым, и был у нас ставший с годами неизменным разговор о первых порах строительства новой жизни в деревне. Сергей Александрович все, помню, сетовал, что опыт создания крупных специализированных трестов как-то не продолжен. Быть может, даже и растерян. Он молодел, вспоминая, как организовывался на Дону ныне прославленный зерновой гигант. Совхоз так и назвали тогда: «Гигант»! Любимов заступался за травы там, где извечна нехватка зернофуража, не одобрял многоотраслевых хозяйств с худосочной экономикой, где «всего понемногу», ратовал за свеклотресты, и доводы его были убедительны, потому как всем ясно, что хозяйства, занимающиеся исключительно производством сахарной свеклы, всегда были рентабельными, в них подбирались лучшие мастера и лучшие специалисты, они тесно — технологически — связаны с промышленной переработкой. И, главное, постоянно наращивали свою мощь.

Как бы он порадовался сегодня, старый агроном, если бы прочел с карандашом в руках недавнее постановление ЦК КПСС о дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Ибо путь дальнейшего развития нашего сельского хозяйства — это, конечно же, специализация и научно обоснованная концентрация производства. Магистральный путь, стрежень, могучее течение, устремленное вперед! Давным-давно еще первые образцовые совхозы, созданные сразу же после Великого Октября, были уже специализированными. О них, как о молодости — своей и страны,— любил вспоминать мой наставник, старый агроном Любимов.

— Сегодня селу предстоит пережить, по сути, еще одну коллективизацию,— такими словами начал беседу председатель колхоза «Заветы Ильича», Домодедовского района, Московской области, Сергей Иванович Жиленко, делегат XXV съезда КПСС.

За высоким окном лежало большое поле. Люцерна с костром безостым. А за зеленым разливом — крыши, крыши, крыши. Там — колхозный животноводческий центр. Средоточие новых корпусов узкоспециализированного комплекса.

Сергей Иванович с видимым удовольствием комментировал каждую строку июньского постановления ЦК КПСС. И слушать его было интересно.

— Что происходит? В принципе то же самое, что и в год великого перелома,— продолжал председатель.— Но, конечно же, есть исторически обусловленная разница. Другим стало государство. Если при коллективизации в объединение шли отдельные крестьянские хозяйства, то сейчас в процессе разделения труда и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции участвуют колхозы и совхозы.

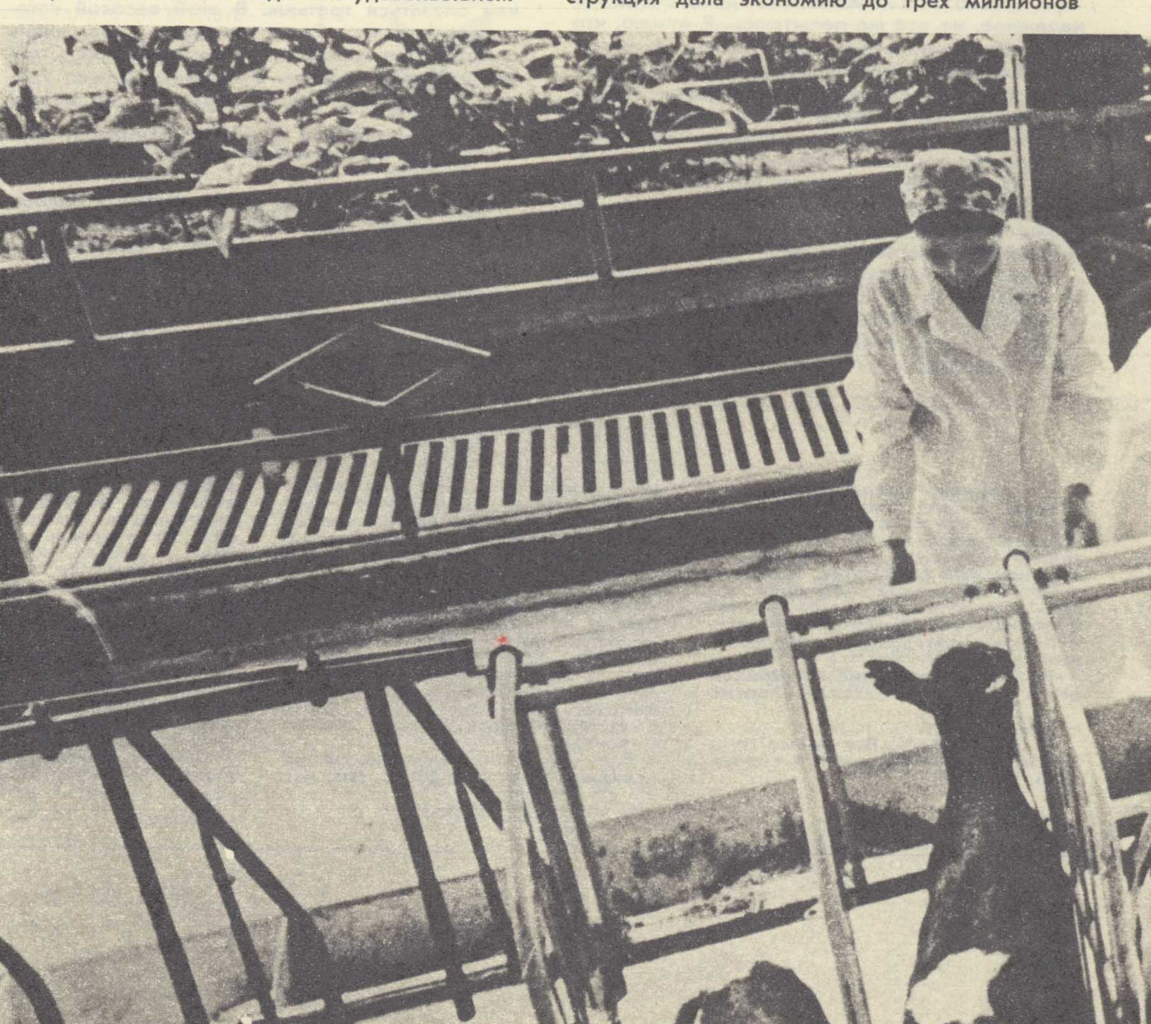
Колхоз «Заветы Ильича» еще лет десять — двенадцать назад был самым отстающим в районе. Новый председатель стал искать точку опоры. Поискам помогли решения мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.), многое подсказала и логика развития сельского хозяйства. Сергей Иванович, правление колхоза сделали ставку на телят: решили заняться их выращиванием с тем, чтобы продавать нуждающимся, можно сказать, готовых молодых коров. Нетелей, говоря языком животноводов. Дело это тонкое, но стоящее, выгодное.

Сейчас конвейер, грубо говоря, по производству нетелей налажен. Состоялся и первый «выпускной бал»! Колхоз недавно продал две тысячи молодых коров — самых первых. Спрос растет, рождает предложение, теперь будут продавать по три тысячи.

Продажа трех тысяч нетелей в год — дело небывалого размаха. Такое, конечно же, не под силу было колхозу в недавнем прошлом. Но после XXIV съезда КПСС решились специализироваться на доращивании скупленных телят. Значит, строить? И прежде всего новые телятники? Дорого! Колхоз пошел по пути реконструкции имеющихся помещений.

— Не отступая от новой, прогрессивной технологии,— подчеркнул председатель колхоза.— Все чтобы по науке.

Ездили колхозные специалисты и в Пензенскую область, и в Белоруссию, и в Молдавию. Смотрели, считали. Сделали по-своему. Реконструкция дала экономию до трех миллионов

А ЛО

рублей. Сэкономленные деньги пошли на современное оборудование, на улучшение полей кормового севооборота. Короче, одно место для животного обошлось колхозу в пятьсот рублей, а в области этот важнейший экономический показатель вырастает иногда до двух тысяч рублей! Но в колхозе «Заветы Ильича» строили сами, хозяйственным способом — свои строители, монтажники, сантехники. Потому что помнили: рубли здесь тоже свои. Таким оно было, начало. Отныне в случаях капитального строительства подобного размаха, реконструкции и обновления производства будут объединяться усилия, средства и транспорт хозяйств-пайщиков.

Конечно, со старой структурой хозяйства пришлось расстаться. Продали коров, а дойное стадо было отличное. Держали и свиней, имели до десяти тысяч поросят,— и от них «освободились», по словам Сергея Ивановича. Нет теперь и зерновых поставок. Все растениеводство подчинено отныне кормовым культурам: фуражу, кукурузе, травосмесям. Тут у колхоза большие успехи: урожайность зерновых составляет пятьдесят центнеров, кукурузы — свыше пятисот, люцерны вместе со злаковыми травами — свыше шестисот центнеров с гектара!.. И это в Подмосковье, где земли от природы не ахти как богаты питательными веществами. Плодородными они стали лишь в последнее время.

— У нас хорошие специалисты,—просто объясняет председатель.— Занимались и раньше свиньями, молоком, а душа не лежала. Теперь иное дело.

Поступившие телята помещаются в решетчатые колыбели на колесиках — каждый в свою. Ясли. А когда станут на ноги, начинают взбрыкивать, тогда их переводят в боксы — поближе к автокормилице о шести сосках. И всюду просторные залы, цветы, чистота.

В прошлом году доход колхоза составил шесть миллионов рублей, а чистая прибыль — один миллион восемьсот тысяч. В колхозе на каждые сто гектаров приходится сто восемьдесят голов — это, пожалуй, самая высокая концентрация в области. И это в хозяйстве, у которого всего-то пашни две с половиной тысячи гектаров. И земля выдерживает, а ведь подзол.

Телят колхоз скупает в окрестных хозяйствах. Покупают их в десятидневном возрасте. В колхозном «интернате» они живут, развиваются двадцать три месяца. Каждый выпуск — праздник! Телятницы провожают питомиц и возвращаются в цеха к тем, кого еще надо кормить, холить, воспитывать. Цеха огромны, в каждом несколько сот голов. Недаром девушки-операторы называют новые скотные дворы так же, как известные московские вокзалы: «Казанский», «Павелецкий»... Если раньше телятница ухаживала за полсотней голов, то здесь звено из шести человек имеет почти тысячу подопечных. Нагрузка резко увеличилась, а работать стало легче, хотя пока еще механизация былого ручного труда примитивна. Предстоит большая работа по модернизации процессов раздачи кормов, уборки помещений. Ну, а в перспективе — автоматизированное производство, крупное высокотоварное предприятие индустриального типа, созданное на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

— Начало! Не забывайте, это лишь начало,— охлаждает восторги председатель.— Помните, как сказано в постановлении? Сделаны только первые шаги! Кооперация хозяйств развивается еще пока, по существу, на базе старых экономических отношений, приспосабливаясь к существующему порядку планирования, финансирования, материально-технического снабжения и управления нашим сельским хозяйством. А смотреть надо вперед, перестраивать надо и планирование и финансирование. И при этом важно сохранить самостоятельность таким хозяйствам, как наше. Нельзя перестраивать дело с кондачка. А ведь были и скандалы поначалу, не без этого. Еще недавно нельзя было пересмотреть с точки зрения выгоды ни структуру посевных площадей, ни структуру поголовья в животноводстве. А цены? Вот мы все теснее связываем свою колхозную экономику с совхозной, с государственной. Но совхозные руководители в известной степени связаны в хозяйственной деятельности, их возможности лимитированы; входя в экономический контакт с нами, разводят руками: «Платить не можем. Ну, как мы вам заплатим?» Вот до чего доходит. У нас коровы — каждая — дают до пяти тысяч килограммов молока. Но платит совхоз за них как за обычную корову, набавить цену ему мешают существующие расценки. И получается, что отвести на убой такую золотую корову выгоднее, чем продать совхозу... Значит, как сказано в постановлении ЦК партии, надо совершенствовать экономические межхозяйственные отношения.

Как хорошо я понимаю Сергея Ивановича! Пока, очевидно, еще слабы конкретные экономические связи между хозяйствами разной формы собственности. Такие связи только зарождаются на наших глазах. И мы свидетели великого процесса в живой жизни развитого социализма. Например, в Российской Федерации уже созданы несколько тысяч межхозяйственных объединений, предприятий и организаций. Однако в начальной стадии этого процесса возникает немало сложностей, связанных с устаревшими представлениями о взаимоотношениях между, допустим, колхозом и совхозом, решившими сегодня вести сообща обоюдовыгодное дело. Вот, например, надо бы прирезать колхозу «Заветы Ильича» земли от соседнего совхоза, чтобы мог обходиться колхозный комплекс своими кормами, как тому учит июньское постановление ЦК КПСС. Надо, но вопрос не решается, а лето в зените, и зима не за лесами...

Начало. Но и такое начало обнадеживает. На производство одного центнера привеса здесь теперь тратят вместо тридцати пяти часов только пятнадцать — восемнадцать. И специалисты видят: можно еще меньше! Себестоимость того же центнера привеса составила уже сейчас шестнадцать рублей вместо прежних двадцати пяти. Заработки колхозников в животноводстве резко поднялись и составляют в среднем до ста восьмидесяти рублей за месяц. Еще лучше выглядят все экономические показатели на откормочной площадке в деревне Лямцево — здесь устроили прекрасный «пансионат» для полутора тысяч телок.

Хорошее хозяйство. И еще дорого то, что здесь, в Домодедовском районе, в соответствии с предупреждением июньского постановления ЦК КПСС и, очевидно, благодаря истинно крестьянской мудрости избежали спешки, перепрыгивания через этапы и перегибов. Все сделано с умом, с учетом рекомендаций большой науки.

— А вы поимейте в виду название колхоза,— прощально и со значением улыбнулся Сергей Иванович.

Я это и имел в виду: «Заветы Ильича». Так называется хороший колхоз.

заметки экономиста

ЧТО КУПИМ ЗАВТРА?

В. ГОРЧАК,
начальник Роскульторга

Для сегодняшнего дня характерен очень быстро растущий спрос на товары культурно-бытового назначения. Еще одна красноречивая примета повышения благосостояния советских людей! Посудите сами. Киноаппарат или, скажем, магнитофон — это не первой необходимости вещи. До них «доходят руки», когда многое другое уже есть в доме. И если их быстро раскупают, значит, в семьях достаток. Вот несколько цифр: сейчас на каждые 100 семей приходится около 80 телевизоров, 96 радиоприемников и радиол. Год от года растет спрос на бытовую технику.

Да, спрос растет. Это верно. Но запросы покупателей ныне уже не подпадают под формулу «лишь бы приобрести». Покупают много, охотно, но прежде всего вещи наиболее современные, высокого качества, отменных потребительских достоинств. И обходят стороной изделия, которые еще вчера числились в ходовых, даже дефицитных, а теперь морально устарели.

Все это выдвигает свои требования прежде всего к промышленности. В частности, отмечается, что сроки обновления ассортимента ныне заметно сокращаются. Напомним, что с момента возникновения идеи о радиоприемнике до ее практической реализации потребовалось 35 лет, для телевизора этот срок составил 14, а для транзисторного радиоприемника — пять лет. По предположениям специалистов, через 10—12 лет на рынке будет около 80 процентов таких товаров, о которых сегодня покупатели едва ли догадываются.

Не только спрос диктует предложение, но и новинки активно формируют спрос. Видеомагнитофоны, многопрограммные громкоговорители, снегоходы — кто о них знал еще вчера? Кажется, совсем недавно появились стереомагнитофоны. А теперь уже о квадрофонии говорят, как о дне сегодняшнем, во всяком случае, близком. Специалисты уже заняты полифоническими приборами, которые, образно говоря, заставляют «звучать» стены помещения. Появляются электронные наручные часы и другие технически совершенные вещи.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» подчеркивается, что производство новых товаров культурно-бытового назначения будет и впредь расширяться. На XXV съезде партии шла речь о цветных и переносных телевизорах, радиоприемниках и радиолах высшего класса, видеомагнитофонах, кинофотоаппаратуре. Нет сомнения в том, что задания по выпуску этих вещей будут выполнены и на прилавках появится много новинок. Но потребуется немало усилий — и от промышленности и от торговли. Здесь есть проблемы, требующие решения.

Предприятие, осваивая новинку, вправе иметь гарантию того, что она будет пользоваться спросом. Там, где такой гарантии нет, там завод, располагая достаточными резервами для выпуска товаров народного потребления, все же использует их не полностью. В этом отношении ежегодные оптовые ярмарки, на которых промышленность делает свои предложения торговле, и должны бы стать тем оселком, на котором шлифуются взаимоотношения в цепочке «предприятие — магазин». Так оно и есть, но, увы, не в полной мере.

Случается, что мы даем заказ на улучшенные изделия, заявка наша вроде бы принимается, но выполнение ее идет со скрипом. То поставляемые товары лишь весьма отдаленно напоминают ярмарочный образец, то новинка просто не осваивается. Иногда это происходит и от отсутствия координации производств, особенно простейших изделий. Скажем, вчера детские сани в магазинах были нарасхват. Хорошая конструкция, удобная, надежная и вместе с тем простая. И вот сразу несколько предприятий берутся за производство саней. И вот уже ломятся от саней прилавки и склады. Они нужны, но не в таких количествах. Санями насыщен не только рынок. Забиты заводские склады. Предприятия реагируют быстро: прекращают выпуск саней. Причем делают это дружно. И вот вчерашнее изобилие сменяется дефицитом.

И еще проблема: качество и ассортимент. Сейчас не так уж много товаров культурно-бытового назначения имеет государственный Знак качества или высшую категорию качества. Например, некоторые модели велосипедов представляют собой копии образцов 1960—1965 годов — какое уж здесь качество! Особенно велики претензии покупателей к качеству велосипедов «В-21» Пензенского велозавода — единственного поставщика женских веломашин. И многие женщины стали приобретать... мужские дорожные велосипеды. Сейчас пятая часть всех проданных мужских велосипедов находится у женщин. Опять дефицит.

На одной из оптовых ярмарок товаров культурно-бытового назначения торгующие организации не решились закупить у промышленности товаров на сумму 23 миллиона рублей. Причина? Низкое качество изделий. 206 миллионов метров магнитной ленты для магнитофонов просто вернули предприятиям — не подходит по качеству. Не стали приобретать мы и некоторые авторучки — плохи. Послали в Министерство приборостроения ассортиментную заявку — просим хорошие авторучки, современные, качественные. Спрос-то на них велик.

Мне кажется, что механизм взаимоотношений между планирующими организациями и промышленностью не всегда четко работает. Вот, скажем, координируя производство культтоваров, необходимо бы учитывать, что недорогие изделия массового спроса, нередко изготовляемые из местного сырья, могут производиться почти в каждом экономическом районе, а некоторые — даже в каждой области. При этом надо лишь разумно регулировать число изготовителей. И следить за качеством продукции, за ее соответствием образцу.

Но к вещам длительного пользования, повышенной сложности и, естественно, более дорогим следует подходить иначе. Стоимость их даже при перевозке на дальние расстояния существенно не увеличивается. Производство сложных изделий целесообразно концентрировать на небольшом количестве заводов с тщательно отработанной технологией, высококвалифицированными коллективами. К сожалению, иногда крупным предприятиям с первоклассной техникой поручают производство простейших изделий. Неразумно это! К тому же местной промышленности легче решить и проблему кадров — она привлекает к работе пенсионеров, инвалидов, домашних хозяек.

Очень важно наладить деловое взаимодействие между ведомствами. Промышленность организовала выпуск кинокамер под пленку типа «Супер», а о производстве такой кинопленки своевременно не позаботились. Киноаппараты выпускались, а пленки в продаже долго не было. Увеличение выпуска фотоаппаратов требует соответствующих коррективов в производстве фотопленки, реактивов, фотобумаги. Сделан фотоаппарат «Фотон», но комплектов, позволяющих получать с его помощью моментальные снимки (для чего, собственно, и конструировался этот фотоаппарат), пока мало.

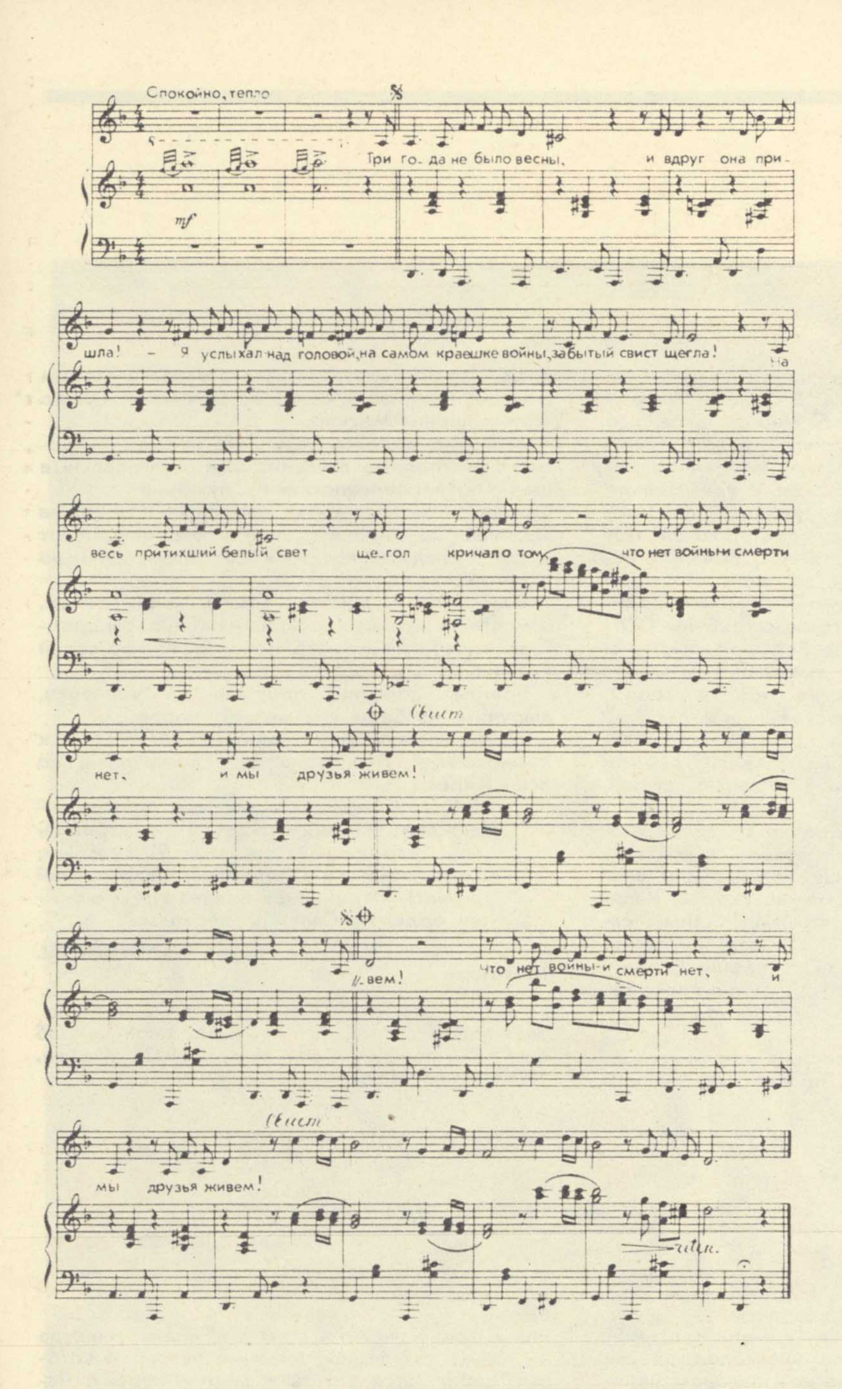
Еще раз повторяю: проблема расширения ассортимента товаров неразрывно связана с повышением их качества. Иначе говоря, увеличение срока службы тех или иных изделий эквивалентно строительству новых предприятий для их выпуска. Уже много лет торговля испытывает острый недостаток в пишущих машинках. Мы получаем едва пятую часть того, что заказываем. И все, что поступает с завода, сразу же попадает на прилавок. Но торговля вынуждена даже в условиях такого дефицита часть машинок возвращать на предприятие — для исправления явного или скрытого брака портативных пишущих машинок «Москва».

В планах нынешней пятилетки предусмотрены конкретные задания по улучшению качества культтоваров. В стандарты вводятся более прогрессивные показатели. Намечено заметно повысить надежность цветных телевизоров, улучшить характеристики стереофонических магнитофонов, радиоэлектронной аппаратуры. Во многие ГОСТы стали закладываться опережающие показатели — требования завтрашнего дня. Таким образом, предприятия имеют возможность загодя вести подготовку к выпуску продукции более высокого качества. Вот, например, в действующий стандарт на телевизоры включаются характеристики, которые пока еще не достигнуты промышленностью. Но зато телезаводы знают, что им предстоит сделать, имеют возможность заблаговременно разработать нужную технологию, приобрести оборудование.

Еще один вопрос. О возможности стыковки новой вещи с ранее приобретенной. Стало обычным: вслед за радиоприемником приобретаются магнитофон и другие звучащие аппараты. Но ведь не всякая квартира вместит такой, все полнящийся набор. Да и дорого это. Полагаю, что следует идти иным путем. Промышленности надо подумать о производстве унифицированной, как мы ее называем, «блочной», радиоаппаратуры. Что это такое? Вы купили радиоприемник с акустической системой и знаете, что следующая покупка — это не магнитофон, а всего лишь магнитофонная приставка. Она просто подключается к усилителю радиоприемника. Так, со сравнительно небольшими затратами, постепенно можно приобрести полный комплект радиоаппаратуры, которая состыковывается, составляет одно целое с основным прибором, имеющим хорошую акустическую систему.

* * *

Рынок товаров культурно-бытового назначения в ближайшее время будет пополняться многими новинками. Позаботиться об их высоком качестве, подлинной новизне — забота промышленности и торговли.

ЩЕГОЛ

Стихи Михаила ТАНИЧА
Музыка Вадима ГАМАЛИЯ

Три года не было весны,
И вдруг она пришла!
Я услыхал над головой
На самом краешке войны
Забытый свист щегла!

На весь притихший
Белый свет
Щегол кричал о том,
Что нет войны,
И смерти нет,
И мы, друзья,
Живем!

Мы, как могли, накрыли стол,
Мы были влюблены
В щегла, друг в друга,
В тишину!
А говорят: один щегол
Не делает весны!

Я вспоминаю эти дни
И песенку щегла!
Он посвистел и улетел:
Его, щегла, не мы одни —
Вся Армия ждала!

На весь притихший
Белый свет
Щегол кричал о том,
Что нет войны,
И смерти нет,
И мы, друзья,
Живем!

Дорогая редакция!

Недавно я узнал, что в журнале «Огонек» (№ 43, 1975 г.) было опубликовано мое письмо. Запомнился мне подзаголовок «Запоздалое прозрение» (очерк писателя Ц. Солодаря). Страницу из журнала с напечатанным моим письмом прислали мне друзья из родного Киева. Как же обрадовал меня «Огонек»!

Я совершил ошибку. Очень терзаю себя за свой необдуманный шаг, за то, что дал себя обмануть проклятым сионистам.

Дорогая редакция журнала «Огонек», очень прошу отнестись к моему горю внимательно, по-человечески и принять участие в моем возвращении на настоящую Родину — в Советский Союз. Помогите снова увидеть улицы родного Киева, увидеть свою семью, близких и друзей, товарищей, услышать родную речь.

Коротко о себе. Я рабочий, простой человек. В годы Великой Отечественной войны воевал с фашизмом. Был тяжело ранен. Имел правительственные награды. По недомыслию я поехал в Израиль. С первого дня в Израиле я понял: попал в страшную ловушку к сионистам, они обманули меня, затянув в этот омут, в проклятый Израиль. Бывшие советские люди здесь самая дешевая рабочая сила и пушечное мясо. Вы не представляете себе, к каким человеконенавистникам мы попали! Величайший обман, афера, подлость! Каюсь и проклинаю день, когда я вступил на землю Израиля. Покинув Израиль, я после своих скитаний очутился в США — в Далласе. В поисках работы приехал в Нью-Йорк. Здесь мир доллара, где не человек, а деньги, деньги прежде всего. Очутился я в мире гобсеков, хищников, стяжателей, необщительных, злых и удивительно замкнутых мещан. Да ведь тут целый паноптикум уродов, жестоких эксплуататоров! Не могу простить себе, как же я мог, бывалый человек, солдат в прошлом, так легкомысленно поступить — покинуть такую чудесную Родину — Советский Союз! Я готов с трибуны ООН громко заявить, что самое большое счастье и богатство в мире — быть гражданином СССР! Я успел побывать во многих городах Европы, США и хочу громко, во всеуслышание сказать: лучше Советского Союза нет страны. Советские люди — самые лучшие и самые добрые в мире. Самые человечные, богатые душой, всегда помогут друг другу.

Дорогая редакция! Подробно о себе я рассказал в моем заявлении в советское консульство в Вашингтоне. Прошу помочь мне возвратиться на Родину как можно скорее. Капиталистический мир хуже тюрьмы. Честным, самоотверженным трудом обещаю искупить свою вину перед Родиной. Я прошу Родину-мать простить меня и спасти меня, пропаду в этом загнивающем, в этом ужасном капиталистическом омуте.

Многие из бывших советских людей, совершив ошибку и покинув прекрасную Родину, очень хотят возвратиться домой к своим семьям, братьям и сестрам. Они нетерпеливо ждут решения Москвы.

— Борис, дорогой, напишите и о нас,— просят меня полные отчаяния, многострадальные люди после пережитого на чужбине.

Хочу поблагодарить редакцию журнала «Огонек» за опубликование моего письма, от души благодарю писателя Солодаря, не знаю его отчества.

Одинокий, вдали от Родины, своей семьи, я места не нахожу здесь, на чужбине. Вы представить себе не можете, как я тоскую по своей Родине!

Братцы, дорогие, простите за волнение, выручите из беды как можно скорее.

Да здравствует СССР, движущийся вперед, к коммунизму! Да здравствует коммунизм во всем мире!

С глубоким уважением к Вам и надеждой бывший солдат 417-й стрелковой гвардейской дивизии, 51-й армии, 76-го полка (Четвертый Украинский фронт), награжден в Отечественную войну орденом Славы и медалями

Борис БОЛОТНИКОВ.

Нью-Йорк

Мой адрес: Boris Bolotnikov, 45 East, 55 str. New-York, N. Y. 10022. Winslow. Hotel, Room 1402.

Работаю я на Биробиджанской ордена Трудового Красного Знамени трикотажной фабрике коммунистического труда в должности помощника мастера вязального цеха. Я прочел статью советского журналиста Цезаря Солодаря «Бывшие». В ней шла речь о бывших гражданах Советского Союза еврейской национальности, пожелавших уехать в Израиль. Эта статья и по сей день не дает мне покоя. Она вновь и вновь заставляет меня мучительно раздумывать над одним и тем же вопросом. Почему они уехали в другую страну? Я далеко не молод, мысленно, как в кино, заставляю свою память прокручивать до мельчайших подробностей ленту событий, фактов, памятных дат на моей дороге жизни. В который раз сам себе задаю один и тот же вопрос: Вениамин Абрамович Карлин, скажите, пожалуйста, кем бы вы были, если б не было Советской власти? Мой дед, забитый и задавленный нуждой, был шапошником, кустарем-одиночкой. При встрече с городовым терял дар речи, дрожал от страха и молил бога только об одном — как живым и невредимым вернуться домой. Отец мой, Абрам Яковлевич, влачил нищенское, тяжкое существование кустаря-одиночки. Был он, как и дед, шапошником, так бы им и остался. Но произошло в жизни нашего народа великое событие. На одной шестой части нашей планеты тьма уступила рассвету. Октябрьская революция дала свободу всем в нашей стране, в том числе и еврейскому народу.

Моя Родина, Союз Советских Социалистических Республик, дала мне все: право на свободную жизнь, на труд, на отдых, на образование. Право видеть над собой чистое, синее небо, спокойно спать ночью.

Что у меня есть? А есть у меня все: мой родной город Биробиджан. Он молод, красив и великолепен в своем летнем зеленом наряде, с каждым годом он все более хорошеет и благоустраивается. В нем прошла вся моя жизнь. Здесь я живу почти сорок лет. Есть у меня моя родная улица Ленина, на которой я живу, мой дом, любимая жена, прекрасные сыновья, в которых я души не чаю. В них вложена моя жизнь, в них моя радость, моя надежда, мое будущее.

Но главная моя радость, в чем я нахожу смысл всей своей жизни,— это труд, который мне по душе. Мой родной коллектив, где я на равных со всеми,— это моя вторая семья, а фабрика — это мой второй дом. На фабрике, в родном коллективе, я давно уже занял свое место и по праву и по долгу. Я могу высказывать критические замечания в адрес нашего директора, я могу быть согласен и не согласен с ним. Кто дал мне такое право? Да все она, моя Советская власть, моя Родина. Где, в какой другой стране, где правит капитал, вы это видели?

Итак, что у меня есть? У меня есть все, а главное, у меня есть Родина, моя Родина.

Несколько раз я видел в киножурналах и по телевидению исповедь «бывших», хлебнувших вдоволь райской жизни на «земле обетованной».

Видел, как прибывшие «оттуда» евреи, сойдя с поезда, падали на колени и целовали со слезами на глазах седые камни своей Родины. Когда я глядел на них, у меня на мгновение вспыхнуло чувство жалости к этим людям, но только на одно мгновение. Оно уступило другому чувству — чувству брезгливости и презрения к ним. Я не могу понять и, видно, никогда не пойму тех людей, которые уехали и которые собираются уехать в другую страну. Частенько «бывшие», оправдывая свою совесть, говорят, что их сбила с толку сионистская пропаганда. Лично я не могу этому до конца поверить.

Как же так? Ведь ты вырос на земле своей Родины. Она тебя, как нежная, любящая мать, вырастила, воспитала, дала тебе буквально все, открыла перед тобой все двери, а ты... Ведь, кроме пропаганды сионистской, есть еще наша советская повседневная действительность. Наконец, есть еще и своя голова на плечах. Многие из «бывших» проливают реки слез, они проклинают тот день и час, когда решились оставить свою Родину, изменив ей в душе своей. Можно убежать от своей Родины, можно убежать даже на край света, но от своей совести никуда не убежишь. Она будет тебя преследовать всю жизнь. Всю жизнь в глазах своих детей и внуков вы будете читать немой укор своей совести.

Наше Советское государство гуманное. Некоторым оно разрешает вернуться обратно домой, на Родину. Будь моя воля — никогда, никому не разрешил бы возвратиться обратно, коль посмел ты ей изменить.

Лично я крепко стою на своей дороге жизни и с нее никогда не сверну. Потому что она у меня прямая, светлая и широкая. Покуда я жив, я буду шагать по ней навстречу солнцу, звездам. Имя этой дороги жизни — Родина. Это моя Родина, Родина Ленина, Родина Октября.

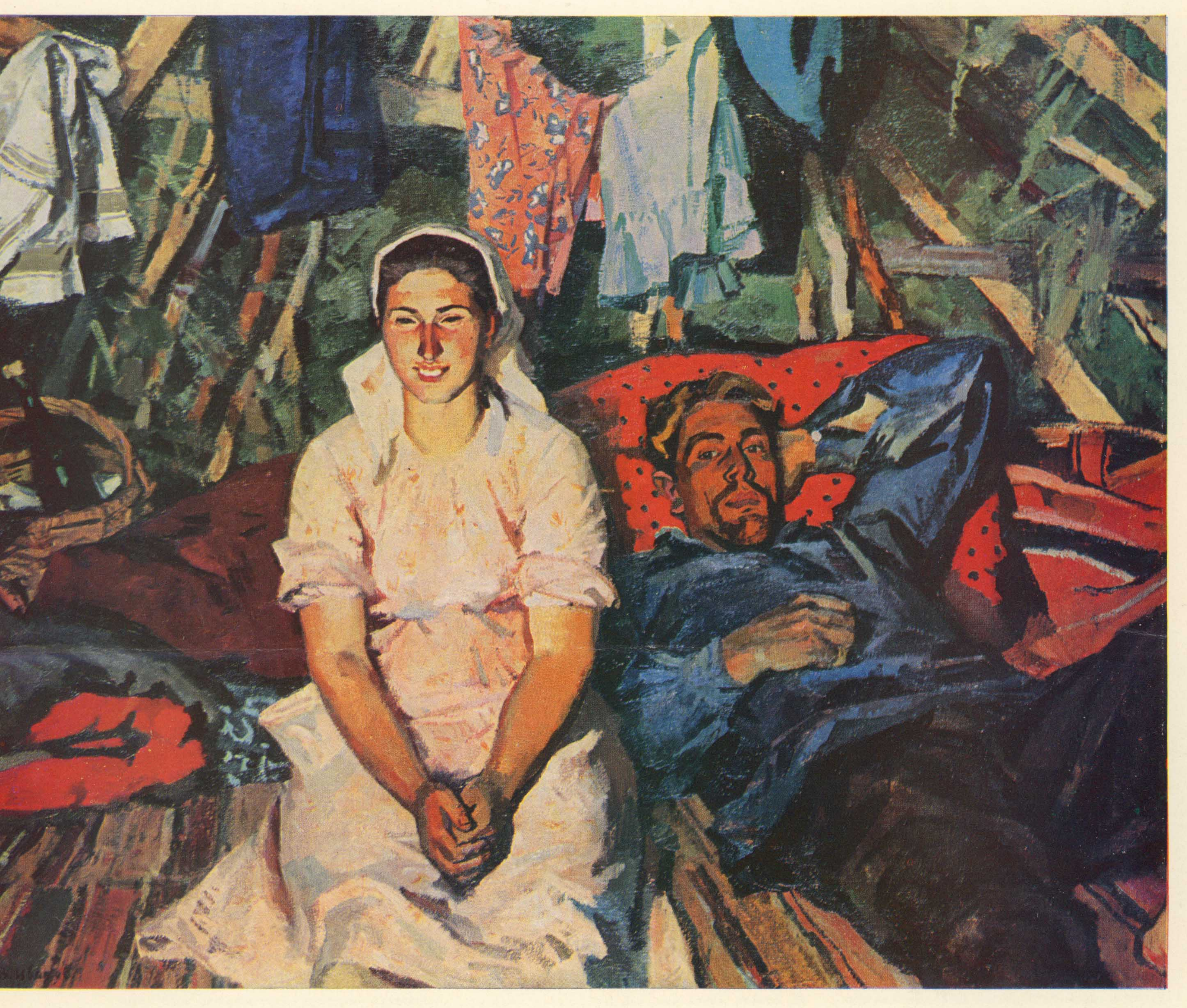
В. А. КАРЛИН

г. Биробиджан.

В. Иванов. РЯЗАНСКИЕ ЛУГА. Из серии «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ». 1962—1967.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Иванов. НА ПОКОСЕ. В ШАЛАШЕ. 1961.

Государственный Русский музей.

МЕКСИКАНСКИЙ ДНЕВНИК

А. СОФРОНОВ

ДОРОГА В НЬЮ-ЙОРК

Честно говоря, несмотря на приглашение мексиканского Оргкомитета по проведению очередного, 40-го по счету конгресса АИПС (Международной ассоциации спортивной прессы), сообщившего в приглашении о разнообразной завлекательной программе пребывания в Мексике для участников конгресса, я не собирался лететь в Мехико. Как всегда, в Москве много работы, что-то недоделано, что-то требует твоего присутствия. Дела журнальные, дела театральные... Если еще прибавить к тому, что до Мехико не очень близкий путь — часов пятнадцать чистого лету, пересадка в Нью-Йорке,— как-то отойдет на второй план желание еще раз увидеть Мексику, где побывал впервые почти восемь лет назад, на XIX Олимпийских играх. Конечно, в памяти осталась гостеприимная столица Мехико и мексиканцы, постаравшиеся превратить предельно острые соревнования, отягощенные для спортсменов большой высотой (Мехико расположен над уровнем моря более чем на 2400 метров),— превратить эти игры в яркий праздник песен и танцев.

Сейчас же в Мехико должно было состояться заседание исполкома АИПС, первым вице-президентом которого является главный редактор газеты «Советский спорт» Н. С. Киселев. Но случилось так, что Киселеву невозможно было отправиться в Мехико. Предстояло лететь мне и ответственному секретарю нашей федерации Альберту Лейкину.

В эти дни на имя Киселева из Лондона, от президента АИПС — спортивного обозревателя газеты «Дейли миррор» Фрэнка Тейлора, пришло письмо. Впрочем, не само письмо, а копия письма, адресованного радиостанции «Свободная Европа» и Международному олимпийскому комитету (МОК). Содержание письма, его двойной смысл, явное пристрастие к так называемой радиостанции «Свободная Европа» не вязались с представлением о Фрэнке Тейлоре, казавшемся нам честным и порядочным. Встречаясь в Москве, на конгрессах в Малаге и Дублине, он уверял, что спорт должен быть вне политики. Осенью прошлого года, открывая в Москве на ВДНХ Международную выставку «Спорт — посол мира», он снова повторил это утверждение. Но вот это послание, разосланное для информации членам исполкома АИПС, поколебало представление о главе АИПС как человеке, стоящем вне политики. Для того чтобы не быть голословным, я воспроизвожу его с небольшими сокращениями. Надеюсь, читатели заметят, в какую сторону клонятся пристрастия автора этого далеко не спортивного сочинения.

«Думаю, что вы слышали о споре, возникшем на зимних Олимпийских играх в Инсбруке, когда представителям группы радиостанции «Свободная Европа» без предупреждения и объяснения было предложено сдать в Оргкомитет аккредитационные удостоверения.

Совершенно ясно, что любая попытка ограничить права прессы подлежит рассмотрению в АИПС. Очень скоро мне стало ясно, что ряд лиц подошли таким образом к решению этой проблемы из-за предрассудков и ограниченности. Каждый человек имеет право на собственное мнение. Но когда кто-либо теряет голову, здравый смысл улетучивается, как дым.

Первым правилом журналистики является достижение истины путем сопоставления фактов.

Думаю, что нет никаких сомнений в том, что проблема радиостанции «Свободная Европа» (эта проблема не является новой) оплетена сетью интриг и заблуждений, которые дополнены массой догадок и преднамеренных комментариев. Давайте изучим факты, которые стали мне известны.

Когда я услышал от генерального секретаря ассоциации спортивной прессы ФРГ Бауэра о том, что представителям радиостанции «Свободная Европа» предложено возвратить их аккредитационные удостоверения, мы оба долго беседовали с руководителем группы представителей этой радиостанции Ином Макдональдом (он британский журналист). Случилось так, что я около 20 лет знаком с Макдональдом, и поэтому мы довольно быстро добрались до сути проблемы.

По словам Макдональда, радиостанция «Свободная Европа» обратилась за аккредитацией на Олимпийских играх в Инсбруке и получила ее. Она сделала это через Олимпийский комитет ФРГ, и ее представителям были выданы аккредитационные удостоверения.

Генеральный секретарь Олимпийского комитета ФРГ Вальтер Троггер придерживается другого мнения. Он согласился с тем, что радиостанция «Свободная Европа» обращалась за аккредитацией для своих представителей, и по этому поводу было немало споров. Однако, по словам Троггера, Олимпийский комитет ФРГ не подтверждал официально аккредитации их, не подписывал и не ставил на них своих печатей. Когда я спросил мистера Троггера, сможет ли он сейчас подписать аккредитационные удостоверения и поставить на них печать, он отказался это сделать, сказав, что сейчас любое решение по этому вопросу может быть принято только МОК или Оргкомитетом.

Олимпийский комитет США и Оргкомитет также отказались дать свои официальные санкции, и в течение многих часов переговоров проявились три темных пятна, которые нельзя отмыть и игнорировать.

Во-первых, удостоверения представителей радиостанции «Свободная Европа» не были официально подписаны ни Олимпийским комитетом ФРГ, ни Оргкомитетом, и никто не мог (или не захотел) разъяснить, каким путем эти удостоверения были выданы.

Во-вторых, я все же выяснил, что все заявки на аккредитацию для представителей радиостанции «Свободная Европа» в прошлом должны были направляться через Олимпийский комитет США, так как предполагалось, что это американская станция, действующая на территории ФРГ.

И, в-третьих, я, к удивлению, узнал, что представители радиостанции «Свободная Европа» получили аккредитации на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене после того, как они дали твердое обещание не брать интервью ни у одного участника Игр из стран Восточной Европы.

Я не знаю, как это получилось, но уверен, что в этом виновен пробел в Уставе АИПС. И когда я услышал, что радиостанция «Свободная Европа» намеревалась обсудить подобное ограничение в Инсбруке в обмен на предоставление аккредитации, то сказал Макдональду, что ни при каких обстоятельствах мы не можем поддержать какое-либо ограничение подобного рода. Я сказал ему: что бы ни происходило в прошлом, мы в АИПС не согласимся на пресс-аккредитацию, обуславливаемую подобным ограничительным соглашением, которое явно запрещает группе журналистов проводить интервью с определенной категорией или секцией спортсменов. Если радиостанция «Свободная Европа» была бы готова принять такое условие, то это не только бы ослабило их позицию, но и позиции всей прессы.

С моей точки зрения, если представители радиостанции «Свободная Европа» или любая другая группа журналистов радио или прессы должна получать аккредитацию для освещения Олимпийских игр, то она должна быть дана без каких-либо ограничений.

В своем письме Макдональд поблагодарил Бауэра и меня за нашу помощь и совет в попытке решить проблему, и, как вы знаете, представители радиостанции «Свободная Европа» сдали свои удостоверения.

Но вопрос не остался закрытым. Я поддерживал контакт с Макдональдом, который сообщил мне, что они подали заявки на девять аккредитаций при пресс-центре Олимпийских игр в Монреале. Это было сделано через их Вашингтонское бюро в Олимпийский комитет США, который и является тем органом, где надо решать вопрос. Мне также сообщили, что весь вопрос о статусе радиостанции «Свободная Европа» или другой подобной радиостанции подлежит обсуждению в МОК и пресс-комиссии МОК.

Как я уже сказал, существует немало домыслов по этой проблеме. По моему мнению, журналисты, работающие на радио и в телевидении, должны иметь такие же права, как и пишущие журналисты, их коллеги. Их фамилии и профессиональная принадлежность должны быть зарегистрированы в соответствующем НОКе[1] и подтверждены национальной ассоциацией спортивных журналистов.

...Я уже сообщил об этом своем мнении в МОК, лорду Килланину, и на радиостанцию «Свободная Европа». Если их аккредитуют в Монреаль, то аккредитация должна быть полной, без оговорок. К ним должно быть такое же отношение, как и к другим».

Конечно, каждый человек имеет право на собственное мнение. Имеем его и мы. Если говорить коротко, оно сводится к весьма простому смыслу. Так называемая «Свободная Европа», финансируемая, как известно, ЦРУ, находится на чужой для нее земле ФРГ и, конечно же, никакой национальной организации не представляет.

Предчувствуя, что одной рассылкой письма членам исполкома дело не обойдется и что на заседании исполкома АИПС в Мехико вопрос возникнет снова, я сунул перевод письма в карман и стал готовиться к отлету в Мексику. Но поскольку предстояла остановка в Нью-Йорке, испытывая двойственное отношение к «городу желтого дьявола», в котором в последний раз я побывал в мае 1974 года, я решил пополнить запас знаний о том, что происходит с Нью-Йорком в настоящее время. В нашей печати появлялись сообщения о финансовом крахе в бюджете Нью-Йорка. Как-то даже не верилось, что этот город может оказаться в таком положении. Но появившиеся в нашей прессе сообщения были справедливы. В этом я убедился, познакомившись со статьей «Как спасти Нью-Йорк?» Фрэнсиса Клайнса в «Нью-Йорк таймс», и со статьей в «Тайме», опубликованной в конце прошлого года. Основой первой статьи послужило выступление мэра Нью-Йорка Абрахама Бима на завтраке в Национальном клубе печати. Клайнс писал:

[1] Национальный олимпийский комитет.

«Детально разбирая и отвергая аргументы Форда против федеральной поддержки способности города делать новые займы, Бим заявил на завтраке в Национальном клубе печати: «Тот факт, что крупнейший город Америки подвергается унижению и становится нищим, не способствует укреплению экономического положения и морального духа нации. Я не могу себе представить, чтобы какой-либо другой глава государства отказал в помощи первому городу своей страны или же в качестве наглядного примера наказал его жителей».

...Какая бы судьба ни ожидала Нью-Йорк, заявил мэр, трагедия нашей страны еще более усилится, если наше национальное руководство будет обманывать себя, считая, что принесение нашего города в жертву утихомирит демонов, терзающих американские города.

...Форд отказался удовлетворить запрос городских властей о гарантиях федерального правительства по планам многомиллиардных займов, сказал Бим, всего через несколько месяцев после того, как он стремился получить миллиард долларов на прямую чрезвычайную помощь обреченному правительству Южного Вьетнама.

«...Как он может объяснить миллионам американцев, которые живут в Нью-Йорке, почему он не выступает с таким же беспокойством в защиту их города?» — спросил Бим, оторвавшись от своей речи, над которой его помощники работали не один день и которая по пунктам отвечала на высказывания Форда.

Бим упомянул увольнения, которые, по последним данным, распространились на 35 тысяч человек, замораживание цен, увеличение стоимости проезда в городском транспорте и другие меры экономии, уже принятые для того, чтобы сбалансировать городской бюджет».

Статья в «Тайме» продолжала ту же тему.

«Человека, прибывающего в Нью-Йорк, поражает его безграничное богатство: величественные небоскребы, смело вонзающиеся в небо, огромные океанские суда в его порту, дорогие лимузины, которые стремительно мчатся по широким улицам, элегантные люди на Уолл-стрит, Пятой авеню и других магистралях, окаймленных многоэтажными домами. Эти признаки зажиточности и богатства символизируют положение города, являющегося столицей американских финансов и коммерции. Тем более невероятным представляется банкротство муниципалитета Нью-Йорка.

И вот теперь стало ясно, что если Нью-Йорк не получит помощи в той или иной форме, то к рождеству, а может быть, еще раньше он объявит о своей несостоятельности, а это значит, что муниципалитету придется просить об отсрочке уплаты по векселям и погашения облигаций. Банкир Феликс Рохатин, председатель Корпорации муниципальной помощи (КМП), заявил: «Плотина разваливается, и у нас не хватает пальцев, чтобы затыкать дыры». Губернатор штата Нью-Йорк Х. Кэри заявил: «Мы сделали все, что от нас зависит, чтобы помочь городу Нью-Йорку. Ресурсы штата истощены».

Может быть, с конца прошлого года к началу этого произошло улучшение? Нет, что-то не получается. 23 февраля в журнале «Ньюсуик» опубликована статья уже целого коллектива авторов (трех!) «Бюджетный дефицит Нью-Йорка растет».

Дадим же слово коллективу нью-йоркских журналистов.

«Мы совершили подвиг, достойный Геркулеса»,— сказал председатель муниципальной корпорации помощи Феликс Рохатин в беседе с журналистом, которая происходила в его кабинете в Нью-Йорке. «Разработан план, рассчитанный на три года, и хотя над нами уже не висит дамоклов меч в том смысле, что за невзнос платежей в определенный срок нам грозит банкротство, кризис по-прежнему существует».

Оспаривать это фактически невозможно. Не прошло и четырех месяцев после разработки финансового плана спасения нью-йоркского муниципалитета, как уже создалось впечатление, что он разваливается. Муниципалитет не выполняет разработанный им самим график сокращения городского бюджета, а между тем новые цифры свидетельствуют, что дефицит намного превысил все ожидания. Что гораздо хуже, судьба города в ближайшем будущем зависит от получения широкой финансовой помощи от Олбани, а штат Нью-Йорк, скованный, как кандалами, своими обязательствами в отношении нью-йоркского муниципалитета, должен изыскать четыре с лишним миллиарда долларов на фондовой бирже, где любая муниципальная облигация, на которой стоит название Нью-Йорка, вызывает насмешку.

Мэр Нью-Йорка Абрахам Бим сообщил эти дурные новости Чрезвычайному управлению финансового контроля, созданному штатом для контроля над финансовым положением нью-йоркского муниципалитета. В результате пересмотра выяснилось, что к 1978 году дефицит муниципального бюджета, который раньше определялся в 724 миллиона долларов, возрастет на 297 миллионов долларов.

«Пусть муниципалитет не рассчитывает на то, что явится добрый Дед Мороз и спасет его,— сказал Кеннет Аксельсон, которого Бим назначил своим заместителем по финансовой части.— Решение напрашивается само собой: нужны не паллиативы, а серьезная хирургическая операция».

Между тем «больной» уже очень ослабел. За последние семь месяцев платежная ведомость нью-йоркского муниципалитета была уменьшена на 32 168 человек, или на 11,3 процента. И это не замедлило отразиться на муниципальных службах. Мусорщики теперь реже убирают мусор, а число городских больниц с 18 уменьшилось до 14. Как рассказывает один из руководителей профсоюза муниципальных служащих, принято решение сократить число бригад, обслуживающих водопроводную сеть в ночные часы, до одной на район. Если в эти часы где-то произойдет авария водопровода и в то же время вспыхнут сразу два пожара, бригада не будет знать, что ей делать: то ли ремонтировать водопровод, то ли помогать пожарникам регулировать давление воды. Сокращение штата муниципальных служащих и перспективы увеличения налогов ускорили бегство из Нью-Йорка домовладельцев и предпринимателей, что приводит к дальнейшей эрозии налоговой базы муниципалитета.

Что касается города Нью-Йорка, перед ним открываются унылые перспективы. Если город хочет продать хоть какое-то количество своих облигаций в течение этого десятилетия, ему нужно будет к середине 1978 года сбалансировать свой бюджет. Судя по новым цифрам, оглашенным Эйбом Бимом, это предполагается сделать за счет дальнейшего сокращения штатов и бюджета. Для жителей Нью-Йорка это означает, что в будущем им придется довольствоваться еще меньшим, чем сейчас».

Читая все это, невольно думалось о том, что вот сюда бы и обратить внимание так называемой «Свободной Европе», рьяно клевещущей на социалистические страны. Уж не на нее ли и подобные ей «станции» используется федеральный бюджет США, из-за чего невозможно оказать «материальную помощь» такому городу, каким является Нью-Йорк?

И уже после возвращения из Мексики мы прочли в газете «Дейли уорлд» от 1 июня сообщения, совпадающие со статьями в газетах, которые меньше всего можно заподозрить в единомыслии с газетой американских коммунистов. «Дейли уорлд» писала:

«Диктатура банкиров медленно ведет к распаду Нью-Йорка. Так называемое «решение», навязанное ньюйоркцам, оказалось еще одним ловким трюком, который несет обогащение банкирам и катастрофу жителям Нью-Йорка.

«Победа» закона о государственном займе оказалась средством, которое позволило банкирам ограбить народные массы. Это была вероломная сделка, благодаря которой банки получили то, чего они хотели, а город, связанный по рукам и ногам чрезвычайным финансовым контрольным советом, был осужден на медленную смерть.

Заработная плата рабочих и служащих в городе заморожена, контракты с профсоюзами аннулированы, жителям отказывают в правах человека.

49 детским садам пришлось закрыться из-за отсутствия средств, помимо 28 детских садов, закрытых 31 декабря.

Если говорить о людях, то за это пришлось заплатить огромную цену. Матери, которые сейчас имеют работу, будут вынуждены просить пособие. Ряды безработных пополнят 1500 «временно уволенных» сотрудников детских садов; сотрудники больниц останутся без работы, и 3500 детей станут новыми жертвами жестокого заговора банкиров против народа.

Несмотря на кризис в области здравоохранения, готовятся планы, которые предусматривают закрытие еще 30 больниц. Совет по делам просвещения уже уволил в прошлом году 21 800 служащих, в том числе по крайней мере 11800 учителей. Сейчас создается впечатление, что еще 6000 педагогов будут уволены нынешней осенью. Между тем 12 000 преподавателей Нью-Йоркского университета остаются без жалованья на этой неделе».

Читая все это, с грустью думал я и о Фрэнке Тейлоре, как говорят, неплохом спортивном репортере, на которого, видимо, повлияли какие-то другие, далеко отстоящие от спорта причины, в силу которых он засел за весьма трудное для него дело сочинения туманно написанных писем, в которых что-то умалчивается, а что-то проговаривается, но на всякий случай остаются все же и лазейки для обращения к «здравому смыслу».

Ну что ж, посмотрим, какой он будет, «здравый смысл», в Мехико на заседании АИПС и на заседании конгресса спортивных журналистов мира!

С этими мыслями мы, член бюро оргкомитета «Олимпиада-80» Вячеслав Шевченко, Альберт Лейкин и я, отправились в Шереметьево. Вместе с нами для товарищеских встреч в США летела наша женская баскетбольная команда. Руководитель этой спортивной группы, председатель Латвийского комитета по физкультуре и спорту Рихард Элсберг сказал нам:

— Это должны быть очень полезные встречи перед Олимпийскими играми в Монреале и для нас и для американских баскетболисток.

— С каким настроением летите?

— В основном выигрывать.

— Пусть будет почаще это «в основном».

— Постараемся.

...Через четыре часа самолет приземлился в ирландском аэропорту Шаннон. Пассажиров выпустили в большой, торговый, беспошлинный зал, в центре которого возвышалась стойка бара. На высоких стульях, расстегнув вороты мундиров, сидело несколько полицейских, лениво потягивая пиво. Впрочем, их было не несколько, а довольно много. Мы подошли к стойке.

Шевченко спросил одного из них:

— Почему здесь так много полиции?

— Отдыхаем,— неопределенно ответил полицейский.

— От чего?

— Мало ли от чего может отдыхать полиция...

В это время радио сообщило о посадке на самолет. Через семь часов должен был быть Нью-Йорк. Два года назад вместе с делегацией Аэрофлота, возглавляемой генерал-лейтенантом А. Н. Катричем, мы вот так же летели в США пробным рейсом в Вашингтон. Это была короткая, но памятная поездка. Три дня в Вашингтоне, три — в Нью-Йорке. Именно тогда как-то хорошо запомнился глава отделения Аэрофлота на американском континенте Иван Федорович Штефан. Запомнился отзывчивостью, желанием помочь каждому из членов делегации. Поездка была не из легких, но как-то спокойно мы чувствовали себя не только в Вашингтоне, но и в Нью-Йорке, городе, который, кажется, всегда приберегает при встречах не самые лучшие подарки.

Несколько лет назад после очередной встречи с Нью-Йорком у меня родились строчки:

...А ты идешь,
идешь
по улицам Нью-Йорка.
Бродвей.
Манхэттен.
Тьма.
Водоворот.
И кажется, что следом
кто-то зорко
Прицел винтовки за тобой ведет.

Теперь, разговорившись с возвращавшимся в Нью-Йорк Иваном Штефаном, я задал ему вопрос:

— Неужели и в самом деле недавно злоумышленники пытались взорвать контору Аэрофлота?

— Да, конечно...

— А вы где были в это время?

— На втором этаже. Особенно сильно пострадала контора чехословацкой авиакомпании. Наши конторы — стена к стене.

— Кто же это все устроил?

— Сионисты.

— А что им надо от Аэрофлота?

— А кто их знает, что им надо.

— А полиция?

Штефан пожал плечами:

— Или не могут управлять порядком... Или не хотят... Может быть, уже и не могут.

— Это нью-йоркская-то полиция не может?!

— Их тоже бьют и стреляют... Скорей всего причина — предвыборная кампания.

— А Аэрофлот при чем?

Штефан снова пожал плечами:

— Кто знает... Сейчас все покупают оружие для самообороны.

И как было не вспомнить статью в мартовском номере «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» «Вчерашний «бум рождаемости» — переполненные тюрьмы сегодня». В ней сообщалось:

«Тюрьмы по всей стране опасно переполнены в результате неожиданного притока заключенных. «Проблема приобретает ошеломляющий размах»,— говорит Горман Карлсон, директор федерального бюро тюрем. «И положение еще более ухудшится прежде, чем можно будет ожидать какого-то улучшения».

Переполнением тюрем объясняют недавние волнения среди заключенных в штатах Мэн, Теннесси, а также в городе Нью-Йорк. Наверняка произойдут новые беспорядки, и, может быть, с человеческими жертвами, если что-то не будет предпринято, предупреждает Джон Флэнэгэн, профессор Висконсинского университета, который изучает проблему содержания заключенных в тюрьмах.

«Мы столкнемся с новыми Аттиками,— говорит он, имея в виду мятеж в Аттике, тюрьме штата Нью-Йорк, в 1971 году, во время которого было убито 43 человека — заключенных и охранников.— В лучшем случае произойдет поножовщина между заключенными».

Д. Флэнагэн считает, что официальные лица, ведающие тюрьмами, не учли следующих факторов:

— Растущая поддержка жесткой линии в отношении преступников привела к вынесению по некоторым преступлениям не подлежащих обжалованию приговоров, к увеличению числа людей, отправляемых в тюрьмы, и к увеличению сроков тюремного заключения.

— Высокий уровень безработицы толкнул большее, чем обычно, число людей на преступления с целью добыть средства к существованию.

— Инфляция увеличила выраженный в долларах размер многих краж, которые в прежних ценах могли бы сойти за «мелкие», а теперь превратились в «крупное хищение», то есть стали преступлением, влекущим за собой тюремное заключение».

...Кончался седьмой час полета над Атлантическим океаном. Я посмотрел на часы. На них было 10.30 вечера по московскому времени. Здесь ярко светило солнце. Восемь часов разницы между Москвой и Нью-Йорком. Штефан попросил горячего молока. Он вылетел из Москвы простуженным. Постепенно небосклон начал темнеть. Вскоре показались остро вдающиеся в океан очертания материка. Серая кромка прибоя. Аккуратные полоски небольших аэродромов. Тусклые огоньки коттеджей. Загрохотали выпускаемые шасси нашего ИЛ-62. На темно-багряном небе четко очерченные профили небоскребов... Самолет плавно побежал по дорожке.

Наверно, оттого, что с нами был Штефан, на этот раз мы быстро миновали паспортный контроль и таможню и вскоре очутились в машине Ивана Федоровича.

— Я отвезу вас в отель «Сеймур». Он расположен рядом с нашей конторой. Это вполне приличный отель.

И мы помчались по вечернему Нью-Йорку. Мимо мелькала реклама. Сложное переплетение дорожных виадуков. Гулкая набережная Гудзона. Какие-то улицы, переулки... И вдруг, чуть притормозив, Штефан сказал:

— Вот и наша контора.

Возле тротуара, мигая синим огоньком, стояла полицейская машина. В ней было три полицейских.

— Что, так и дежурят все время возле вас?

— Да!.. Круглосуточно... По нашей просьбе... После последнего взрыва.

— Последнего? А вы что, еще ожидаете?

— Мы ничего не ожидаем, но, знаете...

Машина остановилась около отеля. Оставив чемоданы в номерах и пожелав Ивану Федоровичу скорейшего выздоровления, мы отправились к нашим друзьям.

ДЕНЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

В этот же вечер мы отыскали нашего доброго знакомого Геннадия Серебрякова, с которым раньше встречались здесь, в Нью-Йорке, и в Москве. Вскоре мы были в его гостеприимной квартире на 20-м этаже. Дверь открыла, убедившись через дверной глазок, что это свои, сонная Танюша, дочь Серебряковых. Пока хозяева хлопотали на кухне, мы вышли на балкон. Погода в Нью-Йорке в этот день была прохладная и ветреная. Стоять на балконе даже в пиджаке было зябко. Но как-то хотелось и сквозь темноту над сверкающими огоньками одноэтажных и двухэтажных домиков угадать, как живет этот постоянно меняющийся город. Я стоял на балконе и думал о том, что прошло уже двадцать лет с тех пор, когда мы, группа советских журналистов, появились в Нью-Йорке. Все тогда было в первый раз, все заново. Даже странно сейчас подумать, что именно тогда мы отыскали в одной из каменных громад Манхэттена не то на пятидесятом, не то на шестидесятом этаже Лилиан Войнич. Ей было уже около 90 лет; она с трудом воспринимала сообщения о том, что ее «Овод» является одной из любимых книг советских читателей и что по «Оводу» сделан фильм. Когда сейчас я смотрю на те бледные, старые снимки, где мы изображены с Лилиан Войнич в ее скромной комнатке, кажется, что это все уже из другого века... В те же дни в квартире журналиста Гарри Фримэна мы встречались с еще тогда полным сил Полем Робсоном и вместе с ним пели «Ах, ты, ноченька» и его любимую «Миссисипи»... А еще через несколько лет вместе с Николаем Погодиным в огромном помещении Мэдисон-сквер-гарден присутствовали на публичном праздновании сорокапятилетия Джона Кеннеди, на котором Мэрилин Монро подносила молодому президенту торт с 45 свечами...

Где-то вдалеке глухо ворочался ночной Нью-Йорк, внизу перемигивались огоньки, а мы молча, видимо, каждый думая о своем, стояли на балконе 20-го этажа под студеным апрельским ветром, тянущим с Атлантического океана.

— Ну, а теперь прошу к столу,— сказала Нелла Серебрякова.

...Так мы и не попали в ту ночь в отель «Сеймур», засидевшись почти до рассвета у радушных хозяев.

А утром с того же балкона увидели те же маленькие домики, которые, словно бы распластанные, лежали внизу; недвижные машины возле каждого из них. И все же это был не обычный нью-йоркский пейзаж с громоздящимися к небу прямоугольниками, а какой-то другой, почти сельский, если не считать многоэтажных домов, ломаной линией примыкавших друг к другу.

Мы спустились вниз. Геннадий Серебряков сел за руль:

— Я покажу вам наш новый жилой дом, в котором расположена и школа, где учатся наши дети.

Машина тронулась. За каким-то поворотом мы увидели большое белое здание.

— Он самый,— сказал Серебряков, притормозив машину.— А вот с этого бугра,— Серебряков указал рукой вправо,— стреляли по дому... Четыре пули. Одна за другой прошли перед лицом дежурившего в доме сотрудника.

— И никого не нашли?

— Винтовка с оптическим прицелом осталась на бугре... Винтовку бросили, чтобы не попасться с ней... Иначе могут и судить.

— Но в этом же здании учатся дети?!

— Да, учатся... Теперь автобус с детьми из тех домов, где мы живем, сопровождают полицейские... В качестве меры безопасности.

Мы медленно объезжали вокруг здания.

— Вот в это окно попали пули,— сказал Серебряков.

Я спросил, как чувствует себя Яков Александрович Малик. Было известно, что он вместе с женой попал в автомобильную аварию.

— Он работает, а жена еще в больнице.

— Мы недавно встречались с ним в Москве. Я сказал, что если судьба приведет меня в Нью-Йорк, я обязательно навещу его.

Поколесив по Нью-Йорку в это уже горячее время, когда на улицах возникает пробка за пробкой, мы добрались и до здания представительства СССР при ООН. Почти каждый приезд я бывал здесь, а однажды, в мае 1972 года, возвращаясь в последний раз из Чили, даже нашел приют в жилых комнатах представительства.

Все было так, как и раньше. С двух сторон улица была перегорожена переносными барьерами. Возле представительства стояло несколько полицейских машин. Но сама улица была почти пустынна. Только одиночные полицейские разговаривали у барьеров на тротуаре. И хотя видимых происшествий на улице обнаружить было невозможно, что-то неуловимое словно бы говорило о том, что совсем недавно здесь что-то происходило.

В кабинете Малика были Михаил Аверкиевич Харламов и еще несколько сотрудников представительства. Из соседней комнаты вышел Малик:

— Сдержали все же обещание?

— А как могло быть иначе?.. Как чувствуете себя?

— Нормально...

Совсем недавно в Кремле во время одного из перерывов заседаний XXV съезда мы встретились с Яковом Александровичем. Тогда он, пожалуй, выглядел так же, как и двадцать два года назад, когда я познакомился с ним в Лондоне, где он был тогда послом Советского Союза. Сейчас Малик был такой же подтянутый, только чуть похудевший. И глаза были такими же — живыми и острыми.

— Как вы здесь живете?

Малик улыбнулся, обращаясь к своим товарищам по работе.

— Как мы здесь живем? Не скучаем... Вот только что закончилась очередная демонстрация сионистов. На сей раз они избрали местом демонстрации крышу синагоги.

— Крышу синагоги?!

— Да, вот той, что расположена напротив нас.

Действительно, напротив представительства СССР при ООН расположены пожарная команда, полиция и синагога.

— Что же они там делали?

— Кричали всякие непристойности, разбрасывали вот эти листовки.— Малик протянул мне лист бумаги.— Только не пытайтесь переводить вслух. Здесь сплошной мат и всякие нецензурные слова, только написанные в английской транскрипции.

— И это все?

— Еще грозили украсть одного советского дипломата и советскую девочку...

— А это еще что?

— Если им не будет выдана С.[1].

— Какая С.?

— Дочь бывшего советского гражданина, три года назад уехавшего в Израиль. Жена разошлась с ним. Дочь заканчивает десятый класс в Москве... Комсомолка... Ни о каком Израиле не желает слышать.

Я сидел потрясенный. Все это здесь, в центре Нью-Йорка?!

— Вы же читали в советской прессе о хулиганских актах этой сионистской мафии?

— Все читали, но там было очень коротко.

— Можете познакомиться с материалами полнее.

— Можно воспользоваться ими?

— Пожалуйста...

— Наши люди не всегда знают, что здесь происходит, а всякие

[1] По понятным причинам, чтобы не тревожить девушку, мы решили опустить ее имя.

«Свободные Европы» и прочие «голоса», работающие на антисоветских волнах, пытаются задурманить сознание некоторых легковерных слушателей.

— Должен сказать, что мы здесь не одиноки. Получаем в адрес миссии письма. Правда, некоторые их авторы, боясь мести, остаются анонимами. Но другие сообщают о себе все, вплоть до адресов.

— А этими письмами тоже можно пользоваться?

— Конечно... Наши люди должны знать все.

Да, не просто живется советским дипломатам, находящимся на самой передовой линии не только обычной дипломатической работы, но и идеологической борьбы, отстаивания святых принципов советской политики сохранения мира и дружбы между народами.

У нас еще оставалось немного времени для того, чтобы познакомиться со всеми материалами, которые дал мне Яков Александрович Малик.

Вот они, эти материалы:

Постоянное представительство СССР при ООН в ноте, направленной американской миссии, заявило решительный протест по поводу новой антисоветской провокации — обстрела здания представительства СССР при ООН в Нью-Йорке. В ноте говорится, что в ночь на 2 апреля по зданию представительства были произведены выстрелы. Пуля, пробившая окно помещения, в котором проживает семья сотрудника представительства, вошла в противоположную стену комнаты. Лишь по счастливой случайности находившиеся в этой комнате женщина с ребенком не пострадали.

Представительство СССР подчеркивает особую серьезность этой преступной акции, поскольку это уже четвертый случай обстрела зданий, принадлежащих представительству СССР при ООН в Нью-Йорке.

До сих пор никто из преступников, стрелявших по зданию представительства СССР, говорится в ноте, не был привлечен к ответственности и должным образом наказан. Эта атмосфера попустительства граничит практически с поощрением злодеяний сионистов.

Представительство СССР потребовало немедленного расследования этой новой преступной акции, задержания и наказания виновных, а также принятия американской стороной мер по предотвращению и недопущению подобных террористических акций в будущем, по обеспечению безопасности представительства СССР и его персонала. В ноте подчеркивается, что вся ответственность за последствия непринятия таких мер ложится на американскую сторону.

Постоянное представительство Союза Советских Социалистических Республик при Организации Объединенных Наций вынуждено было обратить внимание миссии Соединенных Штатов Америки при Организации Объединенных Наций на очередной враждебный акт со стороны известной миссии США фашиствующей сионистской мафии в отношении представительства СССР при ООН.

И несколько писем, присланных в представительство СССР при ООН:

«Советскому Представительству при ООН
Уважаемые господа!
Я думаю, Вас заинтересует эта статья. Она показывает, как сионисты подкупают полицию города Нью-Йорка. Какое совпадение! У полицейского в то время, когда стреляли, был обеденный перерыв! Думаю, что это не совпадение, а лишнее подтверждение американского потворства сионистам».
Подчеркнутый автором отрывок из статьи:
«...Во время инцидента здание охраняли трое полицейских, но один из них отлучился на обеденный перерыв. Об этом заявил представитель полиции».
(Газета «Ньюарк-Стар-Леджер», 4 марта 1976 г.)

«Советскому Представительству при ООН, Нью-Йорк
Уважаемые господа!
Я нашел эту листовку во время сионистской демонстрации у вашей миссии в воскресенье.
Она, несомненно, свидетельствует о хулиганском характере выходок сионистов.
Искренне
житель Нью-Йорка».

«Джон Штраус, 37-32 222-я ул., Бэйсайд, штат
Нью-Йорк 11361
Представительству СССР при ООН
5 апреля 1976 г.

Джентльмены!
Как еврей, «капиталист» и американский гражданин, пострадавший от нацистов, я хотел бы извиниться за совершенно безрассудное, гангстерское и хулиганское поведение молодчиков, создавших так называемую лигу защиты евреев и пытающихся выступать от имени еврейского народа.
Я не претендую на осведомленность о жизни в Советском Союзе. Но я хорошо сознаю, что эти преступники, эти безумные националисты не только представляют опасность для всеобщего мира, но просто глупы и слабоумны.
Этих так называемых защитников евреев никто не уполномочивал выступать от имени еврейского народа. Они делают это и совершают безрассудные поступки от своего собственного имени. Место им — в тюрьме.
Если вы сочтете нужным опубликовать это письмо, предоставляю вам полную свободу действий.
Искренне Ваш
Джон Штраус».

С удовольствием выполняю разрешение Джона Штрауса опубликовать его письмо. Думается, что в Соединенных Штатах немало подобных Штраусов, которые с презрением относятся к уголовной мафии сионистов, теряющей не только спокойствие, но и разум только от одного слова «детант» — разрядка.

...Уже было почти темно, когда мы приехали на аэродром Кеннеди, чтобы продолжить путь в Мехико. Вылетая из Москвы, я меньше всего думал о том, что короткое пребывание в Нью-Йорке столкнет меня вплотную с такими отвратительными событиями.

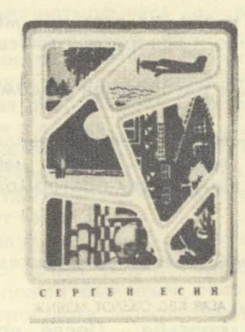
Сидя в большом (на 260 мест) самолете, своими габаритами чем-то напоминающем паром, я перебирал в памяти события последних дней: посещение нашего представительства в Нью-Йорке, вдруг возникшее имя московской школьницы и, конечно, снова и снова возвращался к письму Фрэнка Тейлора, как-то про себя думая о том, что это все же досадная случайность. Вот встретимся с ним в Мехико, и все станет на свое место...

Через четыре часа полета в темноте ночи внизу засверкали разноцветные огни Мехико...

ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ

МАСШТАБ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

Сергей Есин. Живем только два раза. Рассказы и повесть. М., «Молодая гвардия», 1976, 144 стр.

Героев книги Сергея Есина, людей разных поколений и разных профессий, роднит одно качество — чувство личной ответственности за все, что происходит вокруг них, рядом с ними. Непременное следствие такого качества — активная доброта, побуждающая к действию. Действия же их всегда направлены к одной цели — помочь людям, выручить из беды, даже если это в ущерб себе, даже если ради этого от многого нужно отказаться, даже если, наконец, приходится рисковать собственной жизнью.

Так герой рассказа «Письмо» Хаким Каюмов, без одной руки пришедший с фронта домой, где «ни дров, ни кизяка, ни хлеба, ни мануфактуры», приютил и усыновил тринадцать детей различных национальностей. «Я брал — кто голодный и холодный, кто бездомный... По сочувствию собирал...»

Так председатель колхоза Кавцун («Председатель Кавцун в феврале»), ревниво следящий за успехами своего ученика Луценко, с болью в душе думающий о том, что вскоре придется уступить ему руководство хозяйством, искренне радуется, когда тот в его отсутст-

ГОСТИ

На прошлой неделе редакцию «Огонька» посетил ливанский поэт Мишель Сулейман, который поделился своими впечатлениями от пребывания в Советском Союзе и рассказал о современной литературе Ливана, а также о проблемах, стоящих перед страной.

Безопасность дорожного движения — такова тема состоявшегося в Москве 10—11 июня с. г. Всесоюзного совещания – семинара, проводимого Министерством внутренних дел СССР. В нем приняло участие более 500 ведущих специалистов различных министерств, ведомств, организаций. В работе совещания-семинара принял участие министр внутренних дел СССР генерал-полковник Н. А. Щелоков.

Фото Дм. Бальтерманца

вие отдает механизаторам новый дом, предназначенный для самого председателя. «...Если Луценко отрядил новый дом женатым шоферам, а не стал подхалимничать перед председателем, поступил принципиально, так же, как на его месте поступил бы и сам Кавцун, значит, Луценко действительно его школа, его ученик, и уверен: учитель поймет его правильно».

Так в метель, в нелетную погоду сажает на торосы и тут же поднимает в воздух сносимый ветром самолет, на который успели погрузить роженицу, герой рассказа «Санрейс» Николай Баращка по прозвищу Быка.

Повесть, завершающая книгу, озаглавлена на первый взгляд парадоксально — «Живем только два раза». Однако у ее героя, Петра Максимовича, и впрямь оказались две жизни. Одна — тяжкие солдатские дороги войны, потом — работа грузчиком на вокзале в далеком волжском городе, семья, дети. Вторая — «стоит он, медный, опустив автомат», над Дунаем, «как олицетворение всей славы советского оружия. Его лицо глядит с почтовых марок, с открыток, с картин в музеях». И Петр Максимович, размышляя о том, «что таких, как он, на прошедшей войне ой много было», приходит к решению: «...теперь жить ему надо по-другому, быть построже к себе. И раз так уж получилось, что вроде возвеличили его за всех, то — делать нечего — почет и тяжесть своего нового звания нести он должен, не срамя себя и товарищей своих фронтовых...»

Подчеркивая основную мысль повести, Вадим Кожевников пишет в предисловии к книге: «От того, каков ты, человек, какой твой внутренний мир, твои поступки,— первая жизнь, от этого зависит вторая: что несешь ты людям, что несешь ты в мир. Ни один поступок, самый малый, не проходит в жизни бесследно. Это масштаб требовательности, необходимой требовательности человека к себе, независимо от того, какое дело делает он на земле».

Первая книга молодого писателя свидетельствует о пристальном его внимании к нравственной красоте советского человека, к высоким гуманистическим и гражданским принципам, в соответствии с которыми он живет.

Н. ЦВЕТКОВА

«ОГОНЬКА»

Г-н Хасан Хусейн, первый секретарь Посольства Ливии в СССР, интересовался постановкой работы в журнале. В ходе беседы он высоко отозвался об усилиях Советского Союза, направленных на обеспечение мира на Ближнем Востоке.

Мегэн Коул в роли Абби и Дэниел Керн — Эбин.

Фото И. Александрова.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Что сильнее: ненависть, вскармливаемая годами суровой, безрадостной жизни, порождение иссушающих душу человека собственнических инстинктов, или же любовь, возникшая неожиданно и так же поразительно, как если бы вдруг иссохшую, закаменевшую землю пустыни вдруг прорвал молодой зеленый росток и жадно, неудержимо потянулся к солнцу, к свету?..

Этот вопрос задают нам герои пьесы и спектакля «Любовь под вязами» Юджина О'Нила, привезенного на гастроли из Сан-Франциско в Москву американским театром «Кэнсервэтри». Вопрос этот решают и сами для себя участники постановки.

Спектакль поставлен режиссером Алленом Флетчером в спокойной, обстоятельной манере; первые минуты действия кажутся даже замедленными, так как актеры и режиссер реалистично, в мельчайших подробностях рисуют нам рутинный быт фермеров, будто веками ничем не нарушаемый. Обстановка взаимной ненависти, царящая в большом фермерском доме, — тоже привычный, необходимый, ставший каким-то материальным (как, к примеру, мебель) атрибут существования семьи... И только с появлением Абби, молодой жены старого фермера-отца, действие спектакля начинает приобретать размах и стремительность. Актерская игра становится все более глубокой и откровенной, достигая к концу спектакля по-настоящему трагедийных высот. Извечную тему борьбы добра и зла американская труппа из Сан-Франциско решает ярко, своеобразно, щедро отдает она свои таланты реалистическому искусству и нам, зрителям.

Н. МИХАЙЛОВА

ПЕСНИ НАНИ БРЕГВАДЗЕ

В Грузии говорят: «Есть просто хорошие певицы, есть очень хорошие певицы, и есть Нани Брегвадзе». Здесь как нельзя лучше выражено признание яркого, самобытного таланта, красоты голоса, необыкновенного сценического обаяния артистки.

Более десяти лет поет Нани Брегвадзе, народная артистка Грузинской ССР, солистка популярного вокально-инструментального ансамбля «Орэра». Встречи с этим темпераментным, солнечным коллективом радостны. Творческий вечер Нани Брегвадзе в Центральном доме работников искусств — когда «Орэра» после двухлетнего перерыва гастролировал в Москве — запомнился всем, кто любит искусство песни и умеет его ценить.

Переполненный зал был как бы настроен на одну эмоциональную волну, захваченный мастерством певицы, той первозданной красотой, которую приобретает каждая песня, каждый романс в ее исполнении.

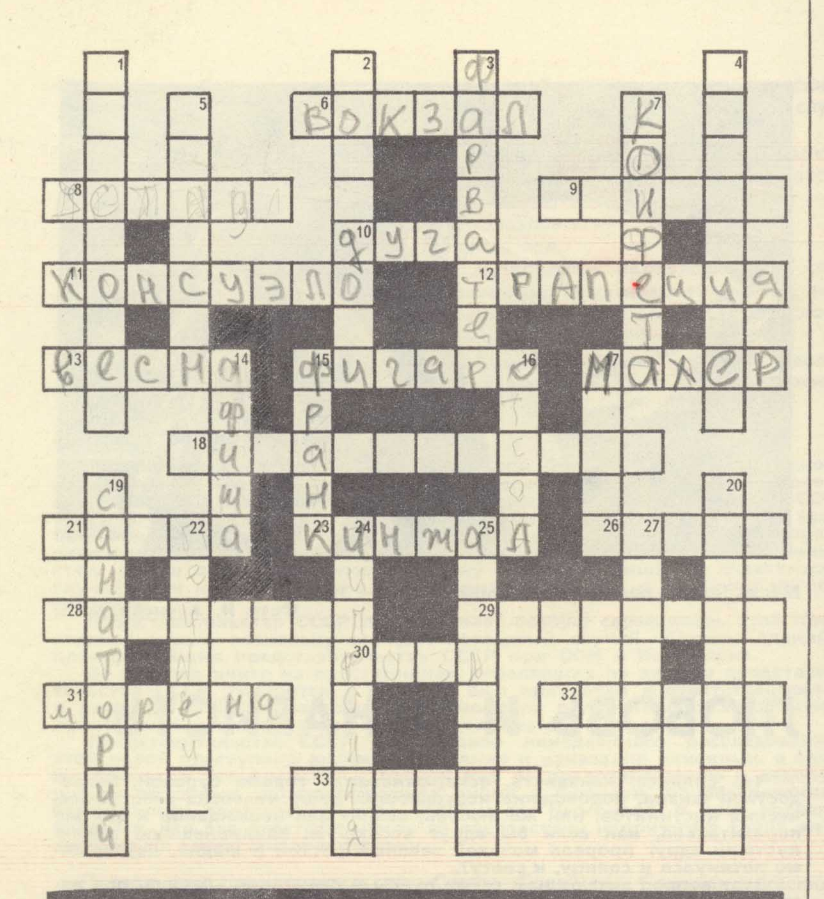
Репертуар Нани Брегвадзе разнообразен. Это и родные ее грузинские песни — мингрельские, гурийские, кахетинские — и русские романсы. Чувствуются в исполнительской манере Нани традиции великолепных эстрадных исполнительниц — Тамары Церетели и Кэто Джапаридзе.

Любит Нани Брегвадзе и песни советских композиторов, находя в них свои, неповторимые интонации. Чаще всего это песни о любви, где слышишь признание, находишь откровение, размышление... Это и «Гимн любви» Г. Цабадзе, и «Как в последний раз» Г. Гладкова...

Что бы ни пела Нани, ее исполнение отличается удивительной лиричностью, сдержанностью, благородством.

М. ДМИТРИЕВА

Фото В. Смирнова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Станционное здание. 8. Указ, закон. 9. Приток Вислы. 10. Часть окружности. 11. Роман Жорж Санд. 12. Четырехугольник с двумя параллельными сторонами. 13. Время года. 15. Герой комедии П. Бомарше. 17. Ворсистая ткань. 18. Чемпионка мира по стоклеточным шашкам. 21. Птица семейства вороновых. 23. Холодное оружие. 26. Стихотворение В. Маяковского. 28. Город в Донецкой области. 29. Шведский физик XIX века. 30. Эфиромасличная культура. 31. Гряда валунов, сдвигаемая с гор ледниками. 32. Цветок. 33. Промысловая рыба.

По вертикали: 1. Экваториальное созвездие. 2. Итальянский комедиограф XVIII века. 3. Путь для безопасного плавания судов. 4. Картина В. Е. Маковского. 5. Курорт в Читинской области. 7. Кондитерское изделие. 14. Объявление о спектакле, лекции. 15. Денежная единица некоторых стран. 16. Помещение на корабле. 17. Немецкий композитор XIX века. 19. Лечебно-профилактическое учреждение. 20. Иносказание. 22. Минеральное образование, применяемое в шлифовальном деле. 24. Крупное музыкальное произведение. 25. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». 27. Сорт яблок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 4. Капитан. 7. Шадр. 8. Иран. 10. Космонавт. 12. Фарада. 14. Альбом. 16. Папирус. 18. Австралия. 19. Барисфера. 21. Алатырь. 22. Карьер. 24. Карпов. 25. Амбразура. 28. Хозе. 29. Изюм. 30. Инсаров.

По вертикали: 1. Григорович. 2. Мадрас. 3. Кабина. 5. Ласка. 6. Карта. 9. «Калистрат». 11. Корректор. 13. Душанбе. 15. Лисичка. 16. Плица. 17. Сталь. 20. Страдивари. 23. Радон. 24. Канюк. 26. Блесна. 27. Унисон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Инженер-конструктор Института электросварки имени Е. О. Патона АН УССР Алла Лобанова. (См. в номере материал «Патоновцы».).

Фото Н. Козловского.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пора сенокоса. Фото В. Купрова. (Москва. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 31/V — 1976 г. А 05960. Подп. к печ. 15/VI — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1488. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2322.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ГЛАВНАЯ БАБУШКА

В часы вечерние.

В. МАКСИМОВА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Четвертой внучкой стала Оля у бабушки Лоры. Старшие мальчики давно выросли, учатся. Игорь — в институте геодезии, Андрей — будущий геолог, а Саша в этом году заканчивает техникум.

Оля же только собирается осенью пойти в школу. Всех внуков любит бабушка, а вот самой счастливой стала все-таки Оля, или Ляля, как ее чаще называют дома. И на это нет каких-либо особых, необыкновенных причин. Все объясняется очень просто. Родилась Оля в 1969 году, когда Элеонора Яновна, кандидат медицинских наук, кавалер, если можно так сказать о женщине, ордена Трудового Красного Знамени, была уже на пенсии, а ее докторский чемоданчик с инструментами мирно покоился в домашнем шкафу. Экстренные вызовы, ночные дежурства сменились новыми заботами, новыми тревогами.

— Растя двух сыновей и трех старших внуков, никогда не могла уделить им столько времени, любви и тепла, сколько хотелось бы,— с застенчивой улыбкой, как-то смущенно рассказывает Элеонора Яновна. — И вот только теперь все мои заботы — внучке.

Научными работами и диссертациями в доме Виноградовых занимаются теперь родители Оли, Вадим Сер-

◄ — С праздником, бабуля!

геевич и Людмила Николаевна, а у Элеоноры Яновны новый титул — «главная бабушка». Так, во всяком случае, называет ее Оля.

— Я богатая, — доверительно сообщает она. — У меня ведь три бабушки: две саратовские, бабушка старенькая (это прабабушка) и бабушка Нина. Но баба Лора — самая главная! Ведь она всегда со мной. Вот недавно наш папа пропал на целую ночь. Оказалось, что были тяжелые больные и надо было срочно их спасать. Вот мы с бабой Лорой переволновались!

Чувствуется, что внучка с бабушкой — большие друзья. Все свои секреты Оля поверяет в первую очередь бабушке Лоре. Да и первое свое далекое путешествие — в Юрмалу, к морю,— Оля тоже совершила с Элеонорой Яновной. Побывали они, конечно, и в Риге.

— В Рижском зоопарке слон просто необыкновенный, — словоохотливо рассказывает Оленька.— У него и ноги большие и хобот. Правда, баба Лора!

Баба Лора мягко улыбается:

— Большая ты фантазерка, Ляля,— и потом, уже обращаясь ко мне, добавляет: — Очень любит книги, правда, сама читать ленится, хотя знает все буквы. В детском саду научили. Решили все-таки перед школой отдать Олю в детский сад. И режим там построже, и с детьми повеселее. Зимой Оля ходит в кружок фигурного катания. Он там же, в садике у них.

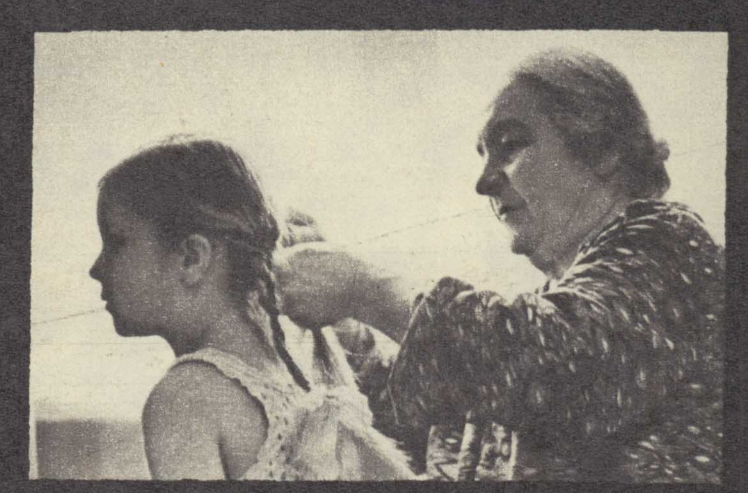
Незаметно пролетят летние месяцы. Бабушка с внучкой на своей небольшой дачке под Звенигородом насажают цветов, наварят варенья, компотов на зиму напасут. По воскресеньям, как обычно, родительский день: с папой и мамой Оля будет ходить на озеро, в лес. Так незаметно подойдет осень. Сядет бабушкина внучка за школьную парту, познает здесь первые радости побед, когда дневник ее украсит первая трудовая пятерка. Будут, возможно, и огорчения, разочарования. Так ведь всегда бывает в жизни. Но у Оли есть надежный, верный друг — бабушка. Бабушка, которая выслушает всегда все до конца, которая все поймет, все почувствует своим большим, любящим сердцем. Милая, светлая бабушка!

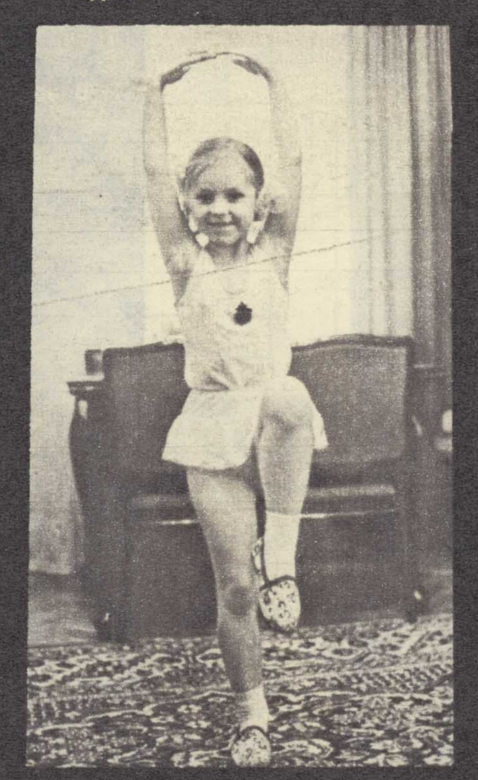
Утренние «неприятности».

— Я самая богатая: у меня три бабушки.

Бабушка всегда придет на помощь.

Чтобы тело и душа были молоды...

Сервировка стола — дело серьезное.

Неразлучные друзья.

Сегодня отрабатываем «ласточку».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663